

WARHAMMER
40,000

FEAR THE ALIEN

Edited by Christian Dunn

Annotation

У Империи Человека есть множество врагов, таящихся среди звезд, но наиболее отвратительный из них — чужие. На каждом шагу опасные расы стремятся уничтожить человечество — свирепые орки, прожорливые орды тиранидов, безжалостные некроны, загадочные силы тау и эльдаров. По всей вселенной человечество и его заступники, костические десантники, пытаются уничтожить ксеноугрозу. Однако все, на что они могут надеяться, это лишь еще один день выживания — ибо выступить против чужаков значит вступить в бесконечную войну...

Рассказы:

Саги Тихо — Дэн Абнетт

Страх во плоти — Juliet E. McKenna

Реквием Прометея — Ник Кайл,

рассказ из сборника трилогии Том Огня

Подарок для госпожи Баэды —

Брэйден Кэмпбелл

Железная преисподняя — К. Л. Вернер

Посвященный --- Марк Клэнхем
Лица --- Мэтью Фаррер
Единство Джеймс Гилмер
Ядро --- Аарон Дембски-Боуден,
рассказ из трилогии Повелителя Ночи
Честолюбие не знает преград --- Энди
Хоар

- [Сады Тихо](#)
- [Страх во плоти](#)
- [Реквием Прометея](#)
- [Подарок для госпожи Баэды](#)
- [Железная преисподняя](#)
- [Посвященный](#)
- [Лица](#)
- [Единство](#)
- [Ядро](#)
 -
 - [J](#)
 - [JJ](#)
 - [JJJ](#)
 - [JV](#)
 - [V](#)
 - [VJ](#)
 - [VJJ](#)

- VJJJ
 - JX
 - X
 - Честолюбие не знает презрад
-
-

Бойся Чужого

Сагы Тихо

Дэн Абнетт

Переводчик: Dammierung, вычитка:

Дэн

Рассказ о магосе Драшере

Тема того, каким именно рогом деятельности занимался мастер Деллак, в разговоре никогда не всплывала, а Валентин Драшер был не в том положении, чтобы задавать вопросы и лезть не в свое дело. Конечно, мастер Деллак был успешным человеком, одним из наиболее заметных богачей на пыльном пространстве Костяного Берега. У Драшера была одна-две мысли на этот счет, но он решил, что безопаснее, пожалуй, будет этого не знать. Он просто сделал то, что ему было сказано. Дважды в неделю, после работы, он посещал поместье мастера Деллака,

расположенное среди холмов, чтобы на частной основе оказывать свои специализированные услуги в обмен на обговоренную плату. И, в любом случае, не задавать вопросов.

Иногда мастер Деллак добавлял к оплате подарок — копченую ветчину, упаковку дорогого, изысканного печенья, а порой даже бутылку привозного вина. Драшер знал, что может получить неплохие деньги за эти продукты, но всегда оставлял их себе. Не то что бы он был жаден или любил гурманствовать — хотя, Трон знает, прошло много, очень много времени с тех пор, как Валентин Драшер наслаждался хоть какой-то роскошью. Он делал это потому, что существовала черта, которую Драшер не был готов перейти. За долгие годы он потерял так много всего, что составляло его жизнь, его респектабельность и добрую репутацию, что крепко держался за то, что у него еще оставалось.

Кроме того, он был кротким человеком и слишком боялся, что его поймут.

Поздно вечером в один хвалебник Драшер возвращался из дома Деллака в Калостер. Он приходил в поместье и покидал его пешком — целое путешествие, не меньше часа в один конец. Деллак ни разу не предложил ему транспортер, несмотря на то, что у него был водитель. Драшер пытался воспринимать эти походы раз в две недели как вполне достойное упражнение для мужчины его возраста, которое должно приносить пользу, однако к тому времени, как он приходил к своему обиталищу на улице Алтон, он всегда чувствовал усталость.

Солнце зашло, и небо над маленьким прибрежным городом стало трапезно-розовым. Ночной ветер поднимал и рассеивал клубы белой пыли с дюн по ту сторону дороги в город, и Калостер выглядел темным, как будто каждое окно было закрыто ставнями.

Здесь отсутствовала ночная жизнь, никуда нельзя было скрыться от скромности и тишины маленького города. Но вдобавок к заработку, лежащему в кармане верхнего платья, Драшер нес в

супке кусок хорошей грюдинки. Он будет сытно ужинать по меньшей мере несколько дней.

Улица Алон, застроенная доходными домами, тянулась под гору от площади Аквилы до ржавых причалов и заброшенных рыбзаводов. От старости и недостатка ухода дома приобрели грязно-коричневый цвет, а их крыши нуждались в починке. Воздух был пропитан зловонием от печей для обжига извести, расположенных прямо через дорогу. Драшер снимал комнаты на четвертом этаже дома номер семьдесят.

Чуть дальше по улице был припаркован большой черный транспортер с хромированными фарами. Драшер заметил его, пока рылся в карманах в поисках ключа, но не слишком этим озаботился. Он поднялся к своей двери по узкой деревянной лестнице.

Только войдя в свою комнатку, он понял, что в ней уже кто-то есть.

Мужчина был крепкого сложения и довольно-таки уродлив. Тяжелые брови, грива густых темных волос, бесформенное, асимметричное лицо. На нем был

застегнутый на все пуговицы костюм из толстой черной саржи и тяжелый кожаный плащ, тоже черного цвета. Он удобно расселся напротив двери на деревянном стуле с решетчатой спинкой, дожидаясь его.

-- Что вы... -- начал Драшер. Голос получился слабый и писклявый.

-- Вы Драшер? -- спросил мужчина.

-- Да. А что? Что вы тут делаете?

Это моя...

-- Валентин Драшер? -- с нажимом переспросил мужчина, бросив взгляд на маленький инфопланшет в левой руке. -- Магос биологис? Тут написано, что вам сорок семь. Это правда? Выглядите старше.

-- Я -- Валентин Драшер, -- ответил Драшер, слишком напуганный, чтобы оскорбиться. -- К чему это? Кто вы?

-- Присягите, магос. Сюда, пожалуйста. Положите сумку на стол.

Драшер сделал, как было сказано. Сердце колотилось, кожа стала влажной от пота. У него появилось ужасное чувство осознания того, к чему все идет.

— Меня зовут Фалкен, — сказал человек и тельком показал ему документ. Драшер сглотнул, увидев серебряную печать Магистрата с маленькой оранжевой ленточкой — знаком Отдела Военного Управления.

— Давно ли вы пребываете на Гершоме?

— А... четырнадцать лет. Четырнадцать лет этой зимой.

— А здесь, в Калостере?

— Только восемнадцать месяцев.

Мужчина снова взглянул на экран.

— По данным Центрального архива вас нанял Администратум для преподавания естественной истории в местной школе.

— Все правильно. Мои документы в полном порядке.

— Но вы — магос биологис, а не учитель.

— Этот мир предоставляет наилучшие рабочие перспективы для человека моей профессии. Я беру эту работу, которую могу выполнить. Учительского жалованья, предоставляемого Администратумом.

хватает, чтобы иметь крышу над головой.

Мужчина поджал губы.

— Если перспектив для таких, как вы, здесь раз-два и обчелся, то это поднимает вопрос, почему вы вообще прибыли на Гершом? Не говоря уже о том, почему вы решили остаться здесь на четырнадцать лет.

Несмотря на страх, Драшер почувствовал себя уязвленным. Старая несправедливость снова вернулась, чтобы преследовать его.

— Когда я прибыл на этот мир, сэр, мне дали прибыльную работу. Сам лорд-губернатор был моим покровителем. Он поручил мне составить полную таксономию фауны этой планеты. Работа заняла семь лет, но ближе к концу появились затруднения...

— Затруднения?

— Юридического характера. Меня заставили остаться на планете еще на два года, поскольку я был свидетелем. Все деньги, заработанные мной, закончились. К тому времени, как дело было закрыто, я больше не мог позволить себе уехать на

зрүгүю планетү. С тех пор я живу здесь, зарабатываю на жизнь, чем могу.

Фалкен, похоже, не слишком заинтересовался его историей. Драшер опыту знал, что она никому не интересна. На унылом захолустном мирке вроде Гершома каждый мог повесить свой собственный слезливый рассказ.

— Вы все смотрите на сумку, магос, — вдруг заметил Фалкен. — Почему это?

Драшер снова тяжело сглотнул. У него никогда не получалось лгать.

— Сэр, — сказал он тихо, — скажите мне, пожалуйста... Я имею в виду, будет ли мне лучше, если я сейчас во всем сознаюсь?

Фалкен моргнул, как будто удивившись, затем улыбнулся.

— Это хорошая идея, — сказал он, присаживаясь так, чтобы видеть лицо Драшера через низкий столик, на котором лежала сумка. — Почему бы вам этого не сделать?

— Мне стыдно, — сказал Драшер. — Я хочу сказать, это было глупо. Я знал, что Магистратум рано или поздно

обнаружим. Просто... я был в очень трудном положении.

-- Продолжайте.

-- Администраторы платят мне за мои услуги, а также дает право на определенный рацион, установленный Военным Управлением. Это, конечно же, если... если я не работаю где-то еще, чтобы получить добавку к зарплате.

-- Естественно, -- кивнул Фалкен. --

Если нарушить правила, последует наказание. Оно может быть суровым.

Драшер вздохнул и показал Фалкена содержимое своей сумки.

-- Есть человек, местный бизнесмен, который нанял меня. Два вечера в неделю. По частной договоренности. Он платит мне наличными, и никаких вопросов.

-- Сколько?

-- Две короны за вечер. У него дочь. Для нее он меня и приглашает...

Фалкен посмотрел на вещи, которые продемонстрировал ему Драшер.

-- Вы делаете это с его дочерью?

-- Да. Он иногда наблюдает.

Фалкен встал.

--- Ясно. Милая картина, не правда ли?

Но какой-то причине Фалкен выглядел так, будто подавлял улыбку, словно что-то ужасно его веселило.

--- У меня серьезные проблемы? --- спросил Драшер.

--- Вам придется поехать со мной, --- сказал Фалкен. --- В Тихо.

--- В Тихо?

--- Маршал хочет поговорить с вами.

--- О Трон! --- выдохнул Драшер. --- Я думал, может, просто штраф...

--- Соберите вещи, магос. Все, что есть. Даю вам пять минут.

Имущества у Драшера было не много. Все потестилось в две небольшие сумки. Фалкен не предложил отнести их вниз, к транспортеру.

Уже совсем стемнело, наступила ночь. Когда включился двигатель, свет фар заполнил глубины улицы Амон.

Драшер сел вперед, рядом с офицером Магистратума. Они выехали через город на прибрежное шоссе и повернули на юг.

Города Южного Полуострова, среди них и Тихо, еще недавно были ареной жестокой гражданской войны, которая бушевала более десяти лет. Два года назад народное сепаратистское движение наконец было сломлено правительственными войсками, но к тому времени война окончательно ослабила и без того нездоровую экономику Гершота. Строгое военное правление Императора распространилось по всему Полуострову, Костяному берегу и через него — на Восточные провинции.

Гражданская война загрязнила воздух дымом и отравила прибрежные воды, погубив рыболовный промысел. Города Полуострова представляли собой руины, в которых Отдел Военного Управления восстанавливал закон Императора и помогал обнищавшему мирному населению.

Фалкен вел машину уже два часа, но не произнес и слова. Приглушенное вокальное устройство под приборной панелью

потрескивало, передавая сообщения

Магистратума, как будто борточа во сне.

Драшер глядел из окна в темноту и на изредка вырисовывающиеся из нее черные развалины. Вот и все, подумал он. Гершом был его главным врагом. Он заманил его, молодого, блестящего ученого с не менее блестящим будущим, и заточил, словно муху в янтаре. Он иссушил Драшера, подавил его дух и сделал бедняком.

И теперь, после всех усилий заработать себе на хлеб, не говоря уже о билете с планеты, он натеревался его уничтожить. Позор. Бесчестие. Возможно, лишение свободы.

--- Я не заслужил этого, --- пробормотал он.

--- Что? --- спросил Фалкен из-за руля.

--- Ничего.

Они начали проезжать мимо укрепленных дорожных застав, где бойцы Магистратума, носящие оранжевую ленточку Отдела Военного Управления, пропускали Фалкена взмахом руки. Теперь они въехали на сам Полуостров, в

настоящую зону боевых действий. Мимо проплывали города-призраки, заброшенные, полуразрушенные, освещаемые прожекторами и сигнальными огнями военных. Темный ландшафт снаружи превратился в фосфоресцирующую пустошь, усеянную хрупкими стенами и пустыми жилблоками.

Тихо был главным городом на Полуострове, и, пока они ехали по его пустым улицам, четыре часа спустя после выезда из Калостера, Драшер мог видеть печальные последствия катастрофы -- погнутые балки, кучи щебня, почерневшие от дыма строения. Его лицо, слабо освещенное огнями циферблатов на приборной панели, отражалось в окне, и его образ накладывался на руины. Бледный, худой, очкастый, с редкими седыми волосами. Драшер не был уверен, он ли похож на развалины Тихо или они на него.

Они остановились в центре города, у массивного, обветшавшего здания из асфальта.

-- Оставьте сумки, -- сказал Фалкен, выходя наружу. -- Я попрошу их занести.

Драшер последовал за ним в высокий проход. В наполненном эхом атриуме туда-сюда сновали сотрудники Магистратума, с потолка свисали поникшие флаги Имперума. Нахлопнул антисептиком.

--- Сюда, --- показал Фалкен.

Он отвел Драшера к помещению на пятом этаже. Лифты не работали, и им пришлось воспользоваться лестницей. Фалкен оставил его ждуть за тяжелой двойной дверью.

Было холодно, так как через треснувшие оконные стекла в гальнелетном конце коридора внутрь проникал ночной воздух. Драшер шагал взад и вперед. Он слышал, как гребезжат и щелкают когитаторы в ближайших комнатах, и как изредка откуда-то снизу доносится крик. Потом он услышал стех из-за двойной двери.

Показался Фалкен. Он все еще устехался.

--- Все, можно входить, --- сказал он.

Драшер вошел внутрь, и двери закрылись за ним. Офис был большой и

брачный, на потертом ковре стоял единственный металлический стол. С полдюжины тележек с проволочными корзинами были плотно набиты потрепанными папками и пакетами документов. Тихо жужжал когитатор. На стенах виднелись выцветшие пятна там, где раньше висели картины.

--- Трон. Я тебя и не узнала, магос, --- произнес женский голос.

Она стояла у окна, и ее силуэт вырисовывался на фоне ночного города, лежащего снаружи. Он сразу же узнал этот голос.

--- Мэкс?

Жермен Мэкс шагнула ему навстречу с улыбкой на губах. Ее волосы по-прежнему были короткими, лицо --- по-прежнему худым, и старый маленький шрам в виде зигзага, слева над ртом, все еще был заметен. Другой, более свежий шрам на лбу был наполовину спрятан под челкой.

--- Привет, Валентин, --- сказала она. --- Сколько лет уже прошло? Пять?

Он кивнул.

--- Представитель Мэкс...

Она покачала головой.

--- Теперь уже --- маршал

Магистратума Мэкс. Глава Отдела

Военного Управления в городе Тихо.

Он застыл на месте.

--- Магмүазель, я все могу объяснить.

Я надеюсь, тот факт, что ты давно меня

знаешь, может стягчить...

--- Фалкен пошүтил над тобой, магос.

--- Извини, что?

Мэкс села за стол.

--- Я послала Фалкена на побережье,
чтоб он тебя привез. Трон его знает,

почему ты вдруг начал ему

исповедоваться. Совесть нечиста, а,

Валентин?

--- Я... --- Драшер занүлся.

--- Фалкен чүть со стеху не лопнүл. Он
сказал, мол, не дүмал, что сложет всю

дорогу ехать с серьезным лицом. Ты что,

дүмал, у тебя проблемы?

--- Он... но ведь... я...

--- Учил дочь какогo-то мелкого
вытогателя искусствү акварели? Чтобы

полүчать добавкү к тем скүдным грошам,

которые выдает Агтин? Да ладно,

Валентин! Еще бы я заставила главного следователя ехать куда-то, чтоб арестовать тебя, гений ты наш криминальный.

Драшер почувствовал, что у него слегка кружится голова.

--- Можно присесть? --- спросил он.

Она кивнула, все еще поспеиваясь, и вынула из ящика письменного стола бутылку амасена и две стопки.

--- Давай-ка выпей, грязный рецидивист, --- ухмыльнулась она, протягивая ему одну из них.

--- Я действительно не понимаю, что происходит... --- сказал Драшер.

--- Я тоже, --- ответила она. --- Вот поэтому мне нужна кое-какая помощь. Помощь знатока. Когда я сказала, что у тебя нет проблем, я солгала. С тобой лично --- нет, но проблема есть здесь. И ты вот-вот в ней окажешься.

--- Ох, --- отозвался он.

--- Выпей, --- посоветовала Мэкс. --- Там, куда мы сейчас пойдём, тебе это понадобится.

— С точки зрения знатока, — сказала она, — что могло это сделать?

Драшер долго смотрел на это, а затем извинился и вышел. Подкатывая к горлу, атасек казался куда более горячим и жгучим, чем когда шел по нему вниз.

— Все в порядке? — спросила женщина.

Он вытер рот и, скрепя сердце, кивнул. Мэкс вытащила из кармана маленький сосуд и намазала его жирным на вид содержимым у себя под носом. Затем протянула руку и сделала то же с Драшером. Резкий камфорный запах осцила заполнил его ноздри.

— Надо было сделать это прежде, чем входить, — извинилась Мэкс. — Старая хитрость медиков-тортус. Забивает вонь разложения.

Они снова зашли в торг. Это было прохладное помещение с полом, выложенным квадратной плиткой, покрытой розовато-лиловой эмалью. Через каждые несколько метров в пол были вделаны латунные отверстия, и в отдалении Драшер мог слышать постукивание капель, протекающих из

шланга для очистки помещения. Мощные лампы-полосы наполняли помещение резким белым светом, словно покрыв все изморозью.

Труп лежал на стальной каталке рядом с машиной для вскрытия. На каталках неподалеку виднелись другие тела, отмеченные бирками и накрытые красными простынями.

— Ну как, еще раз взглянешь? — спросила Мэкс.

Драшер кивнул.

Она снова откинула красное покрывало.

Мужчина был наг, тело было белым и распухшим, как сваренный моллюск. Кисти, стопы и гениталии как будто сторщились от холода, а темные ногти отчетливо выделялись на фоне плоти. Черные волосы на груди и в паху были похожи на лапки насекомых.

При жизни его рост был примерно метр восемьдесят, прикинул Драшер, сражаясь с очередным рвотным позывом. Крепкого сложения. Синюшные пятна покрывали область поясницы, на ребрах

также виднелись кровопотоки более темного оттенка.

Его лицо и большая часть горла были откушены. Вместе с мягкими тканями исчезли и куски черепа. Отрезаны начисто, как будто огромными промышленными ножницами...

Драшер сглотнул и отвел взгляд в сторону.

--- Животное, верно? --- спросила Мэкс.

Драшер что-то пробормотал в ответ.

--- Это было согласие?

--- Похоже, что это укусы, --- сказал тагос едва слышным голосом. --- Очень глубокий и сильный. И еще... предположительно, признаки поедания. Вокруг лица и шеи.

--- Животное, так? --- повторила она.

--- Полагаю, что да. Ни один человек не смог бы... так укусить.

--- Я измерила радиус укуса. Точно, как ты учил. Помнишь, во Внешнем Юдаре? Я его замерила.

--- Это хорошо.

--- Двадцать сантиметров. А потом

проверила. Никаких фрагментов зубов, все чисто. Короче, оно просто напрочь откусило ему лицо.

Драшер медленно повернулся.

-- Мэкс? Что я здесь делаю?

-- Помогаешь моему расследованию, -- ответила она. -- Я думала, ты это уже выяснили. Я заправляю в этой глухомани, здесь куча проблем, с которыми надо бороться, уж поверь мне... а затем происходит вот это вот дерьмо. Мне нужен был эксперт, и вдруг, о чудо, -- старый друг, магос биологис Валентин Драшер, вдруг нашелся в Калостере, на должности учителя. Я и подумала: Мэкс, это же просто идеально. Когда-то мы так здорово работали вместе, а тут как раз нужен знаток биологии.

-- Это замечательно...

-- Приободришь, Валентин. Здесь еще и деньги светят. Я оплачу твой отпуск Магистратулу, и ты получишь втрое против того, что тебе платил Администратул. Эксперт-свидетель и все такое.

-- Ты заведешь программой Военного

Управления здесь, в Тихо, и используешь
такие связи, чтобы я мог подумать над
одним-единственным делом?

--- Нет, --- сказала Мэкс. --- Наверное,
это тоже надо было сказать раньше. Это
не единственная жертва.

--- Сколько других? --- спросил он.

Мэкс сделала неопределенный жест,
который охватывал все остальные
каталки в помещении. Двадцать пять,
тридцать, может, и больше.

--- Ты шутишь?

--- Хотела бы я... Что-то проедает
сквозь народ широкую тропу.

Драшер собрался с духом, повернулся
обратно к голому трюпу и заменил свои
обычные очки на очки для чтения.

--- флюоресцентную лампу,
пожалуйста. И микролупу.

--- Она подала ему лупу с тележки для
вскрытий и подняла лампу, заливая
голубым светом изуродованный череп
мертвеца.

Драшер взял стальной щуп и
аккуратно убрал край одного из
обнаженных выступов кости. Он с трудом

заставил остаться на месте содержимое
своего желудка.

--- Нет фрагментов зубов.

--- Я же говорила.

--- Нет вообще ничего, --- сказал он. ---

Нет даже бактерий, которые следовало бы
ожидать в ране, нанесенной хищником.

Это было не животное. Это не укус.

--- Что?

--- Рана слишком чистая. Я бы сказал,
нужно искать человека с пилочком.

Мэкс покачала головой.

--- Нет.

--- Почему нет?

--- Потому что, если бы по центру

Тихо бегал маньяк с пилочком, я бы об
этом знала. Валентин, это животное.

--- Как ты можешь быть в этом
настолько уверена? --- спросил он.

--- Поехали, --- ответила она. --- Я тебе
покажу.

В свете фар транспортера
показалась надпись над коваными
железными воротами. «Сады Тихо».

--- До гражданской войны они были

довольно плотно заселены, — сказала она, притормаживая. — Крупнейший ксенозверинец на планете. У местного губернатора был бзик на экзотических животных.

— У?

— У его разбомбили во время войны, Валентин. Некоторые животные погибли, но многие сбежали. Я думаю, что одно из них бродит по развалинам Тихо — голодное, беспризорное, убивающее людей.

— У поэтому... — начал он.

— Поэтому мне нужен магос биологический, — закончила она.

Они остановились и вышли. В сагах было темно и тихо. До рассвета оставалось еще часа два. В воздухе царил затхлая вонь, исходящая от пустых клеток и сырых рокритовых загонов.

Мэкс гала Драшеру фонарь и взяла в руку другой. Они шли рядом, шаря вокруг лучами, и зернистая почва хрустела под их ногами.

Сады Тихо были устроены весьма непритязательно. Драшер вспомнил Трациан Примарис и его великоленные

залы, заполненные ксенофауной, где он побывал еще в молодости. Там в вольерах и загонах для драгоценных экспонатов воссоздавалась идеальная среда обитания, зачастую в них была собственная атмосфера, а порой даже искусственная гравитация.

Подобные знания -- и деньги на их применение -- в Тихо были недоступны. Здесь стояли обычные клетки, местами -- бронированные резервуары, где экзотические существа из гальних уголков Империи доживали свой век на Гершоме, в достойном жалости заточении.

Драшер хорошо знал, как они себя чувствовали.

-- Если его держали в такой клетке, Макс, то оно наверняка сошло с ума, -- сказал он.

-- Животное?

-- Животное. В столь скверных условиях это обычное явление. Звери, которых содержат в примитивных клетках, часто вырабатывают поведенческие проблемы. Они становятся непредсказуемыми. Озлобленными.

— Но если это и так хищник... —
начала она.

— Даже у хищников есть
определенные линии поведения. Они
должны охотиться, размножаться,
защищать территорию. Если не давать
им этого делать, линия нарушается.

— Это так важно? Почему? —
спросила она.

— Если это плотоядное животное, и я
подозреваю, что это так, оно не ест свою
добычу. Вернее, ест, но совсем немного.
Оно убивает, просто чтобы убить.

— Как тот зверь с холмов? — тихо
произнесла она, вспоминая тревожную зиму
во Внешнем Югаре.

— Нет, — ответил он. — Тот зверь
был другим. Убийство было его обычным
поведением. А здесь у нас отклонение.

Они шли все дальше, и Драшер начал
замечать ужасный урон, нанесенный Сагат
в ходе войны. Разбитые болбаты вольеры,
кучи обломков, пласталевые клетки,
сорванные с опор.

И кости.

В неповрежденных загонах также

лежали трупы. Обмякшие мешки высохшей
плоти, разбросанные позвонки, тягостное
зловоние навоза и разложения. Ряд
плетеных из проволоки куполов, в которых
когда-то содержались редкие птицы, был
весь усыпан яркими перьями. На
проволочную решетку налипли комья пуха —
свидетельство того, как неистово
пытались освободиться утирающие от
голода животные. Это напомнило Драшеру
клетки барона Карнэ, где в тесноте
содержалась домашняя птица.

— Мы думали, что все здесь умерло, —
сказала Мэкс. — Когда мы впервые сюда
добрались, стояла страшная вонь. Понятно,
никого не кормили и ничего не чистили
месяцами. Все, кто находился в закрытых
клетках, погибли, кроме одного отоцалого
коня-громадера, который жил на
собственных жировых запасах, да и тот
издох через несколько дней после того, как
мы его выпустили. Как мы поняли,
животные в клетках, куда попали бомбы,
тоже были уничтожены, хотя в Нижних
Притонах видели несколько сбежавших
певчих обезьянок — странные телкие

твари -- а Фалкен клянется, что как-то вечером видел животное, пасущееся на улице Леманг, хотя я думаю, что он был пьян.

-- Значит, если какое-то животное бродит на свободе, оно вышло из поврежденной бомбой клетки? -- предположил Драшер.

Она пожала плечами.

-- Если только какой-то добрый гражданин не пришел сюда во время войны, выпустил зверя наружу и снова закрыл клетку. Некоторые из них пусты, хотя по списку неясно, может, в них просто не заселили животных. Он на несколько лет устарел.

-- У тебя есть список?

Мэкс кивнула и вытащила из своего пальто инфопланшет.

-- Я выделила все экспонаты, которые находились в разбомбленной области, и все, что было связано с пустыми клетками. Во имя Трона, Валентин, я с первого раза не разобралась, кем была половина этих животных. Хорошо, что с нами теперь есть специалист.

Он начал проглядывать список.

— Так это может быть любое из выделенных существ или вообще любое, если учитывать тот факт, что состав животных мог меняться или их могли переселять уже после создания списка?

Она собиралась ответить, когда зазвенел вокс-линк. Эта высокая короткая нота заставила Драшера подпрыгнуть на месте. Мэкс приняла звонок.

— Пора идти, — сказала она, поворачиваясь обратно к выходу. — Меня зовут дела. Какие-то пьяные идиоты устроили в таверне драку после комендантского часа.

— Мне надо идти с тобой? — спросил он.

Она обернулась и осветила фонарем ему в лицо.

— Нет. А что, ты хотел бы остаться здесь?

Драшер посмотрел по сторонам.

— Не очень, — сказал он.

Они ехали по пустынным улицам, на которых стояли лишь выгоревшие остовы

транспорта да порой проезжали машины
Магистратура, мчащиеся куда-то по
вызову. Он сидел на пассажирском сиденье,
изучая инфопланишет и подскакивая на
ухабах неровной дороги. В нем начало
просыпаться облегчение от того, что ему
все-таки не грозили позор и заключение.
Какая-то часть его злилась на Фалкена за
этот розыгрыш, но по большей части он
испытывал презрение к самому себе и своей
глупости. Гершом не был его главным
врагом. Им был сам Валентин Драшер, и
вся его загубленная жизнь была
свидетельством тому, как он
старательно сворачивал не туда на
каждой развилке, предложенной судьбой.

— Ты поседел, — сказала Мэкс, не
отрывая взгляд от дороги.

Он поднял глаза.

— Я перестал красить волосы.

— Ты их красил? — спросила она. Он
не ответил.

— Так ты перерос тщеславие,
Валентин? — устехнулась она.

— Нет. Просто больше не было на это
денег.

Она застеснялась, но он был уверен, что уловил сочувствие в ее голосе.

--- Мне нравится, --- сказала она через какое-то время. --- Это тебя выделяет.

--- Ты совсем не изменилась, --- заметил он.

Она заметила транспорт и остановилась у обшарпанного здания, рядом с которым сотрудники Магистрата пытались утихомирить девять или десять дерущихся мужчин. На тротуаре виднелась кровь, и воздух был наполнен светом мигалок на бронированных патрульных машинах.

Мэкс вышла наружу.

--- Оставайся тут, --- сказала она и обернулась, глядя на него через раскрытую дверь. --- А это хорошо?

--- Что? --- спросил он.

--- То, что я не изменилась?

--- Никогда не думал, что тебя стоило бы улучшить, --- ответил он и тут же пришел в ужас от того, что позволил себе столь открытое заявление.

Мэкс расстеснялась, а потом захлопнула дверь.

Драшер сидел в заткнутой тишине
транспортера и какое-то время смотрел,
как она бросилась в бой с гудинкой
наперевес и начала наводить порядок.
Потом он переключил внимание обратно
на инфопланшет.

Прошло какое-то время.

Дверь с водительской стороны
открылась, и транспортер закачался на
прессорах, когда она залезла внутрь.

— Я думаю, мы ищем карнодона, —
сообщил он.

— Да? — спросила она, заводя мотор.
Транспорт рванулся с места, быстро
набирая скорость.

— Да. Ну, это я так рассудил из того,
что здесь дано. Я могу ошибаться, если
зверей меняли местами после того, как
был составлен список, но в целом это
простой метод исключения.

— Насколько простой? — спросила она,
так быстро сворачивая за угол, что шины
пронзительно завизжали.

— В разболбленных загонах значатся
всего четыре хищника. Сбрасывает со
счета тирнунанскую пищуху, так как она

делает инъекцию, а не кусает.

--- Как это?

--- Она вонзает в свою добычу глиняный хоботок и разжижает внутренние органы, а затем высасывает.

--- Достаточно.

--- В общем, у нее нет рта.

--- Понятно, понятно.

--- Поэтому никаких укусов.

--- Так.

--- Так, поэтому заурат с Бронтофафа тоже уходит из списка.

Мэкс переключила передачу и молчалась по другому пустому бульвару.

--- Почему?

--- Потому что он размером с жилблок. Фалкен бы его и трезвым обязательно заметил.

Она ухмыльнулась.

--- А вот когтехват с Ламсаротты --- его тоже можно вычеркнуть. Этот зверь из кошачьих, но он слишком слаб, чтобы нанести раны, которые ты мне показывала. Кроме того, сомневаюсь, что он мог бы долго прожить в этом климате за пределами обогреваемого вольера.

--- Так что остается только --- как ты его назвал? --- спросила она.

--- Карнодон. С Гудрун. Трон, да здесь просто нельзя было его держать. Они почти вымерли и значатся в запретном списке Администратума. Это тоже кошачье, но большое и обитает в умеренном климате.

--- Насколько большое?

--- Пять-шесть метров, масса где-то восемьсот кило. Вполне может откусить человеку лицо.

--- Так вот, магос биологис, как ловить карнодона? --- спросила она, поворачивая руль.

Драшер взглянул на нее.

--- Мы... мы едем довольно быстро, Мэкс, --- сказал он. --- Еще один вызов?

--- Да, --- ответила она.

--- Снова нарушение комендантского часа? --- спросил он.

Мэкс покачала головой.

--- Вопрос остается в силе, Валентин. Как ловить карнодона?

Жилые блоки жались друг к другу на

северной оконечности города, фортируясь
тесные, заговорщицкие узлы. Каждый стек
окружала многоакровая пустошь,
усыпанная мусором — отбросами войны и
нищеты. В этом разбитом снарядами
пригороде прошло немало яростных
сражений гражданской войны.

Мэкс заметила транспортер и
осторожно повела его среди куч битого
кирпича. Они приближались к одной из
самых обветшалых башен. Впереди в свете
лампы вырисовались два транспортера
Магистратума, припаркованных у
погрузочной платформы стека. Рядом с
ними стоял тяжелый катафалк с
распахнутым задним люком.

— Пошли, — сказала Мэкс.

Драшер вышел, вдохнул холодный
предрассветный воздух. Четырехугольники
блоков отчетливо выделялись на фоне
неба, медленно наливающегося
золотистым сиянием. Он почувствовал
слаговатую вонь гниющего мусора и
неприятный запах мокрого рокрита.

— Захвати фонарь, — сказала Мэкс и
пошла по изрытой земле к группе

сотрудников Магистратума, ожидающих
у входа в стек. Поговорив с двумя из них,
она жестом позвала Драшера идти за
собой.

Мэкс и Драшер вошли в широкий
проем и начали взбираться по неровной
лестнице.

-- Они туда не совались, так что ты
стожешь первым осмотреть место
убийства, -- сказала она.

Драшер сделал глубокий вдох. Они
поднялись на пятый этаж.

-- Поторопись, -- окликнула она.

-- Подожди, -- ответил он. Драшер
наклонился, чтобы изучить шершавую
стену, дотронулся кончиками пальцев к
темному пятну посреди лишайника, затем
понюхал их.

-- Вечно ты что-нибудь найдешь, --
заметила Мэкс, спускаясь обратно к нему.

-- Я думал, ты меня для этого и
наняла, -- сказал он. -- Пнюхай. Очень
сильный запах алтиака. Другие
органические вещества, феромоны. Это
отметка территории. Животное
опрыскало стену.

--- То есть?

--- Пометило ее запахом с помощью
точичи.

--- И ты хочешь, чтоб я это нюхала?

Драшер взглянул на нее снизу вверх.

--- Это типичнейшее поведение
кошачьих. Величина потека предполагает
большой объем, так что мы ищем нечто
крупное.

--- Карнодона?

--- Это ему подходит.

--- Посмотрим, подойдет ли это, ---
сказала она.

Заброшенный стек давно стал
прибежищем бродяг, и контакт с
Магистратулом для этих обездоленных
людей был редкостью. Но один из них
оказался достаточно напуган, чтобы
поднять тревогу, когда услышал шум на
пятом этаже.

В этой квартире было четыре
комнаты: кухня, она же столовая, спальное
помещение, гостиная и небольшая кабина
для мытья. Отовсюду несло плесенью.

Был и другой запах, который Драшер

не ощущал со времен Внeшнего Югара.

Кровь.

Бригада из Магистратуры установила лампы на высоких подставках, чтобы осветить место происшествия, а также сделала записи и пикты.

--- Ступай осторожнее, ---
посоветовала Мэкс.

Когда они вошли внутрь, запах стал интенсивнее. Труп находился в гостиной. Даже Мэкс, привычной к уродливым сторонам жизни, пришлось на мгновение отвернуться.

Тело принадлежало старой женщине. Ноги, одетые в грязные рейтузы и поддерживающие чулки, остались нетронуты. Туловище было обнажено до костей, а сами кости выломаны, чтобы нечто, пожиравшее тело, могло добраться до мягких органов. Руки и голова отсутствовали.

--- Мне сказали, голова там, ---
сообщила Мэкс, показывая на кухню.

Драшер взгляделся в дверной проем и увидел какой-то разбитый коричневый объект, который выглядел, как

растрескавшийся глиняный горшок. За исключением того, что на нем еще оставалось немного седых волос.

-- Что это тут? -- крикнула Мэкс из спальни. Луч ее фонаря осветил разломанную коричневую палку.

-- Кость руки, -- ответил Драшер. -- Ее раскололи, чтоб добраться до мозга.

Он был удивительно бесстрашен. Перед ним было, возможно, самое ужасающее зрелище из тех, что он когда-либо видел, но профессиональная отрешенность скрадывала отвращение. Магос биологис внутри него был заморожен этим убийством.

-- Я думаю, она была уже мертва, -- сказал он. -- Это поведение падальщика. Тщательное исследование трупа сможет это подтвердить. Животное, которое ело труп, было довольно крупным, но не торопилось. Оно питалось не спеша, уничтожая тело кусок за куском, в первую очередь поглощая наиболее питательные части. Не было борьбы, не было убийства, хотя карнодон наверняка наделал много шума, пожирая труп.

-- Карнодон? -- переспросила она. -- Ты уверен?

-- Я поставил бы на это свою профессиональную квалификацию, -- заверил он. -- Если она чего-то стоит.

-- Ясно, -- Мэкс глубоко вдохнула. -- Так что, можно попросить их прибраться?

-- Да, -- ответил Драшер.

-- Может, ты что-нибудь достанешь? Например, я не знаю, -- архивный пикт, ну, или сделаешь скетч акварелью -- они у тебя здорово получаются. Чтобы мы знали, кого ищем.

-- С удовольствием, -- ответил он.

-- Хорошо, -- сказала Мэкс. -- Ты выглядишь так, будто тебе надо выспатся.

Он пожал плечами и спросил:

-- А куда меня разместит Магистратум?

-- Мы найдем место, -- ответила Мэкс.

Место оказалось граным диваном в пустой комнате по соседству с офисом Мэкс. По несвежему белью можно было

догадаться, что здесь регулярно спал кто-то другой. Драшер слишком устал, чтобы жаловаться. Кроме того, на протяжении всех его отношений с планетой Гершол подобное было вполне в порядке вещей.

Он уснул всего через несколько минут после того, как лег.

Проснулся он довольно резко и понял, что проспал всего пару часов. Еще только занимался рассвет. Как часто случалось, отдых освободил его разум, и теперь в голове звенела идея — так сильно, что пробудила его. Драшер чувствовал, что странным образом наполнен энергией. После долгих лет скучной бесперспективной работы, наконец, понадобилось применение основной области его знаний, и он пользовался старыми навыками, которые уже начинал считать давным-давно утраченными. Он чувствовал себя почти как лагос биологис.

Драшер встал, заправил в брюки рубашку, обулся. В здании было тихо, словно оно вытерло. Он вышел в коридор и постучал в дверь офиса Мэкс. Не получив ответа, он вошел и стал рыться в

документах, сложенных в проволочных корзинах.

Позади раздался металлический щелчок, и он обернулся. У стола стояла Мэкс, волосы ее были растрепаны. Пистолет, направленный на него, медленно опускался.

--- Это ты, --- проворчала она. Глаза у нее были опухшие от сна.

--- Трон! --- воскликнул он. --- Где ты была?

Потирая лицо, она показала на пол за столом, где Драшер увидел несколько свиванных подушек и смятое одеяло.

--- Ты спала на полу под столом? --- спросил он.

Она прочистила горло и засунула пистолет в кобурку на поясе. Вид у нее был недовольный и усталый.

--- Ну, ты ж занял мою постель, забыл, что ли? --- резко сказала она.

--- Ох, --- вытолвил он.

Мэкс подобрала свою обувь и пошла к двери кабинета. Высунувшись наружу, она завопила:

--- Дежурный! Два кофеина мне, пока я

кого-нибудь не пристрелила!

Затем она села на ковер и начала натягивать ботинки.

--- Какой час? --- сварливо поинтересовалась она.

--- Еще рано. Извини.

--- Что ты там делал?

--- Хотел почитать данные вскрытий. О жертвах. Есть одна вещь, которую я хотел проверить.

--- Вон в той куче, --- показала Мэкс. --- Нет, с другого конца.

Драшер начал прощупывать пакки, морщась, когда натыкался на какие-то особо неприятные пакты. Мэкс покинула комнату, вероятно, чтобы найти и убить того, кто теглил с кофеином.

Когда она вернулась, Драшер разложил на ковре с дюжину досье и делал заметки при помощи стилуса и инфопланишета, которые взял с ее стола.

--- Мэкс, --- начал он, --- тут есть кое-что...

--- Надевай куртку, --- сказала она.

При дневном свете (хотя таковым

это можно было назвать с натяжкой) Тихо выглядел ничуть не лучше. Из бокового окна стремительно несущегося транспорта Драшер мог хорошо разглядеть то, что ночью казалось лишь призрачными очертаниями. В темноте город навевал меланхоличное настроение. Теперь же все было вопиюще очевидно: следы огня, дыры от пуль, заполнившиеся водой ямы и кратеры, вызванные сотрясениями трещины на рокрытовых плитах. Городские развалины казались лохматыми из-за травы, густой и неопрятной, которой постепенно зарастали пустыри между жилблоками и съезными домами.

Теперь Саги Тихо были повсюду, подумал Драшер. Природа вновь завладевала городом.

Они ехали в сопровождении двух машин Магистрата, с грохотом мчась по пустым автомагистралям.

-- Свежий труп, -- все, что сказала Мэкс. -- В здании Рабочей комиссии.

Фалкен уже был на месте, а с ним -- четверо вооруженных бойцов. По виду

этого здания Драшер, пожалуй, не смог бы сказать, что это -- Рабочая комиссия. Бронебойные снаряды изрыли фасады и выбили странные геометрические узоры на крыше. Задняя часть здания представляла собой темный пещерный лабиринт из уцелевших помещений.

-- Там, внутри, -- сказал Фалкен, закинув гробовик на плечо и ведя их в искореженные развалины. -- Его заметили во время планового обхода, где-то полчаса назад.

Они забрались по рухнувшим балкам, покрытым плотной белой пылью. Тело лежало будто в гнезде из сломанных досок пола.

-- Доброволец из гражданских, -- сказал Фалкен. -- Он здесь дежурил по ночам. У него было оружие, но, похоже, не было шанса его применить.

Мужчина лежал на боку, лицом к приближающимся людям -- вернее, его отсутствием. Нечто разрубило его череп сбоку, по прямой линии, начиная от подбородка и до самой макушки. Это напугало Драшера

анатомическим сечением из пособия по хирургии.

Драшер опустился на колени рядом с телом. Ровность и точность укуса позадачивала.

-- Здание прочесали? -- спросила Мэкс у Фалкена.

-- Быстро осмотрели. Румбог говорит, что-то услышал.

Мэкс посмотрела на него.

-- Правда?

-- В задней части здания, вверху, тэм, -- сказал Румбог. -- Там явно что-то двигалось. Думаю, оно еще там.

-- Так может быть? -- спросила Мэкс Драшера.

Тот пожал плечами.

-- Если его потревожили, прежде чем оно смогло поесть... Я думаю, да.

-- Пошли, -- приказала она. Мэкс и Фалкен двинулись вперед, опустив оружие.

-- Валентин, держись рядом с Эгвином, -- сказала она через плечо. -- Остальные -- прикрывайте сзади. Румбог, показывай, куда идти.

Они проникли в темную

сыпающуюся громаду полуразрушенного здания, где каждый шаг поднимал клубы пыли. Фалкен, Ринбог и Мэкс поднялись по лестнице, спускавшейся с остатков несущей стены. Пробираясь вперед вместе с рядовым по имени Эгвин, Драшер слышал, как другие идут по верхнему этажу, старый пол скрипит под их ногами, и вниз падают струйки пыли, точно в песочных часах. Также до Драшера доносились негромкие звуки из voxа Эгвина.

-- Теперь налево, -- это был Фалкен.

-- Не заходи слишком далеко вперед, -- ответила Мэкс.

-- Там что-то есть!... Нет, ложная тревога.

Эгвин бросил нервный взгляд на Драшера.

-- Все нормально, сэр? -- спросил он.

Драшер кивнул.

-- Что-то вроде большой кошки? -- поинтересовался рядовой.

-- Что-то вроде, -- ответил Драшер. Он начал очень хорошо различать стук собственного сердца.

Когда это случилось, все произошло с

такой яростью и скоростью, что у Драшера едва ли было время отреагировать. Раздался чудовищный, грохочущий залп — позже он понял, что это, видимо, был выстрел из гробовика Фалкена — за которым тут же последовала череда выстрелов из автоматического пистолета. В то же время вокс переполнился придуманными криками. Потолок над Драшером затрясся, словно в лихорадке. Послышался звук столкновения, затем падения. Вопль. Еще едва залпа из гробовика.

— Какого Трона... — начал было Эгвин, подняв оружие и глядя вверх.

Потолок над ними провалился. Драшер и Эгвин оказались сбиты с ног и почти полностью засыпаны каскадом сломанных балок, досок и кирпичей. Известковая пыль наполнила воздух, словно удрушливый, забивающий легкие туман. Раздался еще один выстрел.

Драшер с трудом поднялся на ноги, отталкивая от себя сломанные доски. Он едва мог дышать. Эгвин лежал лицом вниз, без сознания. Что-то тяжелое упало

через дыру в полу и приземлилось на него, едва не раздавив.

Драшер спорзнул.

--- Нет! --- закричал он.

Что-то тяжелое оказалось безликим телом бойца Магистратума, из рассеченных артерий которого били кровавые струи. Брызги покрыли стены, сверкая, словно рубины в пыли.

--- Мэкс! --- выкрикнул он. --- Мэкс!

Он попытался поговорить к ней, хотя и знал, что уже слишком поздно. Затем что-то еще провалилось сквозь дыру в потолке. Что-то быстрое, темное, гибкое. Это был убийца, животное, пытающееся найти путь к бегству.

Одна из его молотящих во все стороны конечностей с силой ударила Драшера, и он врезался в стену из гипсокартона, которая рассыпалась, словно старая марципановая глазурь.

На мгновение, на одну миллиметровую секунду, прежде чем потерять сознание, он уловил ее очертания.

Облик.

Когда он пришел в чувство, на него сверху вниз смотрел Фалкен.

--- С ним все нормально, --- Фалкен сплюнул и отвернулся, вытирая пыль с лица.

Драшер быстро сел. Голова у него гудела.

--- Мэкс? Мэкс?

--- Что? --- спросила она.

Драшер увидел ее --- она сидела перед ним на корточках среди обломков. Фалкен поднимал на ноги едва пришедшего в себя Эгвина.

--- Мэкс?

Она склонилась над телом. Драшер встал и теперь мог видеть, что изуродованный труп принадлежал Рилбоду.

--- Оно сбежало, --- пробормотала Мэкс. --- Оно убило Рилбода, а потом сбежало.

Фалкен кричал другим бойцам, чтобы они прочесали заднюю часть здания.

--- Что произошло? --- спросил Драшер.

--- Я не видела его, --- сказала Мэкс. ---

Фалкен что-то разглядел и выстрелил. Потом все пошло к чертям собачьим.

— Оно спустилось здесь. После того, как... — Драшер помедлил. — Оно бросило сюда тело Рилбога и последовало за ним.

— Ты его видел?

— Я не смог хорошо разглядеть, — ответил Драшер.

Мэкс чертыхнулась и ушла прочь. Драшер присел возле тела и слегка повернул его, чтобы можно было рассмотреть рану. Тот же жуткий, чистый разрез через все лицо. Но на этот раз был еще один — неоконченный, сделанный чуть дальше линии отсекающего удара, как будто хищник был в ярости — возможно, испуган — и торопливо нанес первый удар, прежде чем довести дело до конца. Даже так, первый удар настолько глубоко ранил бок шеи и головы, что наверняка мгновенно убил Рилбога.

Но даже в спешке он был таким чистым. Таким ровным.

— Кошка? Кошка это сделала?

Драшер оглянулся. Эдвин уставился на труп своего друга, и из пореза над его левым глазом сочилась кровь.

— Так говорят знатоки, — ответил

Драшер.

Обратно, в штаб Магистрата, они ехали в молчании. Поиск не принес ни малейшего успеха. Убийца растаял в развалинах за Рабочей комиссией так быстро, словно иней летом.

--- Ты подумал, что это я, правда? ---
наконец спросила Мэкс.

--- Что?

--- Труп. Я слышала, как ты закричал. Ты подумал, что оно меня убило.

Драшер кивнул. Он почувствовал, что сейчас у них вот-вот настанет этот момент -- момент честности друг с другом, которая почти сравнима с интимностью. Он был готов признаться ей, как сильно его волнует то, что с ней может что-то случиться.

--- Если ты не можешь найти разницу между мной и мужиком с волосатой задницей, -- сказала она, -- то я не испытываю больших надежд относительно твоей наблюдательности.

Он внимательно посмотрел на нее.

--- И тебя в то же место, Мэкс.

Она оставила его в своем офисе и позволила продолжить сортировку досье. Ближе к вечеру какой-то сотрудник принес ему чашку чего-то переваренного и переслащенного. К тому времени он прикалывал находки к стенам и начал делать заметки на бумаге. Он воспользовался когитатором Мэкс, и тот выдал несколько карт с планировкой города.

Мэкс вернулась, как раз когда снаружи начинало темнеть.

--- Хорошо, что ты здесь, --- сказал он. --- Тут есть кое-что, что нужно тебе показать.

Она выглядела бодро и жизнерадостно.

--- Нет, сперва я тебе кое-что покажу, --- сказала она.

Мэкс отвела его вниз, в морг. Там собралась толпа служащих и сотрудников в униформе, и атмосфера была почти что праздничная. Фалкен передавал по кругу бутылки с контрабандным аласеком, чтобы каждый мог хлебнуть.

-- Вот и он! -- закричал он. -- Магос
биологис Дрешер!

Кто-то захопал.

-- Дрешер, -- поправил Дрешер.

-- Как знаешь, -- сказал Фалкен, обняв
Дрешера за плечи. -- Без тебя, дружище, я
бы этого не сделал! И ведь действительно,
ты был абсолютно прав! А? Что ты
думаешь? Это ведь... э...

-- Карногон, -- сказал Дрешер,
болезненно ощущая, насколько огромным
кажется Фалкен, стоя рядом с ним и
сдавливая его в объятиях.

Мертвый хищник лежал поперек
четырех каталок, тяжелый и обмякший.
Его клыкастая морда выглядела так,
словно он скорчил гримасу, как будто он,
как и Дрешер, хотел быть где-нибудь в
другом месте. Маленькие темные
отверстия в животе показывали места,
куда попали выстрелы Фалкена.

-- Можно мне? -- спросил Дрешер, и
Фалкен позволил ему подойти и
осмотреть зверя. Толпа снова начала
шептаться и говорить тосты.

Когда-то это было прекрасное

создание, властитель своего мира, не
страшащийся ничего. Хищник высшего
порядка. Драшер печально улыбнулся,
подумав об этой фразе. Крупный
экземпляр, с глиной тела примерно в пять
с половиной метров; будучи здоровым, он
весил бы девятьсот килограммов. Но к
моменту его смерти — жалкой смерти
загнанного существа — он весил меньше
шестиста килограммов и так отощал,
что ребра торчали наружу, как опоры
палатки. Кроме того, он был стар и уже
вышел из возраста размножения. Шкура
была покрыта красными отметинами
зудневой чесотки, и ее усевали вши,
грибки и паразиты. Тем не менее, Драшер
провел рукой по его боку. Весь в узлах,
хрящеватый, истощенный. Он оттянул
черные губы и рассмотрел ряды зубов.

— Где вы его нашли? — окликнул он
Фалкена.

— В подвалах под Лексиконом, —
сказал тот, подойдя поближе. — Нам
пришло сообщение. Мы, знаете,
распространили вашу картинку. Спасибо
за нее. Я пришел, увидел его, ну и пиф-паф.

Драшер кивнул.

--- По правде сказать, --- сказал Фалкен, понизив голос, --- он не слишком-то собирался драться. Но я не хотел рисковать.

--- Понимаю.

Фалкен повернулся обратно к толпе.

--- За беголагу Онни Румбога! --- воскликнул он. --- Это тебе, сынок!

Он предложил ближайшую бутылку Драшеру. Тот покачал головой.

--- Спасибо за помощь, Драшер, --- сказал Фалкен.

--- Драшер.

Подошла Мэкс.

--- Валентин, я хочу поблагодарить тебя от имени всего подразделения, --- сказала она. --- Ты добился результата. Я оплачу Административу всю неделю, хорошо? Уги собери вещи. Кто-нибудь отвезет тебя домой сегодня вечером.

Драшер кивнул.

--- Там транспортер ждет, --- сказала Мэкс. Сутки Драшера аккуратной кучкой лежали за дверью офиса. Он как раз закрыл

последнее досье и опустил его обратно в тележку.

--- Хорошо, --- сказал он.

--- Что ж, было приятно с тобой работать. Спасибо. Как в старые времена, да?

--- Как во Внешнем Югаре, Мэкс? У меня явное впечатление, что ты вспоминаешь это с большей любовью, чем я.

--- Все наладится, Валентин, --- сказала она.

--- Прежде, чем я уйду, --- сказал он, --- хотелось бы, чтоб ты кое на что взглянула.

--- На что?

--- Скажет так. Мне бы очень не хотелось, чтоб вы опять ехали до самого побережья, чтоб привезти меня снова.

Мэкс нахмурилась.

--- Что ты хочешь этим сказать?

--- Убийца не был... он --- не та кошка.

Мэкс провела рукой по губам, как будто призывая к терпению.

--- Продолжай.

--- Я с самого начала говорил, что это

не животное.

— Ты же сказал, что надо искать карнодона.

— Давай я тебе кое-что покажу, — сказал Драшер. Он вытащил инфопланшет. Компактный экран показывал карту города, испещренную руническими символами. — Я сделал сопоставление. Видишь? Нанес на карту все места, где были найдены жертвы. Тридцать два тела.

— Я это и сама делала, причем постоянно. Ничего не увидела. Ни паттерна, ни четкого распределения.

— Согласен, — сказал Драшер. — Да, тут есть определенная концентрация убийств вот в этом полумесяце, но большая часть остальных слишком непредсказуема, слишком случайна.

— И?

— То первое тело, которое ты мне показывала в морге. Такой чистый, явный срез. Минимум признаков поедания, если они вообще были. Совсем как на сегодняшнем трупе в Рабочей комиссии. У Румбога.

-- Так. Лицо откушено.

-- Да, вот только я не думаю, что оно было откушено. Полнишь, я сказал, что рана очень чистая? Почти что стерильная. Никаких следов бактерий, которые можно ожидать от укуса животного. Особенно, если это старый, больной хищник с деснами, кровотечениями от недостатка витаминов. Мэкс, я мог вытащить у этой бедной кошки зуб, просто расшатать его пальцами.

Ее лицо стало каменным.

-- Продолжай, Валентин, -- сказала она.

-- Тело в трупобах, которое мы рассматривали -- это была работа карнодона. Он растерзал и частично сожрал труп. Я прочитал данные вскрытий. Девять случаев были как раз такими. Объеденные тела. Все жертвы были либо уже мертвы, либо беспомощны. Старые, нетощные. Да, карнодон сбежал из зоологических садов, но он был слаб и давно вышел из расцвета сил. Он бродил по городу, не охотясь, но подбирая падаль. Это

все, что он мог делать.

--- Что же ты хочешь мне сказать? ---
тихо спросила Мэкс.

--- Посмотри на карту еще раз. Вот, ---
Драшер покрутил реле. --- Сейчас я убрал
тела, которые можно приписать кошке.
Слегка проясняет картину, а?

--- Да, --- согласилась она.

--- Старый карногон был гологен и
питался, когда предоставлялся случай. У
него не было определенного паттерна. Он
просто бродил повсюду и ел, где мог. А то,
что у нас осталось, представляет собой
гораздо более четко ограниченную зону.
Почти что территорию хищника.
Убийства в этой зоне происходили так же,
как с несчастным Рилбогом --- быстро,
свирепо, чисто. Без поедания.

--- Но это все равно странные границы,
в виде полумесяца. Как этому можно
придать треугольную форму?

--- Посмотри на карту, Мэкс.
Территорию определяет не только
охотник, но и добыча. Полумесяц
охватывает область к востоку от
Рабочей комиссии. К западу ничего нет.

потому что Отдел Военного Управления запретил посещение этой области. Оно не убивает здесь, Мэкс, потому, что здесь некого убивать.

-- О Трон... -- пробормотала она.

-- И это довольно приличный кусок территории, -- улыбнулся Драшер. -- Смотри, что будет, если зеркально отразить этот разброс, сделать проекцию, как если бы добыча была со всех сторон. Полумесяц становится...

-- Кругом.

-- Правильно, кругом. Вот он, центр. Вот этот чертов паттерн. Его территория. Прямо здесь.

Мэкс вела быстрее, чем когда-либо раньше. На заднем сиденье находились Эдвин и боец по имени Родерик. Оба проверяли заряды в своих гробовиках.

-- Ты уверен в этом? -- прошипела

Мэкс.

-- Мне нечего на это поставить, --

ответил Драшер, -- свою профессиональную квалификацию я, видно, уже израсходовал.

— Не ұтничай, — предугупредугила она. —
Вы двое готовы? — окликнула она через
плечо.

Эгвин и Родерин ответили
утвердительно. Эгвин наклонился вперед.

— Я дугмал, мы поймали эту тварь,
сэр, — сказал он. — Ну, то есть я дугмал,
Фалкен ее подстрелил.

— Он убил кошку, — ответил Драшер.
— Но убийцей была не она.

Мэкс начала замедляться — и
вовремя. Второй транспортер
Магистратуга вылетел с прилегающей
улицы на дорогу перед ними и полчался
вперед.

— Фалкен, — прошептала Мэкс.

Они затормозили у здания Рабочей
комиссии. С Фалкеном было двое рядовых,
Леви и Мантень.

— Какого черта тут творится? —
воинственно осведомился Фалкен. Он еще
не совсем протрезвел после вечеринки в
торге.

— Мы напали на след, — сказала
Мэкс. — Веди себя прилично.

Фалкен взглянул на Драшера.

--- Я застрелил его, убил наповал.

Ниф-наф. Что за дерьмо опять?

--- Какое-то другое, --- сказал Драшер.

Они растянулись цепочкой, входя на заросший травой пустырь за Рабочей комиссией.

--- Мэкс? --- позвал Драшер. Она подошла к нему. --- Мне нужно оружие.

--- В старые времена ты...

--- Мне бы очень хотелось получить оружие, --- повторил он.

Мэкс кивнула, опустила свой гробовик, вытащила пистолет из кобуры и протянула ему.

--- Предохранитель...

--- Я знаю, как они работают, --- отрезал он.

Они продвигались все дальше.

--- Так что, это все связано с его территорией, да? --- спросила она. Драшер кивнул.

--- Ты видела карту. Мы входим на его территорию. Его охотничьи угодья.

--- Почему ты так в этом уверен?

--- Я уже сказал, ты видела карту.

Дело в том, что мы говорим не о животном инстинкте. Не о территории, как понимает ее хищник. Мы говорим о приказах.

-- Что? Какие приказы?

-- Что это за место, Мэкс?

-- Рабочая комиссия.

-- А за ней?

-- Валентин, это просто развалины.

-- Да, но что это было до того, как превратилось в развалины?

-- Здесь было главное здание Администра́ты в Тихо. Прежде чем танки сравняли его с землей.

-- Вот именно. Центр Администра́ты. Мертвый центр, от которого распространяется паттерн. Во время гражданской войны что-то получило приказ сторожить эту жизненно важную точку, оберегать ее, оборонять.

Мэкс бросила на него цепкий взгляд.

-- Это был человек?

Драшер пожал плечами.

-- Нечто. Нечто, до сих пор защищающее ее. Мэкс, я мельком видел убийцу в Комиссии, сразу после того, как он

убил Ритбога. Это было человекоподобное существо.

Широко растянувшейся линией они вошли в руины Администратума. Некоторые остатки зданий были в два-три этажа высотой, словно скрюченные калекки, поддерживаемые ферростальными балками, видневшимися из-под рокрита.

Растения были повсюду, и, судя по всему, процветали. Блестящие пальцелист, глазчатая капуста, вялая листва вьющейся трагедии. Воздух был гнетим от запаха гнилых корней, стоячей воды, плесени.

Драшер медленно остотрелся. Мэкс шла рядом, подняв гробовик. Он бросил взгляд влево и увидел, как фалкен, наклонившись, проходит в полуразрушенный дверной проем. Справа от него Эгвин целился в нависающие над ним стены, опутанные растительностью.

Леви приподнял квохчущую коробку аусника.

-- Что-то поймал. Очень слабый сигнал. Идет с запада.

Фалкен кивнул и исчез. Мэкс

поспешила следом. Мантень прикрывал ее, нервно поглядывая вверх, на цветущие растения.

Крепко сжав оружие, Родерик проскользнул под разбитую арку.

— Горячо, очень горячо, — воскликнул Леви, поднимая ауспик, который стрекотал, как цикада. — Трон, оно должно быть совсем рядом!

Дробовик Фалкена выстрелил. Раз. Другой. Затем еще один, будто эхо. Мэкс побежала вперед, и Драшер последовал за ней. Леви был прямо за ними. Мантень бросился за угол, на другую сторону стены.

Раздался вопль. Еще два выстрела. Три.

Мантень был мертв. Его рассекли от плеча до грудины. Кровь все еще брызгала из вскрытого тела высоко в воздух.

— Трон! — закричала Мэкс, оглядываясь кругом. Она услышала, как снова выстрелил Фалкен, за ним Эдвин. — Где оно? Где?

Леви почти что врезался в нее сзади, слепо следуя указаниям ауспика.

-- Прямо там! Там!

Мэкс прицелилась и выстрелила раз, другой, каждый раз передергивая затвор. Она проделала огромную дыру в стене впереди.

В отдалении снова раздались выстрелы Фалкена и Эгвина. Мэкс и Леви побежали на звук. Подняв пистолет, Драшер повернулся в другую сторону.

Этот хищник был умен. Очень умен и очень талантлив. Он знал все о дезориентации. Он мог обхитрить любого обычного человека, а затем рассечь его нагвое. Он понимал военную тактику, потому что она была именно тем, чем занималось это существо. В него вложили программы. В него вложили приказы.

Тяжело дыша, Драшер осторожно обошел очередную разрушенную арку, крепко сжав в руках оружие. Пульс бешено колотился, и все казалось ему совершенно непонятным. Это больше не относилось к его навыкам. Это было не животное, чьи привычки и поведение он знал и понимал. Это было нечто противоположное.

Поэтому он и сделал

противоположное. Если бы тагос биологическим
лицом к лицу повстречал голодного хищника,
последнее, что он сделал бы -- вышел на открытое
пространство. Но он сделал это и развернулся по
кругу, целясь сжатым в обеих руках пистолетом.

На расстрескавшемся полу впереди он увидел
Родерина. Тот был убит, как и все остальные.

Драшер снова развернулся, крепко сжимая
оружие.

Убийца прыгнул прямо на него.

Драшер нажал на спуск и не отпуская его. Восемь, девять, десять зарядов -- все, что
оставалось в пистолете Макс. Пули врезались в существо.

Оно упало, разорванное и сломанное, из пробитого туловища вывалились раздутые розовые внутренности. Человек, но вместе с тем не человек. Порождение гражданской войны. Усиленное аугметикой, сшитое ею, как проволокой, с черным визором вместо глаз, с проводками, пронизывающими плоть, и трясущимися руками, которые скрючились, демонстрируя жужжащие ценные лезвия.

вшитые в его заплатах.

Лезвия взвыли, соприкоснувшись друг с другом. Несмотря на пули, которые он в него всадил, оно снова встало. И прыгнуло прямо на Драшера.

Его оружие щелкнуло, лишенное патронов.

— Ложись, Валентин!

Позади него Мэкс выстрелила из дробовика, и голова убийцы лопнула, как помидор. Сила выстрела отбросила его в сторону. Когда оно упало, цепи-лезвия все еще жужжали, вращаясь сами собой.

— Ты цел? — спросила она Драшера. Тот кивнул. — Ты был прав, как всегда.

— Раг служить.

— Серьезно, — сказала она, выходя вместе с ним из развалин, в то время как Фалкен и Эгвин всаживали в убийцу выстрел за выстрелом, чтобы убедиться, что он умер. — Серьезно, Драшер, я у тебя в долгу.

— Плата за неделю, как ты сказала. Я делаю то, что умею.

Он пошел в сторону, тщательно

выбирая путь среди обломков.

-- Валентин, я могу оплатить и две недели, никто не узнает.

Он пожал плечами и посмотрел на нее.

-- Как насчет билета с этого бұлыжника? -- спросил он со слабой, печальной улыбкой.

-- Не могу этого позволить, -- сказала она. -- Извини. Бюджет и все такое.

-- Я должен был спросить, -- сказал Драшер. Он сел на кучку кирпичей.

-- Смотри, -- сказала Мэкс. -- Ты же видишь, какая здесь напряженная ситуация.

Отдел Военного Управления кое-как поддерживает порядок. Нам нужна вся помощь, которую мы можем получить, и особенно нам нужны острые, образованные умы, способные видеть детали. Что ты думаешь?

-- И как я смогу помочь? -- спросил Драшер.

Мэкс пожала плечами.

-- Точно не знаю. Я, пожалуй, могу временно назначить тебя своим заместителем, пользуясь экстренными

рычагами. Это не много, я знаю, но...

Драшер нахмурился.

--- Учительская работа приносит
немного, но, по крайней мере, она безопасна.

Он протянул ей пистолет.

--- Ты уверен? --- спросила она.

--- Всякий раз, когда я провожу время с
тобой, Мэкс, все это заканчивается
захватывающим образом, --- сказал он. ---
Слишком уж захватывающим для человека
с моим складом характера.

--- Эй, --- несколькими голосом
произнесла она, --- но тебя же пока не
убили.

Драшер улыбнулся.

--- Пока что.

Мэкс кивнула.

--- Ладно, --- сказала она. Быстро
поцеловала его в щеку, повернулась и
пошла обратно к транспортам.

Каждая развилка, которую когда-либо
предоставляла ему судьба...

Правильный ли это был поворот?

Драшер вздохнул.

--- Мэкс? --- окликнул он.

--- Да?

— А мне дадут собственный стол?

Она ухмыльнулась, поворачиваясь
обратно.

— Валентин, тебе дадут даже
собственный диван.

Драшер поднялся и побрел по дороге за
ней.

Страх во плоти

Juliet E. McKenna

Переводчик: Dammerng

Свет в подвале, где они разместили медицинскую станцию, был слишком ярким, чтобы спать. Каммос все же рхнул на свободный матрас и закрыл глаза. Отдых был необходим, чтобы он мог выполнять свои обязанности, когда появится новая партия раненых. Конечно, флуоресцентные полосы мешали бы меньше, если бы он повернулся лицом к стене, но Каммос больше не хотел оставлять спину незащищенной -- так же, как и отстегивать лазнистолет.

Он согнул руку, прикрыл ею глаза. Если он и не заснет, то хотя бы отдохнет от приглушенных стонов, от зловония крови, приглушенного запаха антисептика. Если бы он был на Альнавике, то, глядя вверх, увидел бы холодные голубые небеса вместо грязного рокрита. Там, на севере, Мраторные горы

удерживали собою всесокрушающие
ледники, простирающиеся по всему
горизонту. А на юге глухие хвойные леса
окучивали долины, спускающиеся вниз по
прибрежной равнине, к усеянному
айсбергами Разбитому морю.

Катмос чувствовал в руках вес
модифицированного глиноствольного
болтера, а холодное кольцо оптического
прицела едва касалось века. Он осмотрел
обнаженные пласты породы над широкой
раной каменоломни. Даже в этом
холодном воздухе человек покрывался
потом, сражаясь с машинатами, резавшими
белый камень подобно силовым когтям,
проходящим сквозь орочий доспех. На запах
приходили проснувшиеся по весне
траторные медведи. Вдвое выше человека
и вшестеро тяжелее, они были покрыты
белым мехом, пронизанным серыми
прядями, чтобы их сложнее было увидеть
среди голых скал. Несмотря на размер,
медведи были скрытны, и после сначки
они управлял неуголимый голод. Длинные
когти могли выотрошить человека,
прорвав кольчужное рабочее облачение.

Катмос был здесь, чтобы противостоять зверям.

Он мог бы мысленно вернуться к дому, который больше никогда не увидит, но его слух все еще был обращен к станции помощи. К нему торопливо направлялись мягкие шаги. Это не очередное нападение. Он бы услышал, как стреляют лазерные пушки, установленные на огневых позициях. Что-то другое.

-- Доктор!

Какой-то раненый забормотал, услышав настойчивый шепот.

-- Лучше б это было что хорошее, кальмаросос, а то я оттопчу тебе щупальца, -- прорычал Катмос.

Матэйн подавил стешок. Катмос убрал руку с глаз, довольный, что молодой санитар наконец-то научился понимать шутку.

-- Комиссар Турзат прибыл с отрядом кадетов, -- Матэйн дернул головой по направлению к лестнице у входа, и в бионическом правом глазу толыхнул резкий свет. От спазма мускулов застучали друг о друга аузметические

пальцы на его руке-протезе.

Он нервничал. Стоило ли удивляться. Катмос не помнил этого конкретного комиссара, но знал, что это за порода. Он встал на ноги, сорвал испачканную медтуннику, прикрывающую крапчатую серую униформу.

— Я проверю, чтоб все было в порядке.

Он направился к кладовке в задней части подвала, которую вытребовал для отряда медицинской поддержки. Два младших хирурга, Этрик и Тинг, хранились на полу, выбившись из сил. Ассистент Этрика, Хаукс, устало открывал упаковку с рационом. Катмос взял свой инфопланшет и тихо прикрыл дверь.

Повернувшись, он увидел в противоположной комнате гвардейца, который закидывал разряженные батареи на стеллаж для подзарядки. Руки солдата тряслись. Он уронил одну батарею и, выругавшись, наклонился, чтобы подобрать.

— Не бери ее, — Катмос шагнул вперед. — Оболочка треснула.

Меньше всего им надо, чтобы солдат

ранило взрывом собственного оружия.

Молодой гвардеец тупо посмотрел на него и моргнул, будто только что проснулся.

-- Извините, сэр.

Теперь Катмос узнал его. Отряд поддержки, которым командовал полевой хирург, ранее был прикреплен к роте капитана Слейта.

-- Тебя зовут Ньял, так?

-- Да, сэр, -- лицо Ньяла выглядело ослабевшим от страха. -- Что будет, если тираниды вернутся, сэр?

-- Будет драться, -- уверенно сказал Катмос.

Пустоглазое лицо Ньяла исказилось.

-- Сегодня мы убивали их сотнями, а они все идут, -- он бросил взгляд на перезаряжающиеся боеприпасы к лазганам. -- Что, если они отрежут энергию? А что будет, когда кончатся снаряды к тяжелым болтерам и мортирам? Их-то перезарядить нельзя. «Часовые»...

-- К нам идет помощь, -- заверил его Катмос. -- Приехал комиссар со своим отрядом.

— Ох, — выг Ньяла не выказывал
особого облежчения.

Внезапно стены узкого коридора как
будто навалились на Катмоса. Он не мог
больше сидеть в этом душном погвале,
пока не подышит свежим воздухом.

— Тебе нужно набрать еще батарей? —
он кивнул на пустые места в стеллаже.

— Да, сэр, — Ньял расправил плечи.

— Тогда пошли, — Катмос направился
вверх по лестнице в задней части огневого
сооружения. Сапоги грели о недавно
установленный металл, и звук эхом
отдавался от более старых каменных
стен.

Ньял поспешил на средний ярус
круглой башни, а Катмос вышел на
огороженный перилами балкон. Над головой
гудели готовые к бою лазерные пушки. Он
окинул взглядом двор крепости,
выстроенной в форме шестиугольной
звезды — наследия континентальных войн,
произошедших за век до того, как
победители добились для Шерторы
преимущества, которые давал Империя.

Где-то в тридцати метрах отсюда

на каждом бастионе стояли тяжелые болтеры, и обслуживавшие их команды были готовы в любой момент взяться за дело. Внизу, во дворе, отдыхали гвардейцы — потрепанные взводы капитана Слейта и жалкие остатки роты капитана Келло.

Катмос взглянул на инфопланшет. В общей сложности пятьдесят шесть убитых и раненых. Рота Слейта понесла тяжелые потери, при том, что находилась внутри крепости. Людей Келло застали врасплох снаружи, поэтому более чем половина из них пала жертвой тиранидских зубов, когтей и мерзких биоорудий. Только отважная атака капитана Слейта позволила выжившим отступить к воротам.

Хирург посмотрел поверх внешней стены, туда, где после заката еще светилось небо за мостом, для защиты которого была выстроена крепость. Эти солдаты и вообразить не могли столь страшного врага, как тираниды. Он пристально рассматривал неподвижных павших «Часовых». Они храбро сражались, прикрывая отступление капитана Келло.

огнеметом и автомашкой истребляя
бесчисленное множество тварей. До тех
пор, пока их не одолели числом, а
боеприпасы иссякли. Ведь тираниды могли
пожертвовать сотней отродий, чтобы
убить одного-единственного гвардейца.

Еще вчера Катмос наслаждался этим
новым миром, очарованный благовоными
лесами Шерторы. Капитан Слейт ожидал
легкого задания в виде тренировки сил
планетарной обороны. Незадолго до
рассвета пришел приказ удерживать этот
переход через реку, и они поспешили к
крепости в форме звезды.

-- Сэр? -- его ассистент, Матэйн,
появился на лестнице.

-- Угу, -- Катмос пошел вниз.

-- Кто тут командует? -- посреди
подвала стоял комиссар, бросая вокруг
свирепые взгляды.

-- Вокс-сержант Биньял, пожалуйста,
сообщите лейтенанту Джентагу, что
прибыло подкрепление, -- спокойно сказал
Катмос.

Дюжий вокс-сержант кивнул, его
покрытое шрамами лицо было

непроницаемо. Распихав кадетов, толпившихся на ступенях, он направился на самую верхнюю обзорную платформу.

— А ты кто? — акцент Турзата принадлежал уроженцу побережья, вроде Матэйна. Намешка в его голосе выдавала пренебрежение, которое жители берегов испытывали к любому, кто не преодолевал опасности гибельных штормов и айсбергов, чтобы отбить блеск-рыбу у китов-кораблекрушителей и спрутов-убийц.

— Полевой хирург Каммос из Девятнадцатого полка «Альба Мартореа», — нагав островерхую шапочку, он улыбнулся комиссару.

Опрятные складки на кителе этого человека намекали, что он настаивает на соблюдении правил ношения униформы. Несмотря на тепло и влажность вечернего воздуха, он носил плащ из меха лраторного медведя, который любили в генеральном штабе. С другой стороны, эмалевые петличные знаки на воротнике Турзата показывали, что он активно участвовал в самых опасных кампаниях полка, включая кровавую баню на Нартиле III.

-- Капитан Слейт? -- Турзат окинул взглядом раненых солдат.

-- Он умер сегодня днем. Жүки-точильщики.

Воспоминание вызвало у Камлоса тошноту -- как он вскрывал гноящиеся каналы, проделанные жуками, пытаясь наколоть их на электроскальпель, прежде чем они изрежут какой-либо жизненно важный орган. Он оказался слишком медленным. А их было слишком много.

-- Жүки-точильщики! -- набросился комиссар на распахнувших глаза кадетов. --

Плотоядные черви, которые лезут по вашим нервным волокнам, чтобы сожрать мозг. Личинки-стертоплюи, плавящие вашу броню. Семена-гүшителю, прорастающие шипами и рвущие человека на куски, прежде чем он успеет сделать пару шагов. Не дрогните! Пусть этот человек -- ваш закадычный друг, ваш брат. Пусть он даже спас вам жизнь десять раз подряд. Оставьте его, не бросив и второго взгляда! Вы не должны потерпеть поражение. Этот враг не отступит -- гаунты, пожиратели, потрошители, какое

бы то ни было злостное извращение из
плоти и кости, которое пошлют
тираниды. Если эта пакость хотя бы
одним пальцем зацепится за этот мир,
то все живое обречено, -- широкоим жестом
Тирзат охватил всю Шертору -- мягкую,
цветущую, плодородную -- от полюса до
полюса.

-- Разум Улья жаждет полного
уничтожения человечества! -- рывнул
комиссар на кадетов. -- Тираниды убьют
каждого мужчину, женщину, ребенка,
животное, вплоть до мышей-прыгунов,
прячущихся в канавах. Они бесстрашны,
безжалостны, неумолимы. Их растения-
сосальщики погубят каждое дерево, каждый
куст, каждую былинку. Они не
остановятся, пока самый последний клочок
биомассы не растворится в прудах из
живой кислоты. Если вы потерпите
поражение, ваша смерть будет
предельным предательством, ибо будет
питать отвратительное чудовище,
породившее их.

Даже под резким флуоресцентным
освещением Катмос видел, что кадеты

поблелели. Чему бы их не учили на лекциях в школе прогениум, теперь перед ними была убийственная истина битвы.

— Поэтому мы не потерпим поражения, — прорычал Турзам. — Вы займете это огневое сооружение и будете сбивать споры тиранидов, прежде чем они изрыгнут свой яд в воздух. Вы уничтожите тиранидские коконы, чтобы не было больше извращенных зверей, загрязняющих планету. Вы истребите этих тварей прямо здесь. Мы защитим этот агромир во имя Императора, во имя вечной славы Бога-Императора. Считайте, что ваша жизнь завершилась достойно, если она стала платой за выполнение долга!

Раненый, лежащий на сенсорном покрывале, простонал:

— Нет!

Комиссар угрожающе наклонился над ним с плазменным пистолетом в руке.

— Что ты сказал?

— Только не снова, — человек попытался прикрыть лицо. Зловонный гной

выступил сквозь повязки на руках ---
открылись раны от плотоядных червей.

--- Ты отказываешься нести службу? ---
плазма-пистолет взвыл в руке Турзата. ---

Ты знаешь, каково наказание за трусость?

--- Только в бою, лицом к лицу с
врагом. А он лежит на матрасе
медицинской станции, --- Катмос шагнул
вперед, оказавшись так близко, что
Турзат от удивления отступил. --- Судите
его по поступкам. Его ранили, когда он
сражался, пытаясь спасти капитана
Слейта. Теперь, когда тиранидские яды
отравляют его кровь и мозг, нельзя искать
трусость в его бреду.

--- Посмотрим, --- прошипел Турзат. ---
С дороги, хирург!

Комиссар взмахнул пистолетом, и
Катмосу ничего не оставалось, как
отойти в сторону.

Склонившийся над раненым Матэйн
поднял взгляд.

--- Извините, сэр, --- тихими, как
всегда, шагами, он незамеченным
подобрался за спину Катмосу. --- Он без
сознания.

-- Ты еще кто? -- потребовал ответа

Турзат.

Не желая, чтобы его подчиненный испытал гнев комиссара, Катмос ответил за него:

-- Капрал Матэйн. Он так отличился на медицинской службе, что Оффицио Медика было особенно заинтересовано в его восстановлении после Нартила III.

-- Я просто выполнял свой долг, как и весь мой отряд, Каменные Медведи, до последнего человека, -- с кривой, смущенной улыбкой Матэйн процитировал девиз «Альба Мартореа». -- Никогда не подводили.

Катмос увидел, как бледные волчьи глаза Турзата осматривают аугметикую толстого человека и Багровый Медальон, приколотый к его воротнику. Он только надеялся, что комиссар не заметит поблескивающую иглу шприца, все еще торчащую из медипласового большого пальца Матэйна.

Тут, к счастью, на лестнице зазвучали голоса.

--- Комиссар? Я --- лейтенант
Джентаг, --- решительно отсалютовал
молодой офицер.

Катмос отступил назад и сделал
Матэйнү жест, чтоб тот сделал то же
самое. Он сделал в үте пометку, чтобы
изменить медикаменты, выдаваемые
пациентү, после транквилиүта, который
ввел ему санитар.

--- Давайте я покажу вам
расположение наших войск, сэр, и
ознакомлю с результатами последней
атаки тиранидов, --- сказал Джентаг с
просящей ноткой в голосе.

Катмос занял себя тем, что начал
менять повязки раненого.

--- Вокс-сержант, сообщите Главному
штабу, что мы здесь, --- Турзат явно не
был впечатлен. --- Я сделаю полный доклад
позже.

--- Сейчас, комиссар, ---
незамедлительно ответил Биньял.

По пути к лестнице Турзат
остановился, чтобы бросить взгляд на
плотно сложенного мужчину.

--- Твоя репутация бежит впереди

тебя, вокс-сержант.

Биньям посмотрел комиссару прямо в глаза.

-- Аргин Прайл, сэр?

Турзам даже не моргнул.

-- И он, и другое.

Он еще мгновение не отводил глаз от Биньяма, а затем повернулся к лейтенанту Джентагу.

-- Покажите мне зону обстрела ваших оборонительных лазеров и рельеф местности.

Отбросив пинком изъеденный кислотой нагрудник бронежилета, он зашагал к лестнице. За ним последовали лейтенант и все кадеты.

Катмос проверил, крепко ли спит пациент. Биньям подошел к нему вместо того, чтобы направиться к вокс-кастеру в углу.

-- Как думаешь, он считает себя Каменным Медведем? -- поинтересовался он.

-- Мне не кажется, что он любит прозвища, -- ответил Катмос, хотя и предполагал, что кадеты наверняка

придумали имена, которыми называют
Сурзата у него за спиной.

-- Ты был на Аргине Прайм? --
спросил Матэйн с благоговением.

-- Он прикалывает Хонорифику
Импералис, только когда есть проблемы
с командованием полка, -- Катмос
взглянул на разноцветные сигнальные
лампочки в углу сенсорного покрывала. Пульс,
содержание кислорода в крови и давление
раненого были на удовлетворительном
уровне.

-- Мы там оба были. Не о чем особо
рассказывать, -- отрезал Биньял.

Катмос видел, что Матэйну все же
отчаянно хочется спросить. К счастью, он
этого не сделал. Катмосу не хотелось
заново переживать ту кампанию против
орков. Тогда он и Биньял оказались
единственными двумя выжившими из
целой роты. Солдаты «Альба Мармора»
всегда хвастались, что Альнавик отдал
Императору гораздо больше, чем принял от
него. В системе Аргин так и произошло.

-- А как там лейтенант? -- понизив
голос, спросил Катмос. Джентаг должен

был учиться у капитана Слейта, а не
заменить его через три дня после высадки
на планету.

Но вселенная несправедлива, и ей все
равно. Это знал каждый ребенок на
Альнавике.

Биньям снова пожал плечами.

— Справляется вполне прилично для
голиночного щенка, — как и Катмос, он вырос
на каменоломнях Мраморных гор. — Пока
нервы выдерживают.

Он испытующе посмотрел на
Катмоса:

— А что насчет тех парней, которых
ты зашиваешь и высылаешь прочь?

Хирург знал, что тот имеет в виду.
Они не могли позволить себе терять
людей из-за боевого шока, только не сейчас
и не здесь. Не говоря уже о том, что
комиссар Турзат казнил людей, которых
обвинял в трусости. Чтобы был хоть
какой-то шанс противостоять тирану, каждый
человек должен был держаться
за оборону или умереть при этом ради всех
оставшихся. То, что говорил Турзат, было
жесточайшей правдой. Но что толку от

правды, если она только приводит в
уныние и без того утративших боевой дух
людей? Страх может быть так же
заразен, как волдырная оспа. Если он
укоренится, то уничтожит их так же
действительно и быстро, как любой
тиранидский рой.

Катмос уже раздумывал насчет
этого.

-- Бин, когда инженеры передельвали
это место, они свалили сюда каждый вокс,
пикт и инфопланшет, который сломали.
Ты можешь набрать деталей, которые
нужны, чтобы сделать звездолов?

-- Звездолов? -- поднял голову Биньям.
-- Где твоя каска? Что тебя стукнуло по
голове и насколько сильно?

Катмос улыбнулся.

-- Просто сделай одолжение старому
товарищу.

Биньям поджал губы.

-- Хорошо, я попробую, только чтоб
постотреть, зачем он тебе понадобился.
Как только сделаю доклад, -- он
направился к вокс-устройству, ступая
удивительно легко для такого большого

человека.

-- Звездолов? -- Матэйн был озадачен.

-- У меня есть идея. Она может не сработать, даже если Биньяму удастся сделать эту штуку, -- уклончиво сказал Катмос. -- А теперь давай посмотрим, кто к утру будет в состоянии держать лазган.

Ему не надо было говорить Матэйну, что им понадобятся все имеющиеся матрасы для тех, кто будет ранен во время следующей атаки тиранидов.

Полевой хирург заворачивал последнего умершего за ночь в спальный мешок, когда с лестницы в подвал пролились лучи рассвета.

-- Эйлур? -- Биньям отогнул складку, закрывающую лицо мертвеца. -- Он обещал Третарку свою медвежью шкуру.

Плечи униформы самого Биньяма были покрыты полосками медвежьего меха.

-- Третарк тут, -- Катмос кивнул на другую спеленатый труп. -- Помоги мне затащить их наверх.

--- А эти блюющие кагеты нелного поработать не могут? --- Биньям все же ухватился за ноги мертвеца.

Выйдя во внутренний двор крепости планетарной обороны, Катмос заморгал от усиливающегося солнечного света.

--- Куда?

--- Вот сюда, --- Биньям кивком указал на второпях вырытую траншею, возле которой стопками лежали плиты мостовой.

Туда сбрасывали мертвецов, сняв предварительно оружие и снаряжение. Гвардеец обрызгал трупы прометиел и поджег их при помощи огнетета.

Катмос ощутил ком в горле, но это был единственный способ избавиться от зарывающихся внутрь тел тиранидских организмов. Он посмотрел на другие ямы, накрытые растянутой на кольешках палаточной тканью.

--- Это не поднимает боевой дух.

Биньям хмуро ответил:

--- Может, лучше пусть парни посмотрят, как их мертвые дружки дергаются и лопаются, и наружу

высыпаяются ядовитые личинки?

Катмос глянул в сторону внешней стены. Солдаты, получившие вчера легкие ранения, которых они с Матэйном уже выписали, вооружались, чтобы присоединиться к своим товарищам. Гвардейцы, которые небрежительно пережили первую атаку, стояли на укреплениях, готовые к бою. Лейтенант Джентаг совещался с караульными.

— Противника еще не видно? —

Катмос недоумевал, как долго еще придется ждать.

Биньям кивнул в направлении севера.

— В воксе болтают, что их основные силы ударили по городу Цота. Если какая-то вонь и говорит им, что у их одноройников здесь проблемы, то ее уносит в море.

— А как там другие наши позиции?

Это была одна из восемнадцати крепостей, кольцом окружающих единственный крупный город на континенте. Катмос понимал, что солдаты из рот, которые направили удерживать крепости, сейчас вовсе не

стелялись и передавали друг другу палочки
лхо.

Биньям покачал головой.

— Некоторые исчезли из вокс-сети...

Его прервали крики с укреплений.

Катмос увидел, как лейтенант Джентаг
поднял руку к уху, прислушиваясь к
микробусине.

— Они идут, — выдохнул вокс-
сержант.

Гвардейцы на стенах столпились
рядом с тяжелыми болтерами. Орудия с
хриплым кашлем извергали смертоносные
взрывчатые снаряды, пропахивавшие ряды
тиранидов.

Кислородно-фосфорные
вспышки говорили о том, что, по крайней
мере, один тяжелый болтер был заряжен
боеприпасами типа «Инферно».

Расчеты мортир, установленных
среди пустого затощенного двора, без
спешки принялись за рутинный труд. Один
человек уронил снаряд в зияющее жерло
орудия. Другой дернул за спусковой шнур, и
пузатый ствол выплюнул взрывчатку,
послав ее высоко над стеной. Катмос
смотрел, как расчеты быстро меняют

азимут и угол стрельбы, а наводчики на укреплениях сообщают детали о каждом взрыве. Каждый снаряд должен выбить из массы тиранидов максимальное количество потерь убитыми. Гвардейцы, снабжающие укрепления боеприпасами, сновали среди мортир.

Вернувшись к верху лестницы, Катмос собирался направиться обратно в подвал. Он передумал. Первым его долгом в сражении являлась помощь раненым, нуждающимся в навыках и времени, которые медики не могли для них выкроить. Он мог делать это здесь так же хорошо, если даже не лучше.

Несмотря на все усилия расчетов тяжелых орудий, первая волна тиранидов достигла стен. Они вскакивали в промежутки между тяжелыми болтерами, отталкиваясь мощными задними ногами, согнутыми под углом, как у собак, и оканчивающимися костистым наростом-- частично копытом, частично когтистой лапой. Когти на средних конечностях надежно вцеплялись в стены. Рывками они подтягивались вверх, шипя и

плюясь, размахивая растущими из передних конечностей костяными косами длиной с человеческую руку.

Одна из них вонзилась гвардейцу под подбородок, и лицо его исчезло в фонтане крови. Существо подняло его в воздух и затрясло, чтобы высвободить коготь. Шея хрустнула, тело солдата отлетело в сторону и безжизненно обмякло.

Панцири тварей были сегментированы, как у каких-то огромных и отвратительных насекомых. Перекрывающие друг друга пластины торчали вверх на спине. Они были цвета старой ржавчины и высохшей крови, а костистые конечности и торакс под ними

— болезненно-белые, как кожа прокаженного. Гротескно раздутые, покрытые красным хитином головы качались из стороны в сторону. Слизь капала из выдающихся вперед челюстей с триадами зубов, как у угольной акулы.

Катмос встретился взглядом с одной из отталкивающих тварей. Ее узкие кошачьи глаза были лихорадочно-яркими, сосредоточенными лишь на бездумном

убийстве.

Как вообще они могут выжить? Он ощущал полную пустоту в груди. Снаряды болтеров падали, как зипный град, и все же не могли преодолеть врага. Аккумуляторы лазганов выйдут из строя прежде, чем натиск врага ослабеет. Даже если они будут убивать эту мерзость, пока не навалят кучу трупов высотой со стену, то тиранидам просто будет легче проникнуть во внутренний двор.

Сердце Камлоса бешено колотилось в панике, но конечности перестали шевелиться от страха. Он не мог бежать. Он не мог выхватить свой лазерный пистолет. Да и к чему? Даже люди на стенах съжились за своими тяжелыми болтерами. Соблазн отчаяния ланил, как черное покрывало, под которым можно было скрыться.

Лазерные пушки, окружающие верхние ярусы башни, ожили и начали стрелять. Чужак взорвался, обратившись в зловонный дождь из осколков кости и обожженных комочков плоти. Та же вспышка лазера разорвала на куски нескольких.

следовавших за первопроходцем. Воздух звенел от оглушительного визга, с которыми лучи сияющей смерти один за другим прорезали широкие полосы сквозь стрекочущие орды.

Тесно стоящие рядом гвардейцы на укреплениях стреляли из лазганов. Тонкие, как булавки, лучи отсекали конечности и глубоко вонзались в эти раздутые головы. Они ослепляли полные злобы глаза и чисто отсекали мелькающие языки. Лейтенант Джентаг выступил из тени тяжелого болтера и спокойно концентрировал огонь на одном размахивающем смертоносными ланами тираниде за другим.

Катмос встрепенулся и выдохнул. Он чувствовал себя, как какой-то дурак, повернувшийся спиной к зитней вьюге и жмущийся к петросиновой плите, не думая о том, что, не давая зитним ветрам проникнуть в дом, он лишает горелку свежего воздуха. Не зная, что раскаленный элемент сожжет весь кислород, обрекая всех на смерть во сне. Теперь он чувствовал, будто кто-то пинком открыл дверь и вытащил его наружу, позволив

күсачемү ветрү выгнать токсины из крови.

Прикрепленные к отделениям медицины зашивали раненых и отправляли их обратно. Никто не ожидал иного. Там, на Альнавике, если за тобой гнался траморный медведь, то ты залезал на бритвенную сосну и не жаловался на порезы. Ты же оставался жив, не так ли? Катмос выдернул лазнистолеет из кобүры, готовый прикрыть огнем пару медиков, тащивших раненого с укреплений. Солдат держался за пробитый нагрудник, и кровь сочилась сквозь пальцы.

-- Ворота! Ворота!

Кричали люди на стенах. Лейтенант Джентаг соскользнул вниз по лестнице и побежал через внутренний двор. Что-то ударило снаружи в ворота, в пятнадцати метрах перед башней. Грохот был оглушительен. Многослойная пласталь вспучилась, но не поддалась. Облегчение, которое ощутил Катмос, было недолгим. Ворота прогибались все сильнее, и у одной петли открылась узкая трещина. Огромный шипастый коготь тщательно обследовал слабинү.

Затем раздался второй взрыв --- что-то сдетонировало прямо у входа. Пласталь держалась, но по всей площади ворот открывались новые трещины. Через них сочилась бурлящая черная кислота, разъедающая керамитовое покрытие.

Лазерные пушки на башне должны были защищать вход, если ворота не выстоят. Катмос посмотрел вокруг, прикрывая глаза от слепящих лучей. Но пушки целились выше, не ниже.

Солнечный свет затмили тени, похожие на летучих мышей. Эти тираниды летели на кожистых крыльях --- между широко разошедшихся костей тугированных средних конечностей были растянуты мембраны. Злобным взглядом они выискивали цели, сжимая в передних конечностях оружейные симбионты. Катмос напрягся, видя, как чудовища летят высоко над укреплениями, хлеща жуткими шипастыми хвостами атрофированных задних лап. Зависнут ли они в воздухе и будут стрелять или же спикируют вниз, как ястреб за добычей? В любом случае, гвардейцы на стенах не

могли отвести глаз от тиранидов,
атакующих на земле, если только хотели
выжить.

Теплый воздух прожгли выстрелы
лазерных пушек. Летучие тираниды,
попавшие в их прицел, были уничтожены.
Те твари, что находились слишком близко
к первым жертвам, тоже погибли — их
крылья посекло бритвенно-острыми
осколками разбитого хитина. Но, падая с
неба, оружейные симбионты все еще
плевались червями-точильщиками в
расчеты мортир. Врезаясь в мостовую,
существа подсекали извивающимися
хвостами ноги гвардейцев. Дергаясь в
предсмертной агонии, летучие тираниды
всаживали солдатам в бедра искривленные
иголки.

Те чудовища, что еще держались на
крыле, изрыгали пылающие колья
биоплазмы. Каммос увидел, как один
забрызгал седовласого гвардейца. Липкое
зеленое пламя подожгло его бронежилет и
волосы. Рыча от боли и ненависти, солдат
продолжал стрелять и сбил наземь
чужака, который убил его. Батарей

лаззана милосердно вспыхнула и
разорвалась, освободив его от страданий за
миг до того, как палец Каммоса напрягся
на спуске пистолета.

Прогнүвшиеся ворота заскрипели.
Грохотные красновато-коричневые когти
выскользнули из вспенившейся черной
кислоты. Шипы врезались все глубже по
мере того, как то, что было снаружи,
тянуло сильнее, неотвратимо расширяя
щель. Керамит начал рваться.

-- За мной!

Из центральной башни выбежал
комиссар Турзат в бронежилете поверх
тундира, с плазменным пистолетом в
одной руке и силовым мечом в другой. За
ним следовали кадеты, несущие
строительные плиты. Другие тащили
брусья из рокрита. Собравшись вокруг
лейтенанта Джентага, гвардейцы во
дворе начали пробивать себе путь ко входу,
добывая раненых тиранидов, рүхнүвших с
неба, топча прожорливых жуков-
точильщиков, сүетящихся вокруг их сапог.
Расчеты мортир оттащили орудия в
сторону, пожертвовав дальностью и

меткостью стрельбы. Не ступаясь этим, они продолжили стрелять вслепую.

Катмос, как и каждый солдат на платформах башни, сконцентрировал огонь на вооруженных косами тиранидах, все еще карабкающихся через стену. Вверху, на бастionaх, люди сражались, истекшая кровью. Если эти паразиты накинута на гвардейцев и кадетов, то их попытка укрепить ворота обречена.

Те же сформировали плотный клин с Турзатом на острие. Упорно, шаг за шагом, котиссар вел их вперед. Катмос увидел жаркое тареве от орудий, поднимающихся над кадетами в середине, которые все еще с трачным видом волокнистые материалы для заделывания бреши. Лейтенант Джентаг шел сзади, решительно командую арьергардом.

Слишком поздно. Мощным рывком эти чудовищные когти разорвали левую половину ворот пополам. В отличие от тварей, мечущихся по мостовой, это существо стояло прямо, как отрезанная пародия на человека, сжатая в оснащенных пальцами руках

оружейный симбионт. Оно было втрое больше самого высокого гвардейца «Альба Мармора» даже при том, что стояло на согнутых ногах. Массивный панцирь и хитиновые пластины, торчащие на голове, были гнилостно-коричневого цвета, словно испорченный плод. Самые верхние, бледные конечности оканчивались огромными когтями, вознесенными высоко над широкими плечами.

Катмос приполнил брифинг-Оффицио Медика — был он давно, давнее, чем он мог предположить. Это был воин-тиранид. Одно из наиболее смертоносных существ, порожденных Разумом Улья, которое доминировало над меньшими отродьями и заставляло их следовать его воле.

Более мелкие тираниды дрались, чтобы пробраться в пролом следом за ним. Хлынув во внутренний двор, они вздымались на средние и задние лапы, сжата в передних конечностях телоточцы и поглотители.

Мгновение, которое казалось половиной жизни, воин-тиранид

остатривал поле боя. Когда ближайший гвардеец поднял лязган, из-за спины воина выскочило новое чудовище, так быстро, что Катмосу понадобилась секунда на осознание того, что произошло.

Это был грузой монстр, более легкого телосложения, с двучастными верхними конечностями, усеянными когтями и шипами, чтобы пронзать и сокрушать. Но он не использовал их, вместо этого выбросив вперед когтистую руку. На миг Катмос позволил себе надежду. Тварь никак не смогла бы добраться до гвардейца. Потом он увидел, что расстояние не имело значения. Костяные крючья вылетели из ребристых боков тиранига и вонзились в руку и лицо солдата. Существо снова подняло когтистые конечности. сухожилия, соединяющие крючья с его узким телом, сжались, и, несмотря на отчаянные попытки освободиться, несчастного гвардейца втащило в гротескные объятия тиранига.

Крюки уже рвали его на куски. Мокрые щупальца, свисающие из пасти

чужака, поглаживали голову солдата. Их кончики проскальзывали в уши, в рот. Человек задергался, и хватка твари усилилась. Теперь отростки вонзились ему в глаза и ноздри. Хлынули кровь и слизь, и умирающий человек забился в судорогах.

Гнусный тиранид угрожал в непотребном удовлетворении и отшвырнул жертву прочь. Окровавленные щупальца аккуратно вылизывали одно другое, очищаясь от мозгового вещества. Его желтушно-золотые, светящиеся глаза уставились на новую цель. Еще одним резким жестом он метнул крючья, чтобы схватить солдата.

Комиссар Турзат атаковал его. Силовой меч рассек сухожилия. Плазма, вылетевшая из пистолета, попала существу прямо в морду, и обожженные щупальца съежились. Монстр, шатаясь, отступил назад и повалился дергающейся кучей.

Грохотный воин-тиранид с рыком набросился на Турзата, солдаты, расчеты мортир и медики все вместе обратили свое лазерное оружие против тиранидов во

внутреннем дворе. Чужеродные паразиты
визжали и утирали, их бронированные
экзоскелеты трескались под
беспрестьянным лазерным огнем. Тяжелые
болтеры на укреплениях все еще
прореживали стаи, атакующие стены
снаружи.

Никто не мог помочь комиссару
Турзату, сражающемуся с воином-
тиранидом. Он стрелял плазмой, целясь в
грудь, в глаза, в нижнюю сторону
конечностей всякий раз, когда тварь
замахивалась смертоносным когтем.
Силовой меч глубоко врезался в верхние
конечности воина, и комиссар снова
уклонялся и петлял. Катмос еще никогда
не видел столь быстрого бойца.

С раздирающим уши воплем ярости
чужовище неожиданно сделало шаг назад.
Меньшие тираниды позади него дрогнули.
Воин поскользнулся на мембране крыла
какого-то погибшего летуна, что дало
Турзату возможность вырваться из
схватки. Джентаг и арьергард осыпали
тиранида залпами концентрированного
огня. С панцирем, блестящим от ихора,

огромная тварь ретировалась, без разбору
хлеца по толкующимся за воротами
козортам. Когда она исчезла, атака
тиранигов ослабела, не слишком сильно, но
вполне достаточно.

— Загелать пролом! — заревел
Турзат почти на исходе дыхания.

Кагеты уже бежали к нему с
плитами и рокритом, в то время как
люди Джентага расстреливали меньших
отродий в кровавые ошметки. Пока
остальные гвардейцы убивали тиранигов,
оказавшихся запертыми внутри, Катмос
помогал наиболее тяжело раненым. Рана
в бедре, яркая от артериальной крови. Он с
силой прижал всасывающую повязку. Кисть
руки, полоторубленная, полоторванная от
запястья. Кровоостанавливающая повязка,
немного транквилиума, может
подождать. Серолицый гвардеец с кровавой
пенной на посиневших губах. Красная
степень срочности: его первый пациент.
Этрик и Тинг отвечали за раненых,
которых можно было вернуть в бой.
Катмос пытался спасти людей с самыми
скверными ранениями, чтобы их можно

было эвакуировать.

Спешно спустившись в подвал, он увидел, что Матэйн и другие двое санитаров переместили выздоравливающих пациентов на свернутые рулонами спальные мешки, где они сидели, прислонившись к стенам. На матрасах лежали сенсорные покрывала, поблескивающие свежим антисептиком, их сигнальные огни с готовностью мерцали. Герметично запаянные кюветы с сервозажимами и электроскальпелями лежали высокими стопками. Этрик и Синг стояли наготове у операционных столов, гудел рециркулятор крови. Диоды реаниматрекса показывали, что он заряжен на полную.

— Ну что, за работу, — мрачно сказал Катмос.

Некогда, давным-давно, полевой хирург вел счет раненым, о которых позаботился. Когда медиков, служивших в «Альба Мармора», призывало Оффицио Медика, чтобы те продемонстрировали свои успехи в военно-полевой хирургии, санитары

сравнивали свои записи. Столько-то раненых, столько-то спасенных, столько восстановлено бионикой, столько погибло, за павших выпито по стопке амасека.

Теперь Катмос просто концентрировался на пациенте, утираящем от потери крови под электроскальпелем, не думая ни о теле, которое только что собрал по кускам, ни о том, кого могут сейчас принести его подчиненные. Всем его миром стала жизнь, что сейчас утечет сквозь пальцы, если он не найдет способ ее остановить.

Опасность, голод, усталость -- все это ничего не значило, пока еще есть раненые гвардейцы, ждущие помощи.

-- Это все, -- устало сказал Матэйн, поднимая раненого -- бионическая рука заметно облегчала дело.

-- Правда? -- Катмос поднял взгляд и удивился, увидев, что в лестничном колодце залегли вечерние тени. Он совсем перестал замечать, как проходит день.

Медтуника была заскорузлой от высохшей крови, вокруг ног кучами лежали выброшенные пластиковые перчатки, а

рядом валялся палец. Он застрял на спуске, и его оторвало от руки гвардейца, когда удар тиранюга отшвырнул его оружие в сторону. Сбоку от хирурга лежала ампутированная рука, завернутая в медиплас. Кость была так изувечена, что ампутация оказалась единственным выходом. На стальной тарелке поблескивали остатки глазного яблока, разрушенного проникшим внутрь биочервел. Но крайней мере, вырезание глаза спасло гвардейцу жизнь. Однако куча спутанных кишок была свидетельством неудачи. Пациент умер от кровотечения из разорванной печени, пока Камлос отчаянно пытался убить всех точильщиков, извивающихся в животе солдата.

У Матэйна должен быть точный счет. Камлос, может, и не считал, но кто-то должен был это делать. Нет, это могло подождать.

-- Доктор? -- лейтенант Джентаг спускался по лестнице.

-- Сэр, -- Камлос отдал честь толгодоту человеку, запоздало осознав, что

рука у него болит.

— Как люди себя чувствуют? — тихо спросил Джентаг.

Катмос взвесил ответ.

— Каждый человек на Альнавике считает, что жизнь смертельна, остается ли он в грязи или становится Каменным Мегведет. Поэтому мы держимся твердо там, где терпят поражение более слабые полки. Но этот враг... — он покачал головой. — Это тяжкое испытание.

Лейтенант осмотрел раненых, лежащих на матрасах и привалившихся к стенам. Неожиданно он улыбнулся.

— Говорят, что тираниды бесстрашны, — заметил он. — Это не так. Они безмозглы. Вы видели это сегодня? В их глазах не было и искры независимой мысли. Вот поэтому мы и победим.

Катмос украдкой осмотрел лица гвардейцев. Они не выглядели убежденными, хотя многие, по-видимому, заинтересовались. Но крайней мере, это было лучше, чем усталое уныние.

— Тираниды не могут думать сами

по себе, — пренебрежительно заявил
тологдой офицер. — Они — марионетки,
выполняющие волю Разума Улья. Мы —
люди. Мы думаем сами за себя. Да, мы
боялся, — удивил всех Джентаг столь
прямым заявлением. — И знает, почему.
Потому что эта мерзость каким-то
образом отражает зло варна, чтобы
бросить его вселяющую страх тень на
своих врагов.

Голос у него был спокойный и
убедительный. Жители долины всегда
гордились своей мудростью, припомнил
Катмос. Из всех потомков Святой Терры,
достаточно суровых, чтобы
колонизировать покрытую льдом планету,
у них хватило ума найти себе пристанище
в долинах Альнавика. Им не приходилось
доказывать что-то, добывая прекрасный
белый мрамор, украшающий Имперские
храмы в половине всего сектора. Они не
видели заслуги в том, чтобы
соревноваться с опасностями моря.
Кальтарам до этого не было дела.

Джентаг с совершенно
непринужденным видом заходил по

комнате.

— Я бы прекрасно обошелся без их псайкерской злобы, взрывающейся мне в мысли, — откровенно сказал он. — Но мы не погведем. У нас есть интеллект, чтобы понимать, что этот страх — неразумная ложь. Мы знаем, с чем стоим лицом к лицу. Мы знаем, что можем верить своему оружию и своим товарищам. Улучше всего то, что мы знаем — помощь придет.

Он указал вверх.

— На орбите всего один корабль-улей, какой-то заблудившийся остаток флота-осколка, который дрейфует по пустоте космоса с тех пор, как раскололся флот-улей Кракен. Я не говорю, что он не представляет угрозы, — признал он. — Никогда не недооценивайте тиранигов. Именно поэтому к нам летят Преторы Орфея.

Катмос воодушевился, увидев улыбки облегчения и надежды. Преторы Орфея героически сражались на Нартиле III. Каменные Медведи знали, что многим обязаны этим внушающим благоговение

воинам.

Переждав ликование, которое вызвала эта новость, Джентаг продолжил:

-- Поэтому наша задача -- держаться против тиранидов до тех пор, пока Преторы Орфея не атакуют их из космоса. Тогда паразиты будут раздавлены между нами!

-- Тогда вам понадобится это, сэр, -- Виньям спустился с лестницы. В руках он держал силовые когти. Над тремя сияющими клинками скалилась медвежья морда.

Джентаг впервые выглядел потрясенным.

-- Это принадлежало капитану Слейту...

-- Вы заслужили это, -- действительно произнес Виньям.

Все раненые криками выразили согласие. Некоторые из них могли похвалиться популярными среди рядового состава медными медвежьими лапами -- кастетами, украшенными когтями.

-- Их повредили, -- помедлив, Джентаг принял внашающую страх

бронированную перчатку.

Биньям пожал плечами.

— Я за этим проследил.

Катмос считал, что вокс-сержант мог запустить погбитый крейсер Имперского Флота при помощи проводов из половинки пиктера и нескольких чипов от «Часового».

— Я буду носить их с гордостью, —

Джентаг втолкнул руку внутрь и взмахнул оружием. — Чтобы убивать каждого тирана, который поберется достаточно близко, в память о капитане Слейте!

— Каменные Мегведи! — закричал солдат.

— Настолько суровы, что могут жрать камень и срать щебнем! — завопил другой.

Радостные крики и стех прекратились, когда вниз по лестнице поспешно сбежал кадет.

— Комиссар Турзам передает вам поздравление, — он отсалютовал

Джентагу. — Пожалуйста, составьте свой доклад, чтобы вокс-сержант передал его

вместе с докладом комиссара.

Джентаг кивнул.

-- Сержант?

Биньям кивнул в сторону реаниматрекса.

-- Мне только надо глянуть эту штуку.

-- Санитар, -- Катмос покосился на Матэйна, -- людял пора укладываться.

Джентаг направился к лестнице, а Биньям подошел к операционному столу.

-- Это чтобы развлекать себя, когда заснуть не можешь? -- притворяясь, что осматривает реаниматрекс, он передал Катмосу какого-то незаконнорожденного потомка карманного инфопланшета и ручного пиктера.

-- Загляни попозже и увидишь, -- хирург кивнул в сторону кладовок у лестничного колодца в задней части подвала. -- Только не вмешивайся. Успасибо за это.

-- Что б ты без меня делал? -- Биньям неторопливо отправился вслеп за спешащим прочь лейтенантом.

Посмотрев, как младшие хирурги

проверяют состояние раненых, Катмос пошел в кладовку, где они свалили весь хлам из остальной части подвала. К тому времени, как он расчистил пространство под два стула, появился Матэйн с полной сводкой за день.

--- Еще девять мертвых, восемнадцать раненых, --- санитар выжидаяще посмотрел на любопытным образом модифицированный инфопланшет, экран которого был едва с лагерь Катмоса. --- Так для чего это?

--- Кто имеет наибольший риск пострадать от боевого шока среди тех солдат, кто завтра сможет сражаться?

Из тех его товарищей, которым приказали удерживать эту крепость, невредимой осталась едва ли половина. Катмос думал, сколько из них завтра оцепенеют, ошеломленные страхом, воспоминаниями о бойне, которую они уже увидели, или просто невозможностью задачи, поставленной перед ними? Пока их не разорвут тираниды или свалит выстрел комиссарского пистолета?

Матэйн подумал.

--- Отарен.

--- Приведи его сюда.

Катмос включил инфопланшет и улыбнулся, видя, как разноцветные огоньки закружились на черном экране. Он быстро установил параметры этой простой игры.

Матэйн открыл дверь хранилища и указал на стул.

--- Гвардеец, сядь, пожалуйста.

Отарен опустился на сиденье. Его стуловище было обмотано повязками.

--- Сэр?

--- Докладывай, гвардеец, --- по деловому сказал Катмос. --- Скажи мне, что конкретно произошло с тобой сегодня.

--- Я обслуживал тортиру, --- неуверенно сказал Отарен.

Катмос сел на другой стул.

--- Ты был близко от ворот, когда их пробрили?

Теперь он узнал молодого человека. Он чуть не стал второй жертвой того высокого тощего тирана, которого убил комиссар.

--- Тальвит, он был моим товарищем по расчету, --- окруженные белизной глаза

Отарена глядели прямо сквозь Камлоса, видя лишь кошмары. --- Оно съело... оно съело...

--- Гвардеец! --- Камлос хлопнул в ладоши. --- Посмотри на меня.

Отарен с трудом вырвался из ужасного воспоминания, хотя и не мог прекратить грожь, колотившую его.

--- Встань.

Не задавая вопросов Камлосу, Матэйн накинул сенсорное покрывало на стул Отарена.

--- Теперь сядь.

Гвардеец тупо повиновался, и Камлос протянул ему переделанный инфоплашет.

--- Отарен, я хочу, чтобы ты рассказал мне обо всем, что случилось, обо всем, чего ты боялся и что чувствовал. Но, когда ты будешь это делать, ты должен играть в звездолов, --- он потянулся к нему и сделал двойной щелчок по экрану. --- Как тогда, когда ты был еще ребенком.

--- Сэр? --- гвардеец не знал, что и думать.

Звездолов запищал с упреком. Отарен не смог повторить последовательность

огоньков, нажимая на экран пальцем.

--- Просто сделай это, солдат, --- строго сказал Катмос.

Взевшаяся в Отарена привычка повиноваться заставила его постучать по экрану. Желтый вверху, синий слева, зеленый справа, синий слева --- этот застал Отарена врасплох, когда он ожидал следующий огонек внизу экрана. Наверху вспыхнул красный --- Отарен едва успел удержаться. Красный --- цвет опасности, нажми на него, и игра закончится. Огоньки ускорились --- зеленый, оранжевый, фиолетовый --- разбежались по углам, и каждый нужно было нажать один раз, прежде чем вспыхивал новый. Белый требовал двойного нажатия --- это была сама звезда.

--- Расскажи мне обо всем, что случилось, --- повторил Катмос. --- Нет, не прерывайся. Продолжай ловить звезды.

Отарен сглотнул.

--- Мы с Тальвитом стреляли из мортиры.

На этот раз ему удалось выговорить на несколько предложений больше, прежде

чем ужас котом встал у него в горле.

Сигнальные лампочки сенсорного покрывала горели красным. Матэйн шагнул вперед, но Катмос отстранил его, подняв руку.

Звездолов настойчиво загудел. Отарен моргнул и сфокусировался на экране.

--- Извините, --- промямлил он.

--- Перезапусти игру, --- настоял Катмос.

--- Мы стреляли из мортиры, --- по собачьи повинился Отарен, тыча в экран негнувшись пальцем. --- Рейнас был наводчиком, он стоял на стене.

Катмос не запомнил, сколько фальстартов и репетиций им понадобилось. Но в конце концов Отарен наконец смог выдержать воспоминание об ужасной смерти Тальвита. Огоньки сенсоров все еще светились янтарно-желтым, но волны паники в мозгу утихли, как и бешеное сердцебиение и потоотделение. Голос молодого человека был ровным, взгляд прикован к звездолову, палец уверенно следовал за мигающими

огнями.

Устройство признало его успех, издав приятный звон. Отарен поднял взгляд на Катмоса и свободной рукой вытер слезы с щетинистых щек.

-- Сэр?

-- Очень хорошо, гвардеец, -- Катмос улыбнулся и забрал звездолов. -- Теперь иди, посты немного.

Матэйн стоял за стулом, внимательно разглядывая сенсоры. Повернувшись, он застыл -- весь внимание. В дверях стоял Турзам.

-- Санитар, -- отрывисто сказал комиссар. -- Проводи пациента к его матрасу.

Матэйн неуверенно посмотрел на Катмоса.

-- Иди, -- кивнул хирург.

Когда Матэйн вывел Отарена, Турзам вошел в хранилище и закрыл дверь.

-- Что это было?

-- Тело уже полечили, а это -- лекарство для рта, -- заговорил Катмос с большей уверенностью, чем на самом деле.

чувствовал. -- Как сказал лейтенант, тираниды лишены разума. А ты нет.

-- Какой-то несанкционированный псайкерский трюк? Лишу звания, если так, -- предупредил Турзам с более чем обычной неприязнью к псайкерам.

-- Проверьте записи обо мне. У меня нет и намека на психический потенциал, -- Катмос поднял звездолов. -- Это вариант одного старого приема моей матери.

От этих слов в холодных глазах комиссара появилось удивление.

-- Объясни.

Катмос жестом пригласил его занять свободный стул.

-- На Альмавике моя мать была целительницей.

-- В каменоломнях? -- Турзам присел с прямой, негнущейся спиной.

-- Аварии -- это такой же факт жизни, как то, что в океане тонут корабли, -- Катмос пожал плечами. -- Она стращивала сломанные кости и ампутировала раздавленные конечности. Потом, еще были кошмары, тучившие туччин и женщин, которые вытаскивали

мертвых и раненых из-под камней, а также преследовавшие тех, кого завалило. Это то же самое, что боевой шок Гвардии.

— Который поражает тех, кому не хватает отваги, — Турзат был совершенно лишен сочувствия.

— Можно так думать, — мягко сказал Катмос, — если не знать, что раньше человек был смелым и стойким. Мать не бросала того, о ком знала, что он сделан из настоящей стали. Она могла поклясться, что, если заставить кого-то проговорить то, что они испытали, то они смогут преодолеть страх. Когда они смогут сделать это без запинки, они снова смогут встретиться с ужасом лицом к лицу.

Турзат без улыбки поглядел на него.

— Я жду вашего объяснения.

Катмос ненадолго задумался, как в Колмиссарате делают операции по удалению чувства юмора.

— Разговорить кого-то, когда он боится, невозможно, если все, на чем они могут сконцентрироваться — это страх, — решительно сказал он. — Если занять

чем-то гружим их руки, их глаза, то это отвлекает их достаточно, чтобы ослабить ужас. Я не могу объяснить, почему и как -- но просто знаю, что это работает. Мать загавала своим пациентом какой-нибудь ритм, чтоб они его наступкивали, одну из горных песен, которые все знают, -- он отложил в сторону измененный инфопланшет. -- Я не знаю никакой музыки долин и побережья. Но все сыграют в звездолов.

Долгий миг Турзам глядел на полевого хирурга.

-- Будет ли этот парень завтра держать оборону?

-- Не знаю, -- честно сказал Каммос. -- Но шансы на это больше, чем были ранее.

-- Со сколькими людьми вы собираетесь играть в эту игру? -- требовательно спросил комиссар.

-- Со сколькими смогу. Почему бы и нет? -- дерзко спросил Каммос. -- Если она и не поможет, то разве сможет навредить?

-- Если не считать, что не даст раненым спать? -- прорычал Турзам. --

Нам нужно, чтобы каждый мог стоять на ногах.

--- Нам нужно, чтобы каждый человек мог держать оборону, --- Каммос ответил комиссару его собственными словами. --- Если этот парнишка умрет, я хочу, чтобы он умер с честью, а не как трус, от вашего пистолета. А пока что, --- он указал на сигнальные огни покрывала, --- может, я позабочусь о ваших ранах?

--- Это ничего, --- на челюсти Турзата дернулся мускул, и он поднялся на ноги.

--- Комиссар, не глупите, --- коротко сказал Каммос. --- Как люди будут держаться без вас?

Лицо комиссара озарил первый намек на улыбку.

--- Лейтенант Джентаг будет выполнять свой долг.

Однако он сбросил свой китель.

Комиссар снял фортенный мундир ранее. Несмотря на тренированность и ловкость Турзата, Каммос увидел, что ногти воина-тиранца нанесли несколько глубоких порезов.

--- Снимите нижнюю рубашку.

Взволнованный Матэйн дожидался за дверью.

-- Сэр?

-- Все нормально, -- Катмос взял антисептик и шовный клей. -- Сейчас я его залапатаю, а потом притащи мне другого с признаками боевого шока, -- он сделал паузу. -- Найди гвардейца по имени Ньял. Посмотри, как он там.

Он вернулся и занялся ранами Турзата. Порезы проходили сквозь старые шрамы. Было бы легко чувствовать неприязнь к комиссару, подумал Катмос, если бы не это неопровержимое доказательство его отваги. На спине у Турзата шрамов не было вовсе.

-- Ну что, могу я продолжать? -- Катмос начал очищать окаймленный красным порез, распухший от тиранидского яда.

-- Если бы я думал, что ты доживешь до прибытия Преторов Орфея, я бы запретил это и сообщил в Оффицию Медика, -- теперь улыбка Турзата напомнила Катмосу оскал черепа. -- Так как я сомневаюсь, что у меня будет шанс

это сделать, можешь продолжать. Все равно.

-- Вы не думаете, что мы выберемся отсюда? -- Камлос сконцентрировался на том, чтобы ровно соединить края раны, нанося шовный клей. -- Мы же прогнали то чудовище, разве нет? Воина-тиранида, если я правильно помню, как меня учили?

-- Он тогда не победил, -- произнес Турзат сквозь стиснутые зубы. -- Разум Улья отозвал его, как только то другое существо узнало, что ему было нужно. То, со щупальцами -- это был ликтор, -- он с удовлетворением кивнул, увидев запоздалое узнавание на лице Камлоса. -- Не все тираниды -- марионетки, что бы там ни говорил лейтенант.

Комиссар встал и поднял китель.

-- Те, что крупнее, знают, что сделают. Этот воин вернется -- или придет еще что похуже -- с новым планом, как одолеть нас, и за ним будет вдесятеро больше тварей.

-- Что они такого узнали, что сможет или помочь? -- Камлос попытался скрыть тревогу.

-- Не сомневаюсь, что ты узнает это завтра, -- Турзам пожал плечами. -- Убедись, что санитары знают, что делать.

-- В случае худшего развития событий, -- Камлос знал, что должен сделать. Он с трудом сглотнул. -- Но я все же надеюсь на лучшее.

-- Лучше всего не надеяться. Тогда будет нечего бояться, -- Турзам открыл дверь и зашагал через подвал с высоко поднятой головой и расправленными плечами, излучая уверенность.

В то время, как он ожидает, что все утрут? Внезапно Камлоса захлестнула ярость. Нет. Он не желал принимать трагичное предсказание комиссара.

-- Что у него было сказать? -- Биньям приблизился к нему со стороны затененной задней лестницы.

Камлос почувствовал холодок, услышав угрюмый голос друга.

-- Какие новости по воксу?

-- Астронат главштаба только что утер, крича о тенях в варне, с кровотечениями из глаз и носа, --

пробормотал Биньям. -- Никто не знает,
где Преторы Орфея.

-- Что насчет других укреплений? --

Катмос задумчиво посмотрел на раненых.

-- Еще шесть пропали из вокс-сети, --

покачал головой Биньям. -- Ни слова от
города Уота.

-- Так что мы держимся, пока не
придет помощь или пока все не погибнут, --

Катмос кивком погрозил Матэйна.

Это не займет много времени,
учитывая, что они понесли столь
ужасающие потери всего за два дня. Но все
же оставалась работа, которую надо было
сделать -- хотя бы для того, чтобы не дать
собственному страху поглотить его.

К рассвету Катмос был уверен, что
обезопасил еще девятнадцать человек от
парализующего ужаса, среди них и Ньяла.

-- Спасибо, Матэйн.

Когда санитар вывел пациента, он
аккуратно закрыл дверь. А затем метнул
звездолов в стену кладовой. Тот
разлетелся на части, рассыпав повсюду
бесполезные фрагменты.

Эти люди, возможно, освободились от страхов, но что их может спасти от пожирания ликторами? Что толку от лишних двадцати лазганов против бесчисленных тиранидов? Может быть, его ночная затея — ненужная трата времени? Может, комиссар Турзат прав?

Катмос был слишком утомлен, чтобы ответить. Все же в его гурных предчувствиях не было ни капли предательского ужаса, который внушали тираниды. Он знал, что это ясное понимание смертельной угрозы, в которой они все находятся. Но, как всегда говорила его мать, если ты понимаешь свой страх, то можно бороться с ним.

Выйдя из кладовки, он увидел Виньяма, сгорбившегося над кастером. Вокс-сержант поднял взгляд на Катмоса и коротко покачал головой.

Лазерная пушка на верхнем ярусе башни открыла огонь. Все в подвале застыли.

Катмос быстро проанализировал состояние лежащих пациентов, считая тех, кто мог держать в руках оружие. Он

позволил сержанта, ждущего рядом с солдатами, годными для защиты укреплений.

— Попроси у лейтенанта, чтоб сюда спустили тридцать лазганов или пистолетов, — сказал он энергичным голосом.

— Не уверен, что у нас найдется столько свободного оружия, сэр, — по привычке лицу сержанта Катмос понял, насколько поистине тяжким было их положение.

— Доктор? — кожа вокруг угнетического глаза Матэйна была бледна и туго натянута, а другой глаз запал и был окружен темным пятном усталости.

— Уди-ка сюда, — Катмос подошел к реаниматрексу, нажал на несколько переключателей, и машина злобеще загудела. Матэйн с опаской посмотрел на него.

— Что...

— Если тираниды ворвутся в башню, дай наиболее серьезно раненным благодать Императора, — приказал Катмос. —

Разряд останавливает бьющееся сердце так же надежно, как запускает мертвое. Каждый способный держать оружие должен сохранить один выстрел для себя.

Открыв панель в реаниматрексе, он вытащил два стеклянных пузырька. Вытянув содержимое одного в шприц-ручку, он передал второй Матэйн.

— Это тебе. Пруссиан. Быстрый и безболезненный.

— Что ты собираешься делать? — встревожено спросил Матэйн.

Положив в карман смертоносный шприц, Катмос вышел из кладовой.

— Если это последний день, который я увижу, то я умру с оружием в руках.

Он подобрал собственный вещмешок с беспорядочными напоминаниями о десятилетиях путешествий и войн. Там все еще было несколько вещей, которые он взял с Альнавика.

— Что это? — Матэйн удивленно воззрился на незнакомое оружие.

— Длинная винтовка, — Катмос проверил заряд и протянул Матэйн руку. — Служить с тобой было честью для меня.

Матэйн шагнул назад, покачав
головой.

-- Я найду лазан.

-- Ты останешься здесь и спасешь
наших пациентов от врага, -- строго
сказал Катмос.

Молодой санитар будет в большей
безопасности в подвале, если, по какому-то
капризу равнодушной вселенной, кто-то из
них доживет до конца дня. Тогда будут
раненые, которых надо будет лечить,
напомнил себе Катмос. Он не собирался
бесцельно расставаться с жизнью, пока на
нем оставался этот долг.

Матэйн кивнул, не в силах говорить.

Все же Катмос поспешил наверх по
задней лестнице. Он не мог проходить
мимо раненых и видеть их лица.

Позади на металлических ступенях
тяжело загрохотали шаги. Он повернулся,
поднимая глинную винтовку.

-- Каменные Медведи! -- Биньям
поднял руки в шутливом жесте сдачи в
плен. -- Куда идешь, навозная рожа?

-- Я сделал для раненых все, что мог,
пока битва не закончится -- так или

иначе, — Катмос нахмурился. — Ты же должен сидеть на воксе.

— Слушать мертвый эфир? — Виньял покачал головой. — Я утру с оружием в руке.

— Тогда пошли, — Катмос развернулся, и они направились наверх.

Теплый солнечный свет на самой верхней платформе будто смеялся над их усталостью. Катмос понял, что на такой высоте над зловонными трупами тиранидов, лежащими толстым слоем, будто осенние листья, сколько хватало глаз, ветер несет приятные ароматы леса. Он глубоко вдохнул благовонный воздух, прежде чем посмотреть вниз, во внутренний двор.

На этот раз не все мортиры были снабжены расчетами. Не хватает боеприпасов или опытных артиллеристов? Боеприпасов, догадался Катмос, увидев Отарена, стоящего у одного орудия с лазганом в руке, готового защищать мортиру или приняться за стрельбу в зависимости от хода боя. Но крайней мере, расчеты были прикреплены ко всем

тяжелым болтерам на выходящих из
стены бастионах. Но сколько времени
пройдет, прежде чем они опустошат
оставшиеся магазины? Они не смогут
удержать эти стены одной лишь отвагой.

-- Вот и они, -- Биньям подготовил
лазган.

Скачущие, рассекающие воздух
тираниды атаковали со всех сторон.
Сколько бы их не падало под выстрелами
тяжелых болтеров со стен, за ними
следовало еще больше. Они метали
железные крюки и стягивали скрученные
жилы, соединяющие живые захваты с их
телами. Оказавшись на бастионах справа
и слева от ворот, они бросались на
болтеры. На каждых пятерых,
застреленных гвардейцами, которые
отчаянно обороняли орудия, появлялся еще
десяток.

Эти звери отличались от тех, что
атаковали днем ранее. Защищенные более
толстыми панцирями, они сжимали
похожие на обрубки симбионты, которые
плевались незначительными на вид
поблескивающими струйками. Однако

звардейцы кричали от мучительной боли, совершенно несравнимой с их крохотными ранами. Бросая лазганы, они вбивали пальцами себе в лица, раздирали руки о рокрит, не обращая внимания, что проливают собственную кровь. Затем они корчились во внезапных судорогах, и каждый солдат падал и лежал, неподвижный и беспомощный.

Некоторые падали с бастионов, не делая ни попытки спастись. Камло вздрогнул, видя, как черепа разбиваются о мостовую. Другие простирались на земле со сломанными ногами и осколками кости, торчащими сквозь одежду. Тех, кто лежал, окостенев, на укреплениях, тираниды рвали на куски. Однако расчеты болтеров на соседних бастионах быстро направили огонь на тварей, чтобы не отдать оружия врагу, равно как и отомстить за своих товарищей. Болтер слева от ворот взорвался — оставшиеся боеприпасы добровольно подорвали звардейцы, не желаящие умереть просто так.

Биньям извергал повторяющиеся,

монотонные ругательства, делая из своего
лазгана выстрел за выстрелом. Катмос
установил глинную винтовку на перилах,
окружающих платформу, и аккуратно
прицелился в крепкого тиранига с
пятнистой головой. Она исчезла с
перекрестья, обратившись в фонтан слизи.

Башенные пушки внизу закрутились
на опорах. Оторвав взгляд от прицела,
Катмос остотрел небо. Сегодня в нем не
было видно никаких летающих тварей.
Оборонительные лазеры загудели, и
Катмос осознал, что они нацелены на
укрепления по обе стороны от ворот.

Лазерные пушки открыли огонь,
поворачиваясь из стороны в сторону. Убо на
этих стенах больше не было своих -- все
гвардейцы, еще остававшиеся в живых,
стали беспомощными жертвами
парализующих, причиняющих страшные
тупки тиранигских ядов.

-- За мной! За мной!

Лейтенант Джентаг был внизу, во
дворе, с отделением гвардейцев-ветеранов.
Они заняли позицию между тиранигами,
прыгающими вниз с укреплений, и

несгибаемыми расчетами мортир, которые все еще стояли в плотном порядке в центре, выпуская снаряд за снарядом и целясь в участок сразу за воротами. Гвардейцы стояли плечом к плечу и, не моргнув глазом, уверенно поливали лазерным огнем стрекочущих, толотящих лапами бестий. Мостовую двора усеивали обломки хитина, и она стала скользкой от ихора, изрыгаемого утирающими тиранидами.

Ворота внезапно исчезли в облаке черной пыли. Это был не взрыв -- скорее вздох, признающий поражение. Губительную завесу понесло во двор, и гвардейцы, попавшие под нее, повалились, задыхаясь, не в силах даже выдать предсмертное проклятье.

Когда пыль осела, в воротах стояла новая кошмарная тварь. Одна когтистая рука сжимала чудовищный меч из почерневшей кости. Другую украшала отмерзительная плоть -- веревки живых мускулов сплетались одна вокруг другой, оканчиваясь бритвенно-острыми когтями.

Биньям выругался.

Был ли это вчерашний воин-тиранид? Катмос не мог сказать, да и на самом деле это ничего не значило. Он поймал его в прицел и увидел убийственную целеустремленность, светящуюся в янтарных глазах под развернутыми веером хитиновыми пластинами, защищающими голову существа.

Он припомнил слова комиссара. Крупные особи знают, что делают. Турзат сейчас кричал что-то другое, но Катмос не мог разобрать слов в шуме сражения.

Воин-тиранид взмахнул мечом и с воплем запрокинул назад голову. Каждая тварь во внутреннем дворе откликнулась кровожадным криком. Звук распространялся за пределы обычного слуха, сокрушая храбрость каждого гвардейца. Тираниды возобновили атаку, теперь даже более свирепые, чем раньше.

Голос Виньята грозил:

-- Убивай больших, так сказал комиссар.

У него было оружие, которое могло

это делать, и, важнее всего, он имел навыки для этого. Катмос сконцентрировался и сделал глубокий вдох. Выдыхая, пока легкие не опустели, считая пульс, чтобы выстрелить между ударами сердца, он плавно нагавил на спуск. Он промахнулся. Конечно же. Ветер.

— Насколько далеко? — спросил Биньям.

— Без понятия, — сплюнул Катмос. Плечо болело от резкой отдачи оружия, но это было ничто в сравнении с неудачей, которая обожгла его, будто удар плети.

— Я буду наводить, — Биньям выхватил магнокль.

Катмос выстрелил вторым болтом.

— Сдвинь на три метки вверх-направо, — посоветовал Биньям. — Стой! Не стреляй!

Через узкую прорезь прицела Катмос увидел, как лейтенант Джентаг атакует воина-тиранида.

Чудовище затахнулось костяным мечом. Офицер уклонился от черного клинка, однако его хлестнуло живым кнутом. Он вскинул руки, чтобы

защитить лицо. Безжалостные кольца стиснули грудь человека, выжимая из него жизнь, таща его к поблескивающим клыкам твари.

Гвардейцев, поспешивших на помощь лейтенанту, оттеснила назад волна наступающих слюну меньших тиранидов. Джентаг уже не боролся с кольцами хлыста. Руки бессильно повисли, и его тащило вперед, к смертоносным когтям огромного существа.

Катмос прочнее установил глиняную винтовку. Всея его вселенной было то, что он видел в прицел. Единственный болт подарит Джентагу милосердную смерть и вместе с тем убьет чудовищного воина.

Он нахмурился, увидев лицо Джентага. Глаза того внимательно смотрели. Существо наклонилось, разинув пасть с зубами-кинжалами, пробуя воздух языком, как у рептилии. Руки офицера все еще были свободны. Но силовым когтям капитана Слейта с треском пробежала голубая молния. Конвульсивным усилием Джентаг вскинул руку и вознал сверкающие клинки глубоко в глотку

тиранида.

Монстр умер, и от его предсмертного визга по каждому тираниду пробежала дрожь неувренности. Гвардейцы, которые все еще сражались во дворе, ухватились за шанс и сделали столько выстрелов, сколько смогли.

Но Катмос увидел новый кошмар. Палаточная ткань, прикрывавшая ямы с мертвецами, вздвигалась. Змееподобные тираниды прорывали полотно двойными парами раздирающих когтей. Разбрасывая гниющие конечности и головы, они, волнообразно изгибаясь, поползли по мостовой. Гвардейцы побежали в атаку, и существа поднялись на тугих кольцах мускулистых хвостов или с убийственной эффективностью использовали клешни на их концах. Один солдат потерял ногу — клешня с легкостью прошла сквозь сапог.

На мгновение Катмос задумался, не это ли узнал ликтор, поглотив мозг бедняги Тальвита. Новый способ проникнуть внутрь крепости, которым он поделился с Разумом Улья, породившим его.

Узвивающиеся тираниды веером
расползлись по всему двору — некоторые
двинулись на артиллеристов, теперь
стоявших спина к спине, некоторые
атаковали гвардейцев, все еще отчаянно
пытающихся добраться до лейтенанта
Джентага, наполовину придавленного
павшим чудовищем. Другие ползли к
ступеням, по которым могли добраться до
подвала и раненых, лежащих в нем.

Катмос узнал голос, который
прокричал вызов далеко внизу. Один
гвардеец твердо встал на пути у
тиранидов. Это был Отарен, собиравший
вокруг себя столько людей, сколько мог,
уверенно стрелявший из лазгана. Пока он
стоял на ногах, раненые были в
безопасности.

А это, наверное, Ньял рядом с ним?
Сложно было сказать — на каждом была
броня и каска, но наклон его плеч казался
знакомым.

Молодой гвардеец побежал вперед,
увернулся от хлестнувших мимо когтей
разъяренного тиранида. Стреляя из
зажатого в одной руке лазгана, он какой-то

томент удерживал врага на расстоянии. В другой руке у него был тубусный заряд. На миг бросив лазган, так что тот свободно повис на перевязи, он открутил колпачок трубки и зашвырнул взрывчатку в огонь из ям. И трубы, и тираниды разлетелись на куски.

Но Ньял не отступил. Повалив тиранида, все еще угрожающего ему, последним выстрелом лазгана, он повернул колпачок следующего заряда.

Сердце Катмоса заколотилось, словно отсчитывая пульсом секунды, которые горел запал. Затем Ньял пригнулся и длинным низким броском метнул его в дальний конец траншеи. На этот раз взрыв был приглушен. Мостовая двора вспучилась, а затем опала — тиранидский туннель был разрушен. Катмос позволил себе обнадеженный вздох. Пока не осознал, что второй воин-тиранид стоит в разрушенных воротах.

Подняв массивное оружие средними когтистыми лапами, он выстрелил в лазпушку металлически блестящим потоком кристаллов. Оружие взорвалось

на скажодом искр. Его расчет с воплями
бросился назад — сияющая кислота лишала
плоти руки и лица солдат и разъедала
кости под ней.

Турзам вел отряд вниз по ступеням
башни, нацелив силовой меч прямо на
тварь. Солдаты побежали в атаку на
воина. Отарен и расчеты мортир
последовали за ними, стреляя из лазганов.
Меньшие создания, рвущиеся в ворота,
массово гибли.

Нет, решил Катмос. Главным героем
легенды о подвигах этого дня должен быть
Джентаг, даже если никто не останется
жив, чтобы рассказать ее. Он положил
винтовку на перила, внимательно
посмотрел в прицел и тщательно оценил
направление ветра. На этот раз он с
первого выстрела вознал гейтериевый
болт прямо в глаз воина.

Он потянулся в карман за
стертоносным шприцом-ручкой.

-- Прусциан. Достаточно для двоих.

-- Оставь его на другой день, --

тагнокль Биньяла вскинулся кверху.

Внизу, во дворе, вторжение

тиранидов утратило свою губительную
целеустремленность. Комиссар Турзам
собирал выживших гвардейцев, чтобы снова
закрыть ворота. Расчеты болтеров на
бастionaх не сдвали позиций. Лазерные
пушки на башне наклонились вниз, вскрывая
выстрелами тиранидские туннели и
открывая взгляду бесчисленные
скорчившиеся трупы.

Ветер изменился, и Катмос почувствовал
жгучий запах озона. Он посмотрел вверх и
увидел точки света, словно булабочные
уколы, пронзающие безоблачную синеву --
это вырывался огонь из маневровых
двигателей. Десантные капсулы с воинами
проносились сквозь ароматный воздух.
Гвардейцы, удерживавшие внутренний
двор, разразились радостными криками, и
Преторы Орфея обрушились на землю со
всех сторон от стен. Тираниды бросились
прочь, не разбирая дороги. Но ни один из
них не был достаточно быстр, чтобы
избежать праведной ярости костических
десантников и их убийственно точного
огня.

Реквием Прометея

Ник Кайл

Переводчик: Dammerrung, вычитка:

Дэн

Действие происходит после книги
"Salamander"

Ангар зиял в боку корабля, подобно
открытой ране, гниющей от ржавчины и
разрушения варпом. Он принаглежал
«Глориону», гревнелу кораблю,
участвовавшему в давно угасших войнах
Каппского фронта, который был лишь
одним из сотни таких же, составляющих
единый конгломерат. Разрушенные
надстройки, напминающие соборы,
стешались друг с другом в насильственном
акте единения, выступая среди сломанных
шпилей, разбитых куполов и расколотых
остатков многоярусных палуб. Слияние
некогда различных кораблей выглядело
таким же несуразным, как и его итог.
Ныне представляющие собой единую

грейфующую массу, эти чужовища повсеместно именовались «скитальцами».

«Неумолимый» был сущим насекомым в сравнении с этой громадой. Его посабочные опоры опустились на участок палубного настила, достаточно крупный, чтобы вместить целую эскадру десантно-штурмовых кораблей. Но аппарели спустились десять фигур в тяжелой броне. Двигались они медленно. Не потому, что были облачены в массивные терминаторские доспехи, или из-за инерции при нулевой гравитации, и не потому, что их сапоги притягивались магнитами к настилу палубы. Они были осторожны. Скитальцы всегда являлись вотчиной чуждых тварей, прячущихся в темных, забытых глубинах, беспокойно гремлющих в глубинах костоса. Но в этом скитальце таилось нечто большее. Эта масса, слившаяся из множества корпусов, изувеченных следами когтей, населенная колониями странных бактерий, опаленная солнечным ветром, побывала в Оке Ужаса. Варп изрыгнул ее, будто мать, изгоняющая из себя нарождающееся

отрогье, и она вернулась в реальное пространство после отсутствия глиной почти в век.

-- Я чувствую зловоние варна, -- слышался голос Претора в котлилке шлема Тсу'гана. Даже не видя лица, Тсу'ган мог сказать, что сержант нахмурился.

Не только запах -- стены ангара служили видимым доказательством того, что скиталец был занятан скверной. В свете, источаемом гало-фонарями доспеха, Тсу'ган различил замороженные вакуумом кровеносные сосуды и странной формы бугры. Щели в гротескных наростах напояли мгновенно замерзшие рты, разинутые от голода. Подобные искажения пятнали собой каждую вертикальную поверхность и сливались в густую кашу окаменелой биомассы, скопившуюся по краям палубы.

-- Огнетет, -- приказ Претора был краток, будто обрублен, из-за едва сдерживаемого отвращения. Брат Колох выступил вперед из боевого порядка и окатил стену очищающим огнем. Как

бүгто спичкү поднесли к күче
промасленных дров -- огонь пронесся по
нечисти, пожирая ее под жуткие шипящие
завывания, едва различимые за ревом
тяжелого орудия.

Тсү'ган үвидел, как Этек изобразил
поперек груди знак молота Вулкана.
Никто из Огненных Драконов этого не
сделал, но апотекарий не принаглежал к
ним и был более сүверен, чем
большинство. Он встретился взглядом с
Тсү'ганом, какое-то время смотрел ему в
глаза, а затем отвернулся, когда Претор
вновь повел их вперед. Было очевидно, что
он хочет покинуть корабль как можно
быстрее. На то была веская причина.

Эмпирей был царством теней, миром,
наложенным на реальность, бүгто грязная
пластиковая мембрана. В его потоках
обитали безжалостные сүщества,
которым придали облик страх, зависть и
жажда власти. Это были паразиты,
питающиеся человеческими страстями.
Было древнее слово, отражавшее их
сүщность. Демоны -- так их называли. Ни
один корабль, скиталец или что-то иное,

что странствовало в варне, не могло
остаться совершенно нетронутым.
Демоны и их воздействие могли надолго
задерживаться в реальности...

— Мүрашки по коже бегут, а
змееныш? — спросил Храйгор по
закрытому каналу.

Тсү'ган стиснул челюсти и
проглотил свой гнев.

— Обращайся ко мне «Тсү'ган» или
«брат», — прошипел он.

Храйгор так громко расстелялся, что
все его услышали. Великан даже среди
терминаторов, он тащил тяжелое оружие
своего отделения — устрашающего вида
штүрмовую пушку, покрытую значками,
обозначающими уничтоженные цели.

Претор послал потрескивающий
разряд по рукояти громового молота,
чтобы лучше остотреться в темноте.
Вспышка также осветила зелень его
боевого доспеха и сгустила тени в
складках плаща из драконьей чешуи.

— Прекрати, брат, — сказал он.

Храйгор кивнул, однако пока не
закончил.

— Оставайся богрым, змееныш. Мы с тобой очень скоро будем сражаться вместе.

Озера магмы под горой Смертного Огня на Ноктюрне были холоднее, чем гнев Тсу'гана в тот миг.

Если не считать наростов скверны, ангар был пуст.

— Далеко ли до «Протея»? — спросил Претор.

— Он близко. Я чувствую его.

На ретинальном дисплее Тсу'гана вспыхнула руна, идентифицирующая говорившего.

Брат-сержант Ну'теан. Его нетерпение, нехарактерное для Саламангры, было очевидно даже под непроницаемым терминаторским доспехом.

Претор повернулся всем своим массивным телом.

— Брат, ты теперь библиарий?

— Я — Огненный Дракон, — отрезал

Ну'теан. Голос у него был не такой глубокий, как у Претора, но металлом в нем можно было резать кератит. — У я

знаю свой собственный корабль. Он неподалеку.

Нутеан потопал вперед. И без того низкая температура упала еще сильнее.

— Этек, — Претор на сей раз проигнорировал второго сержанта, — сколько еще?

В отличие от своего предшественника с его едва прикрытым цинизмом, Этек был оптимистичен и любопытен.

«Вытащишь еще несколько геноселян из своих мертвых или утирающих собратьев — и твое настроение изменится, брат», — подумал Тсуган, и его внутренний голос отдавал горечью.

Этек сверился с комплексом ауспиков, встроенных в перчатку его более легкого силового доспеха.

— Если верить плану корабля, то примерно пять часов по третьему ярусу «Глориона», пока не достигнет точки слияния и выйдет в кормовой отсек «Протея», — он поднял взгляд от своих вычислений. — Это если мы будем двигаться напрямик — без стычек, по

чистому пространству и не
восстанавливая гравитацию.

-- Как только мы найдем активный
терминал, ты займешься третьим
условием, брат, -- сказал Претор. -- С
другими двумя мы будем разбираться по
мере надобности.

У каждого терминатора на левой
руке был цепной кулак -- незаменимая вещь
при исследовании скитальцев, где
движение могли затруднять переборки и
завалы. Это было нужно для выполнения
второго условия.

-- Температурное сканирование с
«Неутомимого» показывает, что
сопротивление будет слабым. Ксеносы все
еще по большей части в спячке.

Штурмболтеры, штурмовая пушка и
тяжелый огнетет разберутся с условием
номер один.

-- Тогда будем надеяться, что этим
все и ограничится, -- Претор переключил
внимание на Нумеана, который стоял в
авангарде своего отделения. Пока
командовал Претор, но, как только они
достигнут «Протея», его сменит второй

сержант. Так было решено. Нү'теан должен был искупить свою вину и нести ответственность в одиночку. Таков был путь Прометея.

-- Ты уверен, что он здесь?

-- Я чувствую это собственной кровью, -- в голосе Нү'теана слышались рычащие нотки. -- Он здесь, все еще внутри корабля.

-- Век дрейфа по волнам варпа... возможно, он не выжил, -- обычно громовой голос Претора слягчился. -- Брат, возможно, что мы ищем труп... или нечто худшее.

Нү'теан позволил словам повиснуть в воздухе. Затем он посмотрел мимо Претора, и взгляд его вспыхнул, остановившись на Этеке.

-- Он еще жив, находится в криостазисе, как я его и оставил, -- едва собравшись что-то добавить, Нү'теан замолчал. Его напускная холодность почти что исчезла, однако он снова отвернулся.

Претор бросил еще один, последний взгляд на Этека, по бокам которого двигались зеленые, бронированные

кератитом бастионы— двое из отделения Ну'меана, Меркүрион и Ган'гар. Силовая броня представляла прекрасную защиту на обычных полях сражений, но этот дрейфующий костический скиталец не был обычным.

— Берегите его, — Претор не потрудился перейти на закрытый канал. Апотекарий знал, что риск велик. Претор снова пристально посмотрел на Ну'меана.

Тактичность не входила в число тех качеств, которые Теркүлон Претор ценил сколько-то высоко. На данный момент это все еще была его миссия. Громоподобным, повелевающим голосом он возвестил, возглавляя отряд:

— Огненные Драконы, за мной!

Вспышки, одновременно вырвавшиеся из трех штүрмболтеров, осветили искаженное гримасой лицо Претора, и он отшвырнул ксеноса ударом штормового щита. Жгучие органические жидкости зашипели на его броне, когда он расплющил тварь о стену.

Коридор был узок. Трубы и толстые

кабели свисали с потолка, покрытого
разрывами от когтей генокрагов.
Решетчатый настил, полуразъеденный
кровью ксеносов, лязгал под ногами. По
крайней мере, порча варна здесь
отсутствовала. По крайней мере... не была
видима. Мощная гравитация, создаваемая
нестабильно работающими системами
«Глориона», притягивала Огненных
Драконов к полу. Благодаря недавно
включенным воздухоочистителям,
которые снова наполнили ярус кислородом,
Претор смог снять боевой шлем. Данные
сенсоров на ретинальных дисплеях
показывали, что подъемная способность на
пределе. Маневрировать было тяжело.
Тсу'ган чувствовал соленый вкус на губах, в
сражении его лицо покрылось потом, а
второе сердце колотилось, подстраиваясь
под дополнительную физическую нагрузку.

Ксеносы, похоже, не испытывали
таких трудностей.

Двое закупорили собой короткий
коридор, пытаясь оттолкнуть друг друга.
Трое терминаторов стояли к ним лицом к
лицу -- Тсу'ган, его сержант и Во'кар -- два

грудных, включая вооруженного штурмовой
пушкой, расположились позади них, образуя
шахматный порядок. Хотя тяжелое
орудие Храйдора молчало, залаял
штурмболтер Инвиктеза, стреляя между
наплечниками стоящих впереди.
Подразделение Ну'теана тесно
сгруппировалось за ними, защищая их
сзади.

Тсу'ган выстрелил в тварей, разорвав
грудную клетку их вожака и оторвав ему
конечность. Второй подобрался на
расстояние, достаточное для прыжка, и,
оттолкнувшись глиняными мускулистыми
ногами, легко взмыл в воздух. Цепной кулак
врезался в его торс, превратив
пронзительный вой в приглушенное
тяуканье, и генокраг заскреб когтями по
бронне Тсу'гана, но уже обессилено и не
целестреленно.

-- Хороший змееныш! -- сказал
Храйдор. Очереди штурмболтеров озаряли
коридор, словно языки пламени. Тсу'ган
чувствовал их жар. Трое ксеносов
взорвались под обстрелом. -- Стотри-ка,
там еще больше!

Храйгор указал ценным кулаком. Кругом валялось примерно тринадцать трупов ксеносов, а сами терминаторы не понесли никаких потерь или ранений. Это был авангард, ничего больше. Звери выглядели частично оцепеневшими, еще не полностью очнувшись от спячки. Впереди раздался высокий, воющий звук, предвестник новой волны.

Генокрады, рассыпавшиеся по палубе, были легкой добычей. Они брыкались и дергались под объединенным огнем. Слишком поздно Огненные Драконы осознали, что этих тварей просто принесли в жертву. Другие — цепляющиеся за стены и потолки, прижимающиеся к ним, чтобы представлять собой меньшую цель, — бросились на них целой стаей.

Тсу'ган зашатался, получив скользкий удар по шлему. На внутреннем дисплее на секунду затрещали помехи, затем изображение стабилизировалось. Твари были быстры, гораздо быстрее, чем первые. Он размахнулся ценным кулаком, надеясь кого-нибудь зацепить, но один генокрад перекатился через него и

вцепился в спину.

Болевые сенсоры доспеха вспыхнули гневным красным цветом, и Тсу'ган закричал. Органические крючья вырвались из пасти крага и начали бить по сочленениям брони в поисках уязвимых мест. Огненный Дракон не мог дотянуться до врага и вместо этого рванулся назад. Ударившись о стену, он с удовлетворением услышал хруст костей.

Тсу'ган едва успел прийти в себя — модифицированное тело начало вкачиваться в кровоток ослабляющие болихитикаты — когда на него прыгнула другая тварь, притаившаяся на потолке. Несмотря на имплантат-оккулоб, он только сейчас разглядел ее во тьме.

Гротовой молот Претора сокрушил ее прямо в полете, и выброс энергии пронизал воздух, осветив взвизгнувшего перед смертью ксеноторфа, будто в застывшем тикт-снимке.

— Огненные Драконы, вперед! — прогредел Претор, расплущивая другого ударом штормового щита.

По отрывистому грохоту болтеров

Ссу'ган понял, что его братья рядом и ведут продольный огонь по коридору. Совместными усилиями Огненные Драконы практически уничтожили вторую волну и использовали краткую передышку, чтобы немного продвинуться вперед. Перед ними выдвинулась более широкая секция коридора, нечто вроде технического отсека, где, будто металлические трупы, валялись старые механизмы. Увеличение пространства позволило воинам Ну'теана занять позицию рядом с отделением Претора.

Они разошлись веером -- трое впереди, сержанты в центре, двое позади, включая тяжелые орудия. Претор поднял кулак:

-- Стойте на месте.

Эхо последних выстрелов постепенно угасало, пока снова не повисла напряженная тишина, прерываемая тихими звуками действующих систем «Глориона».

-- Надо идти дальше, -- сказал Ну'теан, выдавывая свое нетерпение.

Претор тычком перевернул один из крадских трупов. Щупальца вывалились из его ротовой полости, подобно ребристым

языкам. Прежде чем включить комм-связь, он заметил слабый свет, угасающий в глазах существа. Это не могла быть просто иллюзия, вызванная напряженными условиями на корабле. Претор активировал связь.

--- Апотекарий?

--- На месте, господин.

--- С ксеносами покончено, ---
упорствовал Нү'меан. --- К чему медлить?

--- Он ждал почти столетие, брат ---
несколько лишних часов не имеют
никакого значения, --- парировал Претор. ---

Кроме того, они все еще здесь. Выжидают.

Было очевидно, что другому
сержанту это не нравилось.

Тсү'ган помнил Нү'меана, каким тот
был, когда он впервые телепортировался
на Прометей, лунную космическую
станцию и владение Огненных Драконов.

Брат-сержант встретил его первым. У
него было обветренное лицо с глиняным
ширалом по правой стороне, который
задевал губу и поднимал ее вверх в
постоянном оскале. Правый глаз был
немного тусклым, и в его красном огне

виднелось таленькое черное пятно. Полоса рыжих волос, выбритых дугой, тянулась по правой половине черепа. Тсу'гану это напоминало язык пламени. Несмотря на жар кузни испытаний и врата огня, прием не был теплым. Судя по нынешнему поведению Ну'теана, прошедшие годы не стягчили его.

Претор включил свои гало-фонари на полную мощность и нацелил их в отрезок коридора впереди. Устрепанные шланги свисали вниз, точно гаюки. Где-то за пределами видимости зашипел пар, вырывающийся из клапана. По словам Этека, они были примерно в часе пути от точки слияния «Глориона» с «Протеем».

Как и боевые братья, Тсу'ган последовал примеру сержанта. Поначалу он не увидел ничего, кроме истерзанного металла, ломаных труб и кабелей, похожих на извергнутые внутренности, залитые резким магниево-белым светом. Затем что-то зашевелилось на краю конуса света, медленно подкрадываясь в полутраке.

— Во имя Вулкана! — взревел Тсу'ган.

и к боевому кличу присоединился хор его братьев.

Генокрады посыпались со стен, словно моллюски с днища древнего корабля, и тут же скачками бросились вперед. В то же время решетки в потолке обрушились вниз, и оттуда густым потоком полились твари.

Новога по сторонам штурмболтером, Тсу'ган припомнил лавовых муравьев Ноктюрна, собирающихся у гнезда, чтобы отвадить всякого, кто на него посягал. Вот только здесь лавовые муравьи были крупнее человека, а муравейником был прогневший скиталец, дрейфующий в глубинах костоса.

Каждый снаряд попадал в тело ксеноса. Повсюду отвратительными цветами распускались взрывы, разбрасывая всюду клочья мяса и конечности, но генокрады продолжали наступать.

-- Что-то ведет их! -- рыкнул Тсу'ган и сделал было шаг назад, когда наткнулся своим наплечником о чей-то другой и остановился.

Претор стоял рядом -- кератитовая

скала перед приближающимся приливом чужаков.

--- Только вперед, брат. Сопротивляйся. Наша воля сильнее, --- он повернулся к другому Огненному Дракону.

Храйгор, расчисти нам немного пространства.

Выйдя справа от Претора, Храйгор шагнул вперед и нацелил штурмовую пушку.

Воздух мгновенно заполнился визгом вращающегося ствола, с невероятной частотой изрыгающего высокоскоростные снаряды. Двигая орудие влево и вправо, Храйгор громко возрадовался, распевая в честь литании Кредо Прометея и потроша толпы генократов, которые начали заполнять коридор.

--- Кажется, мы расшевелили улей, брат-сержант, --- заметил он.

Тсу'ган услышал, как Претор бормочет:

--- У я знаю единственный способ его расчистить... Ну'теан!

Второй сержант кивнул и сделал жест брату Колоху.

— Сожги их! — выкрикнул Ну'меан, и
Огненный Дракон включил тяжелый
огнемёт.

Жидкий протетий вспыхнул,
соприкасаясь с горелкой, и поглотил
отрезок коридора впереди.

Несмотря на жар, некоторые ксеносы
все еще упорно атаковали.

— Ве'кит, Меркүрион!

Еще двое Огненных Драконов
ответили на приказ Ну'меана, взрывая
точными болтерными выстрелами
окруженные пламенем тела, падающие под
струей огня. Несколько секунд, и все было
кончено.

Визг еще долго не умолкал, когда
генокрады уже были мертвы, обращены в
пепел нестерпимо жарким пламенем
огнемёта. Дым висел в воздухе, будто
саван.

— Что это за шум? — спросил Эмен.
Он подошел близко к стоящим сзади, и
теперь его было слышно без комм-связи.

— Ты когда-нибудь жарил хрустацид
или хитин на открытом огне? — спросил
Храйдор, позволяя стволу штурмовой

пущки какое-то время покрутятся и остыть, прежде чем окончательно отключить ее.

Апотекарий покачал головой.

— Брат, это воздух, — резко сказал Тсу'ган, которого немого раздражала явная наивность Этека, — он выходит через швы в панцирях.

— Молодец, змееныш, видать, в тебе есть больше, чем просто гнев и грозный голос.

Тсу'гану захотелось ударить так, чтоб вдавить перед шлема Храйдора тому в лицо, но он сдержался. Вместо этого он медленно подошел к Претору, который прижал руку к стене. Двое членов отряда Ну'меана проверяли, полностью ли безопасен путь впереди.

— Брат-сержант?

— Знаешь ли ты, что я чувствую, прикасаясь к стенам этого корабля?

Взгляд Претора был твердым, как гранит. Со времени вступления в ряды Огненных Драконов Тсу'ган успел увидеть сержанта с другой стороны. На Скории, сражаясь с орками, он выглядел так, будто

энергия и пафос в нем переливались через край. Теперь он был угрюмым и погрузился в себя. Смерть Н'келна, когда уже была близка победа, изменила его так же, как убийство Кагая изменило Тсу'гана. Гибель капитанов часто так влияла на их товарищей по оружию, даже если те были из другой роты.

— Я чувствую скорбь, — Претор нахмурился. — Что-то живет внутри корабля, в каждой его частице. Это не Саламангра и не генокраг, это не физическое существо, которое я мог бы потрогать или убить, — сержант понизил голос. — Это меня беспокоит, и очень сильно. Положи руку на стену, брат, и почувствуешь это, — добавил он, отходя в сторону.

Тсу'ган ответил почти шепотом:

— Я не хочу, мой господин.

На предыдущей миссии на миресвятилище Склеп-IV Огненные Драконы столкнулись с почти неуязвимым врагом. Битва с ним унесла жизни, отняла братьев. Бремя этой потери, как оказалось — бесполезной, давила на плечи

Претора так же тяжело, как ворот его брони.

--- Хорошо, --- сказал он. Претор еще на мгновение задержал взгляд на Тсу'гане, прежде чем тяжело зашагать прочь, чтобы поговорить с Ну'теаном.

--- Всюду боль, брат, --- добавил он, уже повернувшись спиной. --- Прими ее в платени войны или же беги, отдав ей власть над собой. Я не могу сделать этот выбор за тебя.

Затем он ушел, оставив Тсу'гана размышлять над его высказыванием.

Точка слияния находилась там, где древняя палуба инженериума пробивала то, что, судя по сенсорам и планам корабля, было средней палубой «Протея». Это было хорошо --- значит, помещение криостазиса окажется недалеко от входа. Однако имелось препятствие --- несколько тонн обломков не давали пробиться в следующий корабль напрямую из одного корпуса в другой.

Такая проблема могла оказаться непреодолимой для обычных

исследователей или даже для собратьев-Астартеc. Но не для терминаторов.

— Тяжелым орудиям — охранять подступы сюда, — сказал Претор, — остальные... вскрывайте корабль.

Воздух прорезал звук работающих цепных кулаков, и оба отряда принялись за работу, рубя и пиля.

— Апотекарий, держись подальше, — добавил сержант. — Не рискуй своим грузом, брат.

Этек кивнул и посмотрел на сосуд, закрепленный в его перчатке. Внутри мирно переливался хитический раствор.

— Если мы найдем взрывостойкую дверь или даже запечатанную переборку, я, возможно, смогу открыть ее отсюда. Это ускорит наше продвижение.

Претор кивнул аптекарию, а затем набросился на препятствие с грохотом толотом.

Этек снова глянул на сосуд. Маленькая игла для инъекции обеспечит ввод раствора, который был красного цвета и слегка светился. Этек мало что знал о его происхождении, но понимал, что

это сильнодействующее вещество. Чуть меньше пятидесяти миллилитров в прозрачной трубке из бронестекла размером с большой палец аптекаря.

Столь многое зависит от столь малой вещи.

Они нашли дверь. Это был давно неиспользуемый технический люк в кормовой части «Протея», который вел к короткому переходу на среднюю палубу корабля. По нему мог пройти только один терминатор за раз, поэтому они двигались медленно. Зато это дало Тсу'гану и тем, кто также шел впереди, возможность разведать обстановку.

В отличие от «Глориона», в древнем ударном крейсере Саламангр все еще сохранялась нестабильная поддача энергии. Лютолампы прорезали темноту угрожающими вспышками света, освещая темные помещения корабля. Бронза кое-где была дочерна обожжена дымом, угасшим много лет назад огнем. Палубу под ногами покрывал ковер сажи, которая шевелилась подобно спящему морю всякий раз, как кто-

то из Огненных Драконов делал шаг. Золотая облепила стропила и поперечные балки, будто серый грибок.

Они вышли в большую шестиугольную комнату. В разные стороны от нее отходило пять коридоров, оканчивавшиеся консолями, превращая комнату в нечто вроде центра управления. На стены были нанесены различные знаки и изображения. Символы Саламандр — пламя, змей и голова дракона — слабо поблескивали под гало-лучами терминаторов. Лампа наверху также была шестиугольной, и свет расходился вокруг, повторяя ее рисунок.

Этек сосредоточенно изучал подсвеченную зеленым консоль, когда к нему подошел Тсу'ган.

— Не отходи слишком далеко.

— Ты слишком беспокоишься обо мне, брат. Я могу и сам себя защитить.

Тсу'ган настижливо фыркнул.

— Это Узнеец взрастил в тебе подобное высокомерие?

Апотекарий когда-то был воином Дак'ура, которого Тсу'ган называл

"Цзнейцел". При мысли о бывшем сержанте на лице Огненного Дракона появился непрошенный оскал.

Этек предпочел не реагировать. Даже сейчас, когда у него появились новые обязанности, боевые братья из старых тактических отделений все еще неприязненно относились друг к другу.

--- Что ты делаешь? --- резко спросил Тсү'ган, когда понял, что аптекарий не собирается отвечать.

--- Проверяю связь с аварийными системами.

--- Ц?

Этек повернулся.

--- Даже по прошествии столетия все, похоже, работает. Криостазисная камера в полной сохранности. Корабли вроде «Протея» строились на века. --- Он прервался и посмотрел в глаза Тсү'гану. --- Тебя раздражает, что я посвящен в некоторые детали этой миссии, которых ты не знаешь?

Тсү'ган стиснул кулак, и сервомоторы в его перчатке как будто зарычали.

--- Любопытство однажды убьет тебя.

брат. Или, возможно, хуже... Возможно, оно погубит твой оптимизм и сломает тебя.

Тсу'ган уже уходил, когда Элек произнес ему в спину:

-- Это будет до или после того, как ты себя сожжешь в пепел в солиториуме?

-- Что ты об этом знаешь? -- Тсу'ган остановился и огрызнулся в темноту.

-- Когда я принял мантию Фугуса, то взял и его заметки и данные из библиотекарiona. Там упоминается твое имя.

Тсу'ган словно одеревенел, но затем голос Элека смягчился.

-- Скорбь не постыдна, но опасна, когда направлена внутрь.

Тсу'ган не обернулся, хотя очень этого хотел. Выяснить, что Элек знает о его пристрастии к боли, он будет потом -- его внимание привлекло нечто иное.

-- Что ты знаешь о горе? -- пробормотал он вместо этого и прошел во вход-арку, отделявшую комнату от широкой галереи.

По обеим сторонам глинного помещения тянулись ряды дверей.

Выглядело оно, как изолированный покой для пациентов, проходящих интенсивное лечение. Пол был частично покрыт белой плиткой, кое-где испачканной серым, кое-где расколотой или сорванной с места. Двери — пласталевые, с одиночными смотровыми окошками — тоже были белыми. На некоторых имелись поблекшие пятна, в полутрапе выглядевшие почти коричневыми или черными.

Тсу'ган наморщил нос от запаха, похожего на смесь озона и горящего мяса. Глухой отзвук его шагов совпадал с биением сердца. К этому грохоту ударам присоединилось легкое постукивание, будто пальцем по стеклу. Тсу'ган пошел на звук. Автоматства не предупреждали о каких-либо опасностях. Гравитация и содержание кислорода стабильно держались на приемлемом уровне. На «Протее» все было спокойно. И все же...

Звук исходил из-за одной двери. В памяти Тсу'гана промелькнул образ, но схватиться за него было так же сложно, как удержать в руках дым. Сердцебиение участилось. Он двинулся к двери, с каждым

шагом та была все ближе. Осознав, что медлит, Тсу'ган обругал себя за слабость. И все же...

Ретинальный дисплей Тсу'гана не сообщал ни о каких угрозах. Ни тепловых следов, ни движения, ни выбросов газа или энергии. Длинная камера была чиста. И все же...

Он подошел к двери, вытянул пальцы силового кулака, чтобы дотронуться до стекла. Когда до него осталось несколько сантиметров, свет затигал, и Тсу'ган посмотрел наверх, на лютолампы. Когда он перевел взгляд обратно на окошко, в нем было лицо, смотрящее на него.

Частично распавшаяся плоть, отслоившиеся мышцы -- скорее череп, нежели узнаваемый человеческий облик. И все же Тсу'ган точно знал, кто это.

-- Ко'ман...

Его мертвый капитан пристально смотрел на него через окно. Тсу'ган с ужасом увидел костяные пальцы, поднимающиеся и воспроизводящие положение его собственных, как если бы он смотрел в некое гротескное зеркало, а

вовсе не в стекло.

Новый запах подавил зловоние горящего мяса и мельта-выбросов. Жар и сера, звук трескающейся магмы и аромат дыма. Расплывчатая фигура отразилась в стекле позади него.

Красная броня оттенка крови, украшенная рогами и чешуей...

"Воин-Дракон..."

Тсу'ган развернулся так быстро, как только позволил его неповоротливый доспех, целясь из штурмболтера и рыча от нестерпимой тужи.

Претор отбил оружие в сторону, направив снаряд в пол, где тот взорвался, никому не причинив вреда.

-- Брат! -- воззвал он.

Тсу'ган видел только врага. Жар поднимался от брони Воина-Дракона, размышляя его очертания. Здесь были отступники, убившие Котана Кагая. Неважно, как они оказались на этом корабле. Все, что заботило Тсу'гана -- это то, как они погибнут от его руки -- чем кровавее, тем лучше. Тсу'ган убрал штурмболтер и вместо него активировал

цепной кулак. Приближались другие. Он слышал их, с грохотом бегущих к нему по палубе. Этому надо прикончить побыстрее.

Претор принял удар ценных зубьев щитом. Искры каскадом посыпались ему в лицо, когда он отбил кулак вверх.

— Брат! — повторил он.

Это слово, выплюнутое сквозь стиснутые зубы, выражало гнев и вместе с тем неверие.

Тсу'ган нажал вращающимися клинками на щит, и ярость дала ему силу превозмочь врага. Ублюдок ухмылялся — он видел клыки за ротовой решеткой боевого шлема Воина-Дракона.

"Я вырву их..."

Потом красный туман перед глазами рассеялся, и взгляду открылся Претор. Мига замешательства сержанту было достаточно, чтобы ударить наверху молотом в грудь Тсу'гану. Заряд энергии пронизал Огненного Дракона и заставил его рухнуть на одно колено.

Визг цепного кулака утих, и Претор позволил своему молоту упасть рядом. Но затем он придвинулся ближе, вгоняя

расколотый край штурмового щита под
подбородок Тсу'гану и поднимая его на ноги.

-- Ты с нами? -- спросил Претор.

Язык Тсу'гана был парализован. Мир
вокруг него только начал заново обретать
смысл. Остальные смотрели на него,
держа оружие наготове.

Претор сильнее нажал на щит,
поднимая голову Тсу'гана.

-- Ты с нами?

-- Да...

Это был лишь хрип, но сержант понял
и поверил ему.

Нү'теана было не так легко
успокоить. Он прицелился из
штурмболтера.

-- Все кончено, -- сказал ему Претор,
вставая на линию огня второго сержанта.

-- Варн...

-- Заразил этот корабль, весь этот
скиталец, Нү'теан. Все прошло, -- Претор
подтолкнул Тсу'гана в сторону, чтобы его
внимательно осмотрел Этек. Взгляд,
который сержант бросил искоса на
Храйдора, сказал тому, что он должен
идти рядом и приставлять за

Тсу'ганом.

Нү'меан опустил оружие.

-- Как ты можешь быть в этом уверен? -- спросил он, когда Тсу'ган отошел.

Претор подвинулся ближе.

-- Потому что у меня тоже видения, -- прошептал он. -- Эта дрейфующая развалина жива и наделена сознанием Варна. Что-то направляет его в наши умы. Тсу'гана застали врасплох, вот и все.

Нү'меан сделал гримасу.

-- Он слаб, нельзя ему доверять.

-- Он прошел через врата огня и выдержал испытание кузни -- он один из нас! -- настаивал Претор. -- Разве ты можешь сказать, что эта миссия и этот корабль не повлияли, так или иначе, на твое поведение? Я ясно это вижу, но признаешь ли это ты, Нү'меан?

Нү'меан не ответил. Он пристально смотрел на Тсу'гана, которого биосканировал аптекарий. Остальные Огненные Драконы уже осматривали помещение, проверяя все палаты по очереди и сам центр управления.

-- Ты ошибаешься в нем, брат.

— Нет никакой ошибки. Сейчас он во власти вины. Знай, что его судьба — среди Огненных Драконов. Я не брошу его...

Нү'теан гневно выплюнул:

— Как я бросил других — к этому ты ведешь, брат?

Претор придвинулся к нему вплотную.

— Возьми себя в руки, иначе я приду командование миссией. Все понятно, сержант?

Кипя яростью, Нү'теан все же уступил и еле заметно кивнул, прежде чем зашагать в сторону.

Претор позволил ему уйти, потратив несколько секунд на то, чтобы совладать с собственными эмоциями. Он снова посмотрел на ряды окошек, тянувшиеся по стенам, и гнев его ушел, сменявшись сожалением.

— Я не брошу его, — повторил он лишь для себя.

Из окошек на него пристально глядели лица, которые мог видеть только он. Гатхилу и Анкар, сраженные на Склепе-IV; Намор и Клайтен, убитые на

Скории, и дюжина других, чьи имена стерлись в памяти, но которые остались на его совести.

-- Мы уже потеряли столь многих.

-- Это ничего, змееныш...

Храйгор стоял у плеча Тсу'гана, пока Этек осматривал его на предмет ранений. Разжав крепления, аптекарий осторожно снял шлем Тсу'гана. Внутрь немедленно хлынул нефильтрованный воздух. Несмотря на минувшие годы, он все еще вонял аммиаком и антисептиком. От дезинфицированного воздуха кожа Тсу'гана зачесалась, и он понял, что жаждет прикосновения огня. Но не было ни раскаленного прута, ни железа жреца-клеймителя, чтобы утолить его табухистское желание.

-- Что значит «ничего»? Говори ясно, брат. Ты как будто Темный Ангел, -- язвительно ответил Тсу'ган.

-- Стой спокойно, -- сказал Этек, схватив Тсу'гана за подбородок и направив ему фонарь в глаза. Они вдруг ярко вспыхнули. Аптекарий сверился с

показаниями биосканера и сохранил данные для дальнейшего анализа.

-- Я -- это я, -- Тсу'ган пристально посмотрел на Этека, будто подначивая его прийти к любому другому выводу. Однако в его подсознании еще жило воспоминание о лице Кагая, словно старый сон, и он не знал, что его вызвало.

-- Я не вижу никаких физических отрицательных эффектов. Что до ментальных, то я не могу...

-- Тогдапусти меня, -- Тсу'ган дернул подбородком, освобождая его, и забрал обратно свой шлем.

Этек отошел, заметив на прощанье:

-- Твоя манера поведения, конечно, остается столь же дружелюбной, как обычно.

-- Ты уверен, что ты воин, Этек? -- устехнулся Тсу'ган и рывком надел боевой шлем. Крепления автоматически защелкнулись, и он направился к Храйгору.

-- А теперь объяснись.

Другой Огненный Дракон не выглядел так, будто почувствовал угрозу. Вид у него был скорее задумчивый.

--- Размер и тяжесть великого
госпеха, который ты носишь --- это
нелегкое бремя, змееныш. Он когда-то
принадлежал Улаану. Его эгига вплетена
в эгигу брони.

--- Я это знаю. Я был на ритуале. Я
стоял пред кузней испытаний и прошел
через врата огня. Я ношу знак Улаана на
собственной плоти вместе со многими
другими почетными шрамами, данными
мне за деяния, свершенные в битвах. Это
причина, по которой я сейчас нахожусь
рядом с тобой. Я --- Зек Тсу'ган, бывший
брат-сержант Третьей роты, ныне ---
Огненный Дракон. Я не твой змееныш!

Миг Храйдор безучастно смотрел на
боевого брата, а затем громко
расхохотался.

--- Я могу справиться и с госпехом, и с
миссией, --- запротестовал Тсу'ган, отчего
Претор оглянулся на него. Через несколько
минут они закончат обыскивать и
проверять галерею. Тогда можно будет
отправляться дальше.

У Тсу'гана оставалось только это
бремя, чтобы заново привести себя в

порядок. В ответ на хмурый взгляд
сержанта он понизил голос.

— Я увидел... нечто. Реликт
прошлого, ничего более. Старый корабль,
старые призраки — вот и все.

Храйдор внезапно посерьезнел.

— Возможно, ты прав, — его голос
приобрел загадочный оттенок. — На
Лукааре, до того, как стать Драконом, я
сражался вместе с Волками Гримхильда
Скейнфельда. Это была нелегкая
кампания, вели ее зимой, и Лукаар был
покрыт толстым льдом. Мы, Саламангры,
боролась с ним огнем, а Волки сражались
яростью. Мы хорошо подходили друг другу.
На планету вторглись зеленокожие, они
порабощали население и тянули из
скважин прометий, как обычные пираты.

Тсу'ган перебил.

— К чему все это? — прошипел он. —
Если ты должен следовать за мной, так
сделай это молча и избавь нас обоих от
этой несущразицы. Позволь мне заново
освятить оружие и доспехи без твоей
бесконечной болтовни.

— Слушай и, может, услышишь, к

чему это все, брат.

Да, подумал Тсу'ган, ему есть за что любить фенрисиЙцев. Им тоже нравятся непомерно глинные саги.

— Нас было мало, — продолжал Храйдор, — но до этого орки и их низкорослые собратья воевали с рабочими, вооруженными лишь кирками и ледорубами. Они были плохо подготовлены к битве с Астармес. Однако там было кое-что, о чем мы не знали. Тварь — кракен — спасшая нас от льдом. Наши сражения потревожили его сон и заставили подняться к поверхности, — голос Храйдора полнрачнел. — Он застал нас врасплох. Я был среди первых. Прежде, чем заговорил мой болтер, тварь схватила меня, потащила своими щупальцами. Более слабого человека расплющило бы, но этой доспех и дарованная Императором стойкость спасли меня. Если бы не вмешался Гритхильд, который метнул свой рунический топор, чтобы разрубить щупальце чудовища, сомневаюсь, что я бы выжил. Не всем на поле боя так повезло.

— Волнующий рассказ, как пить дать.

— с сарказмом произнес Тсү'ган, — но мы уже готовы выдвигаться.

— Ты, как всегда, не видишь то, что прямо перед тобой, Тсү'ган, — ответил Храйдор. — Я все еще полню этого краена. Я хочу, чтобы он нашел меня в моем солиториуме, чтобы я мог встретиться с ним лицом к лицу и победить его.

Тсү'ган не пошевелился, все еще не понимая.

Храйдор положил руку на его плечико.

— Если тебя преследуют призраки, это не делает тебя уникальным. Они есть у всех воинов, но только то, как ты с ними справляешься, делает нас сынами Вулкана.

Тсү'ган сбросил его руку движением плеча и пошел искать Претора. Он с нетерпением желал идти дальше.

— Как скажешь, брат.

Рассеявшиеся по помещению Огненные Драконы снова сгруппировались и приготовились выступить. Храйдор уже собирался следовать за ними, когда краем взгляда уловил нечто, уползающее прочь.

Автомобильства молчали. Когда он попытался проследить за этим — что бы оно ни было — оно исчезло. Остались лишь легкий запах океана и льда и густая воня чего-то древнего, давно позабытого.

— Это ничего, — сказал себе Храйдор. Корабль начинал воздействовать на них. — Просто старый призрак.

Если верить плану корабля, то, следуя через юго-восточный проход медицинской палубы, они вышли бы в аварийный ангар, а затем в камеру криостазиса. Оценив другие варианты в медицинском отсеке, они пришли к выводу, что это — самый рациональный маршрут, поэтому Нутеан санкционировал его как оптимальный способ добраться до цели. Хотя это для него не так уж много значило — он становился все более одержим целью с тех самых пор, как они взошли на борт «Протея». Претор согласился с этим мнением. Он вел свое подразделение отдаленно от Нутеана и его отряда, на этот раз заняв позицию в карьергарде, в то время как другой сержант

шел впереди, точно гончая по следу.

— Умерь шаг, брат. Корабль серьезно поврежден и может не выдержать такой нагрузки, — сказал Претор по комм-связи.

Нү'теан ответил через тот же закрытый канал.

— Впрочем, это не твоя вина, да, Претор?

— Ты недалеко прогвинешься, если...

Что-то мелькнуло в тенях прохода — глинного, узкого и слабо освещенного — и заставило Претора прерваться.

— Обойм отделения — остановиться.

Хор грохочущих шагов стенился тихими шумами корабля, когда Огненные Драконы встали.

— Что это? Крады? — в голосе Нү'теана слышалось раздражение.

Сенсоры Претора молчали. Если ксеносы и присутствовали, то были невидимы для всех обычных способов восприятия.

— Что тут происходит? — прошептал он про себя. Он заметил, что Храйдор тоже зорко всматривается в

мени.

--- Безопасно идти дальше или нет? У меня на сканерах ничего, --- сказал Нүтеан.

Претор посмотрел на Огненного Дракона слева.

--- Тсу'ган?

Тот вперил взгляд вперед. Голос его был тихим.

--- Я чувствую запах горелого мяса и озона.

«Не физическое существо, которое я мог бы потрогать или убить». Слова Претора вернулись к нему же.

--- Сообщите мне статус криокамеры.

Повисла пауза, пока Элек искал данные.

--- Полностью функционирует, господин.

--- Угел ты или нет? --- Нүтеан не заботился тем, чтобы скрыть нетерпение.

Претор помедлил. Закрытые двери аварийного ангара были менее чем в ста метрах. Впереди не было ничего, кроме темноты.

Что-то шло не так, но разве у них был выбор?

Ангар был огромен. Несколько причалов, состоящих из шлюзов, терминалов дозирования и площадок для технического обслуживания, занимали его пространство. Большая часть, впрочем, приходилась на зону посадки, находящуюся прямо под сегментированным, укрепленным адмантием потолком. Угели в наличии и силовые щиты, последняя преграда, спасающая от губительного воздействия реального космоса, когда все помещение открывалось пустоте. В доках стояло шесть кораблей, все -- модифицированные «Грозовые ястребы», с которых были сняты оружейные системы, принесенные в жертву большей грузоподъемности. В каждом доке стояло по одному, образуя два ряда по три корабля, носами внутрь, так что ряды пересекались под углом и были направлены прямо на приближающихся Огненных Драконов.

В отличие от других гверей «Протея», Этек не смог открыть вход в

аварийный ангар при помощи внешней консоли. Ее пришлось взломать. Воздух вырвался изнутри, как предсмертный хрип. Сенсоры госпехов показали, что он насыщен углекислым газом и азотом.

Модифицированные штурмовые корабли были не одиноки. Им составляли компанию мертвецы.

— Это не ангар, это торг, — сказал Храйдор, освещая фонарями, встроенными в его госпехи, более темные участки.

Скелеты в обрывках одежды — некоторые в солдатской форме, другие одетые в то, что осталось от роб, — скопились вокруг забытых пылью посабочных опор кораблей, стоящих в доках. Несколько валялись на открытом пространстве, постертное окоченение гротескно скрутило их конечности. Некоторые были вооружены лазганатами и другим легким оружием или же когда-то его имели. Было и другое оружие, не имперского образца.

Нутеан не выказывал уважения мертвым — он двинулся прямо через помещение, намереваясь пересечь

четырёхсотметровый ангар и достиг криостазисной камеры за ним так быстро, как только возможно. «Я ждал этого целый век».

— Уходим. Мы ничего не можем сделать гля... — он прервался на полуслове, когда наткнулся сапогом на труп, который не ожидал здесь найти.

— Ксеносы? — Тсу'ган тоже увидел его — даже не одно, а несколько чужацких тел. Но стройным очертаниям и сегментированной броне он распознал эльдар. Они не так сильно пострадали от разложения, как люди, и более походили на иссохшие трупы, нежели на лишённые плоти скелеты. Эльдар посерели и съежились, глаза их превратились в темные ложбины, а волосы стали тонкими, как осенняя паутина. На некоторых были надеты конические шлемы с раскосыми смотровыми щелями, соответствующими чуждым чертам лица.

Этек наклонился над одним из тел. Он стер налет пыли и обнаружил странный символ, который был ему

незнаком.

--- Какая-то каста элитных воинов?
Что они здесь делали?

Претор оценивающе осмотрел обстановку.

--- Сначала сражались против нас, потом бились за свои жизни. Здесь, в стене

--- следы когтей, слишком большие и широкие для любого из этих тел.

Он обменялся встревоженным взглядом с Ну'теаном.

--- Времени немного, --- тихо проворчал второй сержант.

Полосы рассеянного света, пересекающие сверху пронизанный пылью воздух, мигнули и погасли. Питание отключилось, заполнив комнату внезапной и абсолютной тьмой.

* * *

Тсу'ган почувствовал, как его облаченное в массивную броню тело начало подниматься. Гравитация, как и

освещение, отключилась.

Копья магниево-белого света, испускаемого гало-фонарями, пронзили, перекрещиваясь, трак -- терминаторы начали парить в воздухе. Несмотря на свою массу, они неуклонно поднимались. Ничем не удерживаемые в доках, «Громовые ястребы» взлетели словно в замедленном запуске, подобно тяжеловесным гирижаблям, выпущенным на пронзительно воющий ветер. Они бесшумно отрывались от посадочных площадок, и малейшее движение воздуха меняло траекторию их неуклюжего полета.

Тсу'ган попытался включить магнитное притяжение на сапогах, но по ретинальному дисплею пробежало сообщение «отказ системы», написанное символьным кодом.

-- Магниты не работают, -- прорычал он братьям. Свет, исходящий от доспеха, прерывисто замигал. -- Гало-фонари тоже отказывают.

Последняя вспышка перед тем, как свет окончательно погас, осветила

широкий бок «Громового ястреба», со
стоном двизавшегося на Тсу'гана, словно
металлический айсберг.

Наковальня Вулка... гнрррр!

Он врезался в корабль и отлетел в
сторону. Удар был жестче, чем ожидалось,
и тело отозвалось на него болью.

--- Держитесь погальше от
«Ястребов». Используйте сенсоры
движения, --- предупреждение Нутеана
оказалось запоздалым для Тсу'гана. ---
Выпускайте газ из пневматических
систем, чтобы направлять движение, а
затем зафиксируйте страховочные тросы,
--- добавил он.

Тсу'ган уже вращался по спирали,
ожидая, пока займет более или менее
вертикальное положение, чтобы сравнить
часть газа, питавшего некоторые
системы успеха: дыхательную,
двигательную, силовые механизмы --- все
они были жизненно важны в той или иной
степени, однако ителись в определенном
избытке, из-за чего выброс небольшого
количества газа не был критичен.

В считанные секунды призрачные

клубы газа начали разноситься по помещению -- Огненные Драконы пытались сгруппироваться. Один из дрейфующих кораблей столкнулся со своим собратом по скадре, издав оглушительный грохот. Впрочем, это не помешало Тсу'гану услышать, как кричит Храйгор.

-- Зверь! Я вижу его! Вступаю в бой!

Воздух рассек залп штормовой пушки, дымная вспышка озарила темноту. Выстрел отшвырнул Храйгора назад, он крутанулся и врезался в огонь из стен.

-- Во имя Вулкана, -- протянул он, еще не совсем прыгнув в себя от столкновения, и снова нажал на спуск.

-- Остановись и прекрати огонь. Отключить все оружие! -- Претор плыл к нему так быстро, как только мог, оставаясь за пределами зоны смертоносного огня Храйгора.

Тсу'ган тоже был невдалеке и двинулся на помощь. Он слышал, как сержант борточет:

-- Оставьте меня, братья. Оставьте меня. Вы рядом с Вулканом, чей огонь бьет в моей груди...

Он не понимал, к кому обращается
Претор. Остальные Огненные Драконы
оказались рассеяны по помещению.
Некоторые пытались пристегнуть тросы
к чему-нибудь неподвижному. Другие вели
себя... странно. Стремительно стеляя друг
друга, в котл-связь сыпались их сообщения.

-- ...не могу двигаться... мои доспехи...
как камень.

-- ...системы отказывают... кислород
загрязнен...

-- ...ксеносы! Крады в трюме!
Разрешение атаковать...

В последнем голосе Тсу'ган узнал
Ну'меана.

-- Все мертвы... оставить корабль...
вся команда... мертва... мои братья...

Этек, которого Тсу'ган успел
разглядеть краем глаза, исчез внизу,
направившись к челу-то на палубе -- в
целом он двигался гораздо лучше, чем
более тяжелые терминаторы. Он также
был одним из немногих, на кого не
повлияло то -- что бы это ни было -- что
атаковало их.

Потом он увидел его.

Лицо — лоскутное, испещренное
шрамами тесиво; глаза с алыми веками,
горящие ненавистью; красно-черный доспех
с чешуей, покрывающей нагрудник; рогатые
наплечники и глинные когти цвета
киновари на латных перчатках. Ошибки
быть не могло.

Это — Нигилан.

Предводитель Воинов-Драконов —
здесь, и его трижды проклятое варп-
колдовство окутало их всех.

Тсу'ган должен очистить «Протей»
от предателей. Он покончит с ними
всеми.

Губы Нигилана шевелились. Голос,
похожий на треск пергамента,
резонировал в голове Тсу'гана.

— Я ничего не боюсь! Ничего! —
выплюнул он в ответ на обвинение,
которое мог слышать только он.

Отступник улыбнулся, показывая
маленькие клыки.

— Я убью тебя, чародей... — Тсу'ган
ухмыльнулся, наводя штурмболтер на
ненавистного врага.

И тут Тсу'ган замер как вкопанный.

Его оружие, перчатка и наруч, вся рука...

-- Нет...

Так велико было его стяжение, что он едва смог это выдать.

Красная и черная броня покрывала тело Тсу'гана, заняв место привычной зелени Саламандр. Крошечные крупницы пыли посыпались из трещин в сочленениях, и он чувствовал, как под давлением с него слезит кожа, как со змеи. Ноздри наполнила медная вонь, источаемая его собственным телом. Он знал этот запах. Тот преследовал его во снах, обещая кровью и предсказанное предательство. Боевой шлем Тсу'гана лишился облика дракона -- он был гол и оканчивался тупоносой торгой, вырезанной из кости. Сокровавленных цепей, обмотанных вокруг тела, свисали черепа.

-- Аргхх! -- на этот раз он закричал громче -- мимо пролетел «Громоподобный ястреб», на миг скрыв Нигилана из виду. На боку машины неостижимым образом отразилось лицо. Тсу'ган всмотрелся в него и вместо себя увидел Гор'гхана, отступника, который убил его капитана.

Это был он, он был ит. Выродок. Убийца.

Штурмовик пролетел мимо.

Низилан смеялся, стоя на палубе внизу.

Тсу'ган рванулся к чарогею, хватаясь за все, что можно, чтобы подтянуться ближе, сбрасывая пневматическое давление из госпиталя.

Два столкнувшихся корабля едва зацепили его, но Тсу'ган почти не заметил этого в своем стремлении добраться до Низилана. Вокруг него братья сражались с собственными фантомами. Воинственные завывания Храйдора стали похожи на белый шум. Тсу'ган ни на что не обращал внимания. Они ничего не значили. Что-то по касательной ударило в наплечник, отдаваясь мучительной болью через весь госпех, но он претерпел и выдержал ее. Значение имела только месть.

"Жизнь за жизнь". Этими словами он воспользовался, чтобы оправдать убийство.

Тсу'ган оказался достаточно близко, чтобы добраться до своей жертвы.

Схватив предателя за шею, он стиснул ее.

-- Смейся теперь, ублюгодок! Смейся!

И Нигилан растаялся. Он стаялся, и кровь текла из его рта, а на лбу вспухали вены, по мере того, как Тсу'ган медленно сокрушал его шею.

Голос Этека пробился сквозь пелену, упавшую на все помещение и Огненных Драконов.

--- Восстанавливаю питание.

Держитесь.

Гравитация вернулась, как и освещение.

Терминаторы упали. Рухнули и штурмовые корабли, будто астероиды с неба.

Кусок фюзеляжа «Громого ястреба» серва не попал в Тсу'гана, разминувшись с ним менее чем на метр. Обломки, отколовшиеся от корпуса штурмовика при ударе оземь, дождем осыпали госпехи, но они выдержали обстрел. В руках у него был труп со сломанной шеей, и, когда он ослабил бешеную хватку, голова мертвеца отвалилась.

Тсу'ган выпустил жалкое тело мертвого серва. Отвлечение перешло в облегчение, когда он увидел заново

наполнившую его уверенностью зеленые боевого успеха. Галлюцинация прекратилась. Он снова был собой, хотя ментальная травма все еще ныла, как будто ожидая, что ее снова разбередят.

-- Что случилось?

Прежде чем ответить, Претор отпустил Храйдора, который тоже пришел в себя, но был потрясен тем, что случилось.

-- На борту этого корабля кое-что есть. Нечто, что удерживается в состоянии покоя его системами, -- признался он. -- Как здоровое тело обороняется от вторжения извне, так же делает и это судно.

-- Как это возможно, брат-сержант? Это же просто корабль.

К нему подошел Ну'меан. Огненные Драконы собрались вместе, чувствуя себя сильнее рядом с товарищами, и все они желали знать, что за феномен таится в коридорах «Протея». Но счастью, терминаторы избежали гибели подрушающимися «Грозовыми ястребами».

-- Корабль, который был в варне, --

ответил он Претору. — Это зловоние распространяется с каждым оборотом систем жизнеобеспечения. И это еще не все.

Этот миг был полон предчувствия, как будто вот-вот должно было раскрыться нечто ужасное. В конце концов, Претор нарушил молчание:

— Если вы увидите, то объяснить будет проще.

— Увидим что? — спросил Храйгор, которому возвращалось самообладание. Вторжение в их разум было столь мощным и мучительным, что обычного человека превратили бы в бессвязно бормочущую развалину. Однако же костические десантники были созданы из более прочного материала — их способности подверглись испытанию, но они не чувствовали каких-либо длительных последствий.

— В камере криостазиса, — сказал Ну'меан. — Мы сейчас отправимся туда. Пойдём.

Он повел их по причалу, теперь заваленному обломками упавших

«Громовых ястребов» и усеянному
небольшими очагами возгораний. Элек
подал голос.

— С показателями подачи энергии
что-то не так, — сказал он, ни к кому
конкретно не обращаясь. Апотекарий
стоял перед основной консолью управления
в помещении и просматривал поток
данных относительно недавнего
отключения энергии.

— Оно не было вызвано случайным
перепадом в сети? — спросил Претор.

Элек повернулся к нему.

— Нет, господин. Питание систем
корабля было перенаправлено в другой
отсек. Похоже, будто кто-то использовал
эту энергию, чтобы открыть ранее
запечатанную переборку.

— Генокрады так себя не ведут. Они
гнездятся, не выходя за пределы области,
которую колонизировали. Изучение
окрестностей не в их природе, — сказал
Ну'меан.

Тсү'ган ступил вперед, в круг,
образовавшийся между двумя сержантами
и апотекарием. Его тон был слегка

раздраженным.

— И что это точно значит?

Претор ответил, не глядя на него. Взгляд его был прикован к гальвней взрывостойкой двери и пути вперед, к катере криостазиса.

— Это значит, что мы не одни на корабле. Кто-то еще поднялся на борту «Протея».

Остаток путешествия к криостазисной катере они проделали в тишине. Узнать, кто или что еще было на борту «Протея», или как далеко оно было от Огненных Драконов, было невозможно. Теперь они проявляли предельную осторожность. Каждое отвлечение, каждую нишу проверяли и перепроверяли.

Несколько минут, несколько отрезков тесных и узких коридоров, и, наконец, они достигли части корабля, отведенной под криостазис. Перед катером был перекресток, от которого расходились четыре коридора. По одному они пришли сюда. Еще два тянулись влево и вправо. По словам Этека, тот, что уходил вправо от

того места, где находились Огненные Драконы, вел к хранилищу спасительных капсул. Левый уходил в глубины «Протея», к технической подпалубе. Короткий отрезок коридора примерно в метр длиной шел дальше вперед, к самой криокамере.

Комната была очень надежно запечатана. Ее отсекала практически непроницаемая переборка, не давая проникнуть внутрь праздым исследователям. Ранее «Протей» был кораблем Нутеана. Брат-сержант владел кодами доступа, которые могли открыть помещение и то, ради чего они прошли весь этот дальний путь, да еще вместе с сапожником.

Переборка втянулась в толстые стены коридора по обеим сторонам, исчезнув в ранее скрытых от глаз пазах, которые закрылись после завершения процедуры.

Холодный воздух, подернутый дылкой жидкого азота, сочащегося из помещения, танил их ближе. Комната была не особо велика или чем-то примечательна. Она

имела квадратную форму, и в ней стояло двадцать прозрачных цилиндрических камер, похожих на гробы, куда мог бы войти костический десантник в полной броне. Там могли размещаться члены команды во время долгого путешествия по космосу. Там же держали тяжелораненых, пока не добирались до костической станции или дока, где имелось более совершенное медицинское оборудование, чем то, которое было на крейсере.

На тот момент, когда Огненные Драконы проникли в комнату и разошлись в стороны, в ней был только один обитатель.

— Мы привели тебя не для того, чтобы ты кого-то спасал, брат Элек, — сказал Претор, стоя рядом с единственной занятой криокамерой.

Внутри, за подернутыми кристаллами изморози стеклом, виднелся силуэт чужака. Мертвенно-спокойного и лишённого шлема. Миндалевидные глаза эльдар были закрыты. Его вытянутое, заостренное лицо походило и на тужское, и на женское и было странно

симметричным. Поверх сегментированной брони, покрытой необычными, чуждыми рунатами, чужак был облачен в мантию. Руки сложены на груди. Существо напоминало некое странное спящее дитя, на вид одновременно неприятное и обманчивое.

— Нет, никак не спаситель, — произнес Этек, с новообретенным пониманием взирая на сыворотку в своей перчатке. — Я здесь в качестве палача.

— И теперь ты это знаешь, — нарушил тишину Нү'теан, не желая ждать ни секунды.

К криокамере тянулись трубы, закачивая растворы и газы, необходимые для того, чтобы поддерживать существо в состоянии анабиоза. Как и у всех остальных, у него имелась консоль, управляющая работой камеры. Маленькое гнездо, гостеприимно окруженное латунным кольцом, позволяло вводить добавки в стель жидкого азота и жидкости, которые сохраняли жизнь обитателю камеры.

Претор положил руку на плечо Нү'меана.

-- Подготовь его к тому, что должно быть сделано. Мы будем охранять вход. Если те, кто проник на корабль, недалеко. -- он не договорил то, что подразумевал. Затем отдал Огненным Драконам приказ выйти и оставить Этека и Нү'меана наедине с замороженным чужаком.

Тсү'ган удалился с неохотой, желая знать, почему этот единственный чужак так важен и почему они попросту не вознажили ценные кулаки в стекло и не убили его без всяких ненужных церемоний.

-- Смерть чужаку, -- тихо сплюнул он, уходя.

-- Нервно-паралитический яд убьет мозг этого существа, -- объяснил Нү'меан. -- Смертоносный и быстродействующий, но его можно ввести только через латунное гнездо, -- он указал на кольцо на консоли.

-- Я думал, что моя миссия -- оживить одного из наших потерянных братьев, -- сказал Этек, не понимая неуместность этой фразы и разглядывая

неподвижное, чуждое тело эльдар. Он немного знал об этой расе и узнал в нем проводца, что-то вроде эльдарского колдуня. -- Это существо насылало на нас свои психические эманации с тех пор, как мы высадились на «Протей».

-- Да, -- ответил Нутеан с необычным спокойствием. Теперь, когда конец был так близок, он наконец успокоился. -- Из-за воздействия варпа он привязан к кораблю -- ибо это он, мужчина. Претор чувал его, как и я, но я не говорил об этом. Криопроеесс -- единственная вещь, сдерживающая эту тварь. Без него, даже при малейшем его нарушении, эльдар бы свободно обрушил на нас свое колдовство. Я потерял почти три тысячи людей на этом корабле, чтобы пленить это существо. Жестокая судьба ввергла нас в варп-шторм, как раз когда его пытались освободить сородичи-ксеносы. Я никак не мог помочь мужчинам и женщинам на этом корабле. Я также потерял боевых братьев. Мой приказ прекратить эвакуацию обрек их всех.

Даже теперь, когда мишло много

лет, все эти жизни... все те, кого
Саламангры поклялись защищать, -- это
остро ощущалось Ну'меаном. Возможно,
провидец больше и не был военнопленным,
но он по-прежнему был врагом.

Этек заметно напрягся.

-- Что надо сделать, чтобы убить
его?

Ну'меан начал процедуру открытия
порта для принятия сосуда. Он снял боевой
шлем, чтобы лучше видеть и управлять
консолью.

-- Это займет лишь мгновение.
Подготовь сосуд, -- сказал он.

Этек извлек его из перчатки и
подготовил шприц на конце.

-- Готов, господин.

-- Уже почти... -- начал Ну'меан, когда
энергия, питавшая криокамеру, полностью
отключилась.

Снаружи погас свет.

Едва развернувшись, чтобы войти
обратно в помещение, Претор увидел, как
апотекарий отшатывается от
криокамеры, и вспышка дуговой молнии

сбивает его с ног. Она вырвалась из стазисной камеры. Крик эхом отразился по всей комнате, и Элек завертелся на месте и упал на пол.

Еще одна молния хлестнула, подобно плети, и по поверхности камеры прокатились бьющие волны психической энергии. Нумеан пошатнулся, когда в него врезался разряд, но остался на ногах, защищаемый крестом терминатора.

-- Назаг!

Не желая подвергать новым испытаниям силу личного оберега, Нумеан схватил Элека за лодыжку и поволок его по полу.

-- Штурмболтеры! -- взвыл Претор.

Тсуган вступил внутрь и выпустил очередь. Взрывчатые снаряды остановились в нескольких сантиметрах от замерзшей крионической камеры и без всякого вреда детонировали в воздухе. Взрывы отразились наружу, как будто наткнувшись на какое-то миниатюрное пустотное поле, и рассеялись, обратившись в ничто.

Нумеан увернулся от очередного

разряда молнии, практически вышибырунув
Элена через порог и бросившись из камеры
следом. Переборка захлопнулась позади, и
Претор тут же ее запечатал. По крайней
мере, двери все еще работали, по-
видимому, регулируемые другой частью
внутренней энергетической сети корабля.

Несмотря на то, что камера была
запечатана, а энергия все еще была
отключена, Тсу'ган чувствовал, что
видения возвращаются. Хотя логика
твердила, что они нереальны, чувства
восставали против этого. Они говорили
ему, что он ощущает запах меди, видит,
как тени сливаются, порождая врагов в
глубинном коридоре впереди, чувствует
горький привкус серы, обжигаящий небо.

--- Будьте крепки разумом, братья, ---
сказал Претор. Нутеан остатривал
Элена.

--- Апотекарий тяжело ранен, ---
сказал он, и на него снова нахлынули
застарелая вина и чувство
беспомощности.

Большая трещина разделяла нагвое
нагружник апотекария. Ее переполняла

кровь. Был и след ожога — глинный черный
рванный зигзаг, пятнающий броню, будто
сам был раной. Часть шлема Этека
откололась. Глаз, затянутый алым,
моргал, источая кровавые слезы.

— Я ранен... — прохрипел он.
Попытался посмотреть по сторонам, но не
смог. Кровь клокотала в горле, и он
слышал медленное биение второго сердца,
пытавшегося справиться с травмой.

Тсу'ган смотрел на него, чувствуя,
что гнев, который он испытывал в
отношении аптекаря, исчез, и его
заменила тревога. Он был ему братом, и
теперь, когда Тсу'ган смотрел в лицо его
возможной смерти, он понимал, что низко
вел себя с аптекарием. Это было
поведение, недостойное Саламангры с
Вулкана. Возможно, Этек и был когда-то
связан с Узнеаном, но он не был тем, кого
ненавидел Тсу'ган.

— Он умирает, — произнес Тсу'ган.

Ну'теан проигнорировал его.

— Надо восстановить питание в
криокамере, — сказал он Претору. — Я не
оставляю дело незавершенным.

Претор кивнул. Огненные Драконы столпились в коридоре. Они сформировали защитный периметр, следуя отработанной тренировкой методике. Что Саламангры умели делать -- и умели делать хорошо -- так это держать оборону.

-- Стойте здесь, -- сказал он, -- и будьте готовы снова выдвигаться по моему сигналу. Планы корабля у меня. Я со своим отрядом доберусь до энергетического центра корабля, -- он многозначительно нахмурился. -- Затем я найду того, кто отрубил питание, и сделаю с ним то же самое. Крови будет много.

-- Во имя Вулкана, брат, -- сказал Ну'теан, когда они пошли прочь.

-- Нам понадобится его воля на это, -- ответил Претор, с лязгом двигаясь по коридору. Немногом далее в сторону уходило ответвление, ведущее с медицинской палубы в глубины холодного сердца «Протея».

Тсу'ган внимательно взглядывался в тени. Эта часть «Протея» была по

большей части неповрежденной и несколько
жупковатой, как будто вся жизнь в ее
пустых коридорах попросту исчезла. Ни
борьбы, ни повреждений, просто пустота.

-- Не вижу признаков заселения
крадаты, -- сообщил брат Во'кар. Он шел в
паре с Тсу'ганом, и они вместе двигались к
энергетическому центру под
предводительством Претора.

-- Будьте наготове, -- посоветовал
сержант. Позади них, в темноте, Храйдор
водил штурмовой пушкой по сторонам.
Последний член отряда, брат Цнвиктез,
шел в полшаге впереди него.

-- Здесь ты встретит не ксеносов, --
заклучил Претор.

На расстоянии от криокамеры стало
легче. Хронометр говорил Огненным
Драконам, что они покинули отряд
Ну'меана ровно тридцать три минуты
назад. Тсу'ган достаточно точно
рассчитал, что за это время они ушли
примерно на несколько сотен метров. Но,
несмотря на дистанцию, он все еще
чувствовал те же ощущения, явившиеся из
прошлого и давившие на его решимость.

Впереди мелькнула тень, но прежде чем он нацелил штурмболтер, она как будто растворилась в дыму. В рециркулируемом воздухе висел густой запах меди. Был ли он создан психическим воздействием или реален -- Тсу'ган не мог сказать. Он видел, как Претор всматривается в темноту, также видел призраков в самых темных углах и сознательно отводя взгляд.

Показатели пульса и дыхания Храйдора, отображающиеся на тактическом дисплее Тсу'гана, были повышены. Претор тоже это видел.

-- Держитесь, братья, -- он не обращался к кому-то в отдельности, но Тсу'ган знал, для кого он говорит это на самом деле. -- Наши умы -- враги нам. Полагайтесь на инстинкты. Воспользуйтесь своей обычной ментальной тренировкой, чтобы найти равновесие. Мы родились, откованные Вулканом. Мы прошли сквозь врата огня и испытание кузни. Наша отвага негибает, ибо мы -- Огненные Драконы. Помните об этом.

Серия утвердительных клятв была

ответом брату-сержанту, однако все чувствовали напряженность атмосферы, как будто под кожей ползала змея. Храйдор отозвался последним.

Пока что они не встретили сопротивления. Планы указывали, что энергетический центр не так уж далеко.

Но, шаря лучами гало-фонарей во тьме, Тсу'ган не мог избавиться от тревожного чувства, гнездящегося внутри.

У двери к криокамере в нетерпении ждал Ну'теан.

Этек привалился к стене и все еще истекал кровью. Апотекарий был в сознании, однако не совсем ясном. Он использовал все целебные мази и бальзамы из нартециума, какие только мог. Братья, повинувшись его сбивчивым инструкциям, приложили все возможные усилия, чтобы помочь ему. Теперь Этек был в руках Вулкана. Либо он выдержит наковальню и сойдет с нее откованным заново, либо будет сокрушен. В любом случае, Ну'теан потестил сосуд в латунную внешнюю оболочку и прикрепил

его магнитом к своему наручу.
Устройство было маленьким, но не
настолько тонким, чтобы он не мог
применить сыворотку самостоятельно.
Это будет сложно, и лучше было бы
поручить дело аптекарию, однако этот
вариант был более не приемлем.

— Сержант Ну'теан, — донеслось по
комлинку из глинного коридора, где
братья Меркурион и Ган'гар охраняли
ответвление, по которому Претор и его
отряд двинулись к энергетическому
центру.

— Докладывай, брат.

— Вижу контакты на сканерах.
Быстро приближаются.

Ну'теан включил собственный
биосканер, одно из устройств, встроенных в
терминаторскую броню.

Он увидел несколько тепловых следов,
далеких, но весьма реальных. По его
расчетам, они приближались из отсека,
который ранее был запечатан.

— Организовать защиту, — сказал он
братьям Колоху и Ве'киту, стоящим
рядом. — Удерживать позиции.

Отступить только по моему приказу, --
приказал он стоящим в авангарде.

Что-то не так, подумал он. Провидец
был активен, и он ожидал атаки
видениями и ментальными лүками. Он
ожидал услышать вопли умирающих,
узреть горящие лица тысяч людей,
которых он обрек на смерть. Но ничего не
было, лишь терзающее чувство, что нечто
не в порядке.

-- Удерживать позиции, -- повторил
он, ощущая, как внутри усиливается
чувство тревоги.

Храйдор что-то прошептал, но
недостаточно громко, чтобы Тсу'ган
услышал. Терминаторы двигались по
последним нескольким коридорам в тесном
строю, как древние романские легионеры.
Некоторые воинские учения Терры глубоко
проникли в культуру Ноктюрна. Отставал
только Храйдор.

Они прошли мимо нескольких
ответвлений, каждое из которых вело в
другую часть корабля, каждое было
темным и глухим, и все их надо было

проверить и просканировать, прежде чем
идти дальше.

Тсу'ган уже собирался отправить
Претору беззвучное предупреждение о
вызывающем беспокойство боевом брате,
когда на него сошло мгновенное прозрение.
Ноющая боль в затылке, зуд, который он
ощущал шей и плечами, незримое
напряжение, которое пронизывало воздух, ---
ему это было знакомо. Он чувствовал это
раньше. Наблюдатели. Наблюдатели в
теньях.

Что-то двигалось, почти
недосягаемое для чувств, во тьме. У
Тсу'гана создалось впечатление, что оно
едино с тенями, будто ночь, сливающаяся с
ночью.

Силуэты, на которые он не обращал
внимания ранее, не были галлюцинациями
--- они были реальны. Претор также видел
и игнорировал не призраков во тьме, но
нечто весьма осязаемое и очень опасное ---
достаточно опасное, чтобы обмануть
авточувства Саламандр.

Предупреждение Тсу'гана опоздало ---
что-то обрушило на них свое воздействие.

и удар наибольшей тяжести пришелся на Храйгора.

-- Я вижу его! -- закричал он, сломав боевой порядок отряда и с грохотом бросившись назад, туда, откуда они пришли. -- Гримхильд... -- он помахал воображаемому Космическому Волку через плечо, призывая следовать за собой, -- Кракен... Бери топор и кровных братьев. Я держу его на прицеле!

Они так и не узнали, как долго несчастный Храйгор находился под незримым влиянием провидца.

Претор обернулся и увидел, как он исчезает в другой развилке, ведущей в неизвестную часть корабля.

-- Брат! -- крикнул он, но Храйгор пропал в собственной версии реальности.

До них донеслась громкая стрельба из штурмовой пушки, когда тот вступил в бой с воображаемой тварью из глубин.

Претор уже двинулся в путь.

-- За ним.

-- Куда он пошел? -- спросил Тсу'ган.

-- К своей смерти, если это продолжится. Мы здесь не одни.

Тсу'ган кивнул и последовал за
сержантом.

Развилка, которую выбрал Храйдор,
вела в глинный коридор. Когда ее достигли
остальные, его еще было видно --- он
стрелял из штурмовой пушки очередями,
прежде чем шумно побежать дальше.

--- Я могу подстрелить его, например,
выбить поршень из ноги,--- Тсу'ган уже
прицеливался. --- Это его замедлит.

Претор покачал головой.

Снова послышался шум бегущих ног.
На этот раз они все его услышали, так же,
как и пронзительный крик, который как
будто издавала стая механических птиц.

--- Во имя Вулкана... --- сержант
нахмурился, пытаясь определить
источник резкого звука, когда вдруг
переборка захлопнулась, остановив их. Они
потеряли Храйдора из виду, хотя Тсу'ган
мог поклясться, что видел, как за миг до
этого вокруг него сошлись тени, словно
отделившиеся от самых стен.

--- Удерживайте развилку, --- приказал
Претор Инвиктезу и Во'кару. Они тут же
заняли позиции. Он повернулся к Тсу'гану. ---

Выбей ее, сейчас же!

Тсу'ган вознал в металл цепной кулак, и каскад искр озарил коридор.

Потребовалось несколько минут, чтобы прорватся сквозь переборку.

Он первым выглянул на другую сторону.

— Ушел, — рыкнул Тсу'ган, но потом заметил следы крови на решетчатом полу. В коридоре был сводчатый потолок, усеянный трубами и узкими вертикальными воздуховодами. Цепи, свисавшие из темноты, слабо позвякивали. Претор и Тсу'ган руками расширяли прореху в переборке, пока та не увеличилась достаточно, чтобы они могли пролезть. На это тоже ушли драгоценные секунды.

Торопясь, они преодолели коридор еще за две минуты. Оставив остальных позади и приблизившись к тесному туннелю, они нашли тело Храйгора.

Ксеносы быстро приближались, десяток за десятком.

Длинный коридор предоставил отряду

Нүмеана неплохие условия для ведения огня, а потолок был достаточно прочным, чтобы можно было не беспокоиться насчет внезапного нападения сверху.

Если генокрады приближались только с кормы «Протея», они смогут их сдержать.

В нескольких метрах от двери крионического помещения был перекресток, откуда коридоры отходили влево и вправо. Здесь Нүмеан разместил Эмека, двух Огненных Драконов и встал сам.

Слева от него было помещение, где хранились спасительные капсулы. Атака из этого направления была маловероятна. Но если ксеносы явятся из правого коридора и одновременно из направленного к корме, битва наверняка будет гораздо короче. Он уже слышал их — стрекочущих, суетящихся, скачущих. Уже недолго.

Примерно пятьдесят метров отделяло их от братьев Меркуриона и Ган'гара у следующего ответвления. Еще где-то через сто метров глинный коридор оканчивался пятном тьмы, которое свет

гало-фонарей уже не мог рассеять.

— Ждите, пока не сложете хорошо прицелиться, затем ведите огонь на подавление, чтобы замедлить их, — приказал Нүмеан по комм-связи. — Посмотрим, братья, сложет ли мы забить путь впереди трупами ксеносов.

Воинственное «есть», раздавшееся в унисон, сказало ему, что приказ был услышан и что Огненные Драконы приносят последние клятвы.

Дверь позади, где пребывала в частичной спячке его жертва, касалась спины Нүмеана и казалась горячей на ощупь.

"Все это ради возмездия..."

Нүмеан стиснул кулак, сокрушая сомнение. "Нет слишком высокой цены".

— Они идут!

Коридор впереди внезапно озарили вспышки грохочущих штурмболтеров.

Мельком, среди тел и выстрелов, Нүмеан видел, как взрываются беснующиеся ксеносы. Они и не думали отступить. Даже на расстоянии он заметил лихорадочное сияние в их глазах.

Оно гаровало тварям агрессию и целеустремленность. Нутеан понял, почему они едва ощущали психические emanации провидца. Он стал частью корабля и распространил свою власть на его обитателей. Эльдар направлял свою силу через крагов, пробуждая и ведя их, заменив собой Разум Уля.

Болтерный огонь Ган'гара и Меркуриона глится еще несколько секунд, прежде чем они начали отходить назад. При этом они периодически выпускали очереди один за другим, так что залпы перекрывали друг друга.

Нутеан практически не видел целые группы среди крови и оторванных конечностей -- таково было разрушение, причиненное их оружием.

-- Боеприпасы на исходе, -- предупредил Меркурион.

-- Да, брат, -- ответил Ган'гар.

Нутеан двинулся было вперед, но дисциплина взяла верх, и он остановился. Вместо этого он заговорил в комм-линк.

-- Отступайте. Вернитесь в строй, братья, -- в тоне сержанта слышалась

настойчивость, говорившая, что он знает, что к ним приближается.

Генокрады были повсюду --- перебирались через мертвых, карабкались по стенам, полу и потолку. Такая ярость...

--- Огонь Вулкана бьется... --- начал Меркурион. Он поспешно вставлял в штурмболтер новую обойму, а Ган'гар прикрывал его, когда один крад подобрался достаточно близко, чтобы согреть с него половину шлема вместе с кожей лица.

Брат Меркурион пошатнулся и выстрелил еще несколько раз из штурмболтера, прежде чем второй ксенос пробил дыру у него в груди. Третий прыгнул ему на спину. Затем они облепили его, и Огненный Дракон исчез под грудой тварей.

--- Вернитесь в строй! Вернитесь в строй!

Но мольбы Ну'меана были напрасны.

Несколькими мгновениями позже пал и Ган'гар. Генокрады окружили его, и не было надежды, что он выстоит дольше. Его штурмболтер освещал коридор еще шесть секунд, прежде чем затолкнуться.

Нү'меан сдерживал гнев, не желая, чтоб тот заставил его броситься в набегаящую волну крагов навстречу смерти и тщетной славе.

--- Брат Колох.

Огненный Дракон с тяжелым огнеметом выступил вперед. Нү'меан глухо произнес:

--- Сожги это.

Храйдора разрубили на части. Ценные зубья усеяли шрамами его броню. Самые глубокие разрезы приходились на наиболее уязвимые сочленения. Терминаторская броня была серьезно повреждена, следы огня говорили о том, что в него стреляли плазмой с близкого расстояния. Участки частично расплавившегося керамика, оставившие зияющие каверны в иссеченной плоти Храйдора, были следом воздействия мельтзы. Убийцы набросились на него со всех сторон и разорвали его, кусок за куском. Все вокруг жуткой сцены было окрашено кровью, которая отсвечивала темным, будто внутренности, цветом в

резком свете гало-фонарей.

В конце следующего коридора, у развилки, издевательски позировала одинокая фигура. Она была облачена в архаичный силовой доспех, темный, как сумерки, или даже темнее -- сложно было точно сказать. Боевой шлем, которому придали облик какого-то воющего демона, чья грубо высеченная ротовая решетка застыла в немом вопле, выглядел вытянутым, почти как голова птицы, и птичьими же казались его когтистые стопы и перчатки. Склонив голову набок, отвратительная тварь начала издавать щелкающие звуки. Ее движения были странными, несколько синкопированными, и когтистая стопа скрежетала по металлу в такт.

Рот Тсу'гана свело в оскале, который скрыл шлем.

-- Рантор...

Затем он очертя голову ринулся вперед по коридору под рев штурмболтера.

Крича птичьим, механизированным, монотонным голосом, рантор взлетел в воздух, тяжело хрипящие двигатели на

спине закашляли клубами дыма и пламени.

Тсу'ган выругался. Он промахнулся.

Над ним грохотом зазвенели цепи и трубы. Тсу'ган выстрелил в темноту под сводом, где, как ему показалось, он заметил движение.

Жестокий стех, похожий на карканье стервятника, источник которого нельзя было отследить, был ответом на его промах. Затем раздался еще один взрыв птичьих воплей, синтезированных вокс-решеткой шлема.

-- Предатели-хаоситы! -- прорычал Тсу'ган Претору, скашивая звенья цепей следующим залпом. Они посыпались на его броню, будто железный дождь.

Ответ сержанта отрезало переборкой, рухнувшей между ними. Попался.

Тсу'ган изрыгнул еще одно проклятье, когда несколько силуэтов в доспехах, сородичи первого рантора, обрушились сверху на крыльях-лезвиях. Падая вниз, они как будто вытекали из теней и лишь в последний момент включали прыжковые ранцы, чтобы прервать полет.

Воздух наполнил озоновый запах
мельтасы и зловоние окровавленных,
стазанных маслом зубьев цепей. Клинки
уже гудели, рычали в поисках добычи.

— Вы так легко меня не убьете,
отродья ада, — поклялся он, пытаясь
оттеснить прочь другие ощущения,
давящие на край сознания — медную вонь,
серную поволоку...

Эти враги были настоящими.
Повелители Ночи — насаждающие террор
трусы, недостойные имени Астармес даже
в те времена, когда они были верны Трону.

Данторы были стайными
хищниками, и он попал в их ловушку.
Клинки рванулись к нему. У Тсу'гана едва
было время увидеть их, не говоря о том,
чтоб защититься.

Претору потребовалось три удара
грозовым молотом, чтобы выбить дверь
и, со скрежетом сорвав ее с креплений, на
полной скорости швырнуть в коридор. Как
и большинство сынов Вулкана, он обладал
огромной силой, но даже среди

Огнерожденных Претор славился
невероятными подвигами. Ведомый же
яростью и решимостью, он становился
одним из самых могучих воинов.

Ближайший раптор такого не
ожидал. Шесть тысяч килограммов
металла в полметра толщиной врезались
в предателя и практически разрубили его
пополам. Из-под подобного черепу лицевого
щитка вырвался предсмертный хрип.

Тсу'ган вовремя увидел
импровизированный снаряд и рванулся в
сторону, однако в полете дверь все равно
задела переднюю часть его нагрудника и
оставила вмятину на керамике.
Повреждения, нанесенные его броне
цепными клинками, были
незначительными. Огненный Дракон
воспользовался преимуществом перед
изумленными противниками -- хотя
замешательство длилось всего несколько
секунд -- чтобы выстрелить одного из
них выстрелом из штурмболтера в упор.

Стиснув наплечник раптора кулаком,
он вознал ствол тому прямо в живот и
надавил на спуск. Тсу'ган отшвырнул труп

прочь, тогда как еще один попытался взлететь, чтобы занять более удобную позицию. Он уже выгнулся, чтобы прицелиться из плазмагана, когда Тсу'ган протянул руку и схватил его за лодыжку. Он швырнул предателя наземь, не приложив к этому особых усилий. Цепляясь ногтями за пол в поисках опоры, тот отлетел прямо к Претору. Сержант обезглавил тварь краем штормового щита.

-- Узрите гнев Вулкана! -- взревел он, отшвыривая в сторону еще одного рантора, который прыгнул на него, намереваясь вцепиться.

Теперь Тсу'гана не стесняла толпа, и он стрелял налево и направо выверенными залпами. На ретинальном дисплее вспыхнули предупреждающие значки -- знаки интенсивного термического воздействия. Мельта-стрелок увернулся от первой очереди, выпустив небольшую реактивную струю из прыжкового ранца, чтобы остаться в воздухе, но затем Претор атаковал исподтишка и впечатал его в стену.

К этому времени с опорного пункта вызвали Во'нара и Инвиктеза, которые аккуратно всаживали очереди в гущу рукопашной из конца коридора.

Умирая, ранторы дергались и угрожали, будто странные металлические куклы.

В схватке лицом к лицу с полным отделением терминаторов у них не было шансов на победу. Коварная засада обернулась горьким, безнадежным поражением пред мощью Огненных Драконов.

Предателей осталось всего четверо. Саламангры наступали. Двое, испуская пылающие струи из прыжковых ранцев, попытались взлететь к своду. Огонь штурмболтеров — концентрированный, на малой дистанции — разорвал их броню, будто жечь.

Третий кинулся на Претора, но его ценной клинок не выдержал столкновения с прочной броней сержанта. Сломанные металлические зубья посыпались на пол, а вскоре к ним присоединился изломанный труп рантора.

Тсу'ган оказался лицом к лицу с единственным выжившим, предводителем ранторов, что носил вытянутую маску демона. Тот склонил голову, согрознулся всем телом, и пучок проводов, торчащих у него шею, заискрился. Затем это гнусное птицеподобное создание заверещало на него. Насмешка заставила Тсу'гана замахнуться — ему хотелось ощутить, как плоть и кости твари размельтятся лезвиями цепного кулака — но вожака ранторов рассчитывал именно на это и избежал удара, подхватив при этом мельтаган навшего сородича.

Выглядело это, будто существо собиралось обратить оружие против Огненного Дракона — пока оно не включило прыжковые двигатели и взмыло к своду потолка, на ходу прожгло металлическое покрытие, создав себе таким образом путь для побега. Массивная фигура Тсу'гана не давала другим хорошо прицелиться, и снаряды штурмболтеров без всякого вреда для рантора обрушились на трубы наверху. Затем Огненные Драконы вновь остались одни.

--- Повелители Ночи, --- сплюнүл
Тсү'ган. --- Малодүшные отрoгья и
растлители. Что они делают на борту
«Протея»?

Претор не отвечал. Он слүшал комм
линк.

--- Нү'меан в беде, --- сказал он,
закончив. --- Прегателям придетс
пождать...

Тсү'ган оцетинился.

--- Месть за Храйдора!

--- Придетс
пождать, --- твердо
повторил Претор. --- Мы нужны нашим
братьям, тем, что еще живүт и дышат,
чтобы пробиться к энергетическому
центру.

Они үже собирались вернүться по
своим следам, когда коридор сотрясло
взрывом, настолько громким, что он
срезонировал в броне Тсү'гана. Посыпались
крупные обломки металлического мусора.
Впереди взвился черный клуб пыли и
пламени.

Претор пристально взгляделся в дыт и
завалы, отсеивая помехи, возникшие в
результате взрыва, и что-то

пробормотал. Остальные члены отряда заняли боевые позиции, ожидая очередного нападения. Сержант считал показания сканера на ретинальном дисплее. Сделав это несколько раз, он выругался, изрыгнув старое ноктюрнское проклятье.

--- Брат-сержант? --- спросил Во'кар.

--- Путь назад закрыт.

--- Господин?

Претор закричал на Во'кара, и от ярости горящие угли его глаз вспыхнули ярким пламенем.

--- Мы не можем идти дальше, брат! Предатели обрушили коридор. И если мы не найдем другого пути к энергетическому центру, то Нү'меан и его отделение погибнут!

Передышка не могла длиться долго. Очистительное пламя тяжелого огнемета брата Колоха хорошо выполняло свою работу. Успевшие тела генокрадов усыпали коридор впереди, но их наступало больше, гораздо больше.

Через наушник комм-связи Нү'меан слушал трагичный доклад Претора.

Разговор происходил в несколько коротких фраз с одной стороны.

-- Понимаю, брат.

-- И не пытайся. Попытка пробиться займет слишком много времени.

-- Другой маршрут? Такого, чтоб ты добрался сюда достаточно быстро, здесь нет.

-- Ты должен. Я могу эвакуировать брата Эмека со скитальца. Его жизнь -- единственная, которую ты сейчас можешь спасти.

-- Во имя Вулкана, -- эхом прошептал Ну'меан последнюю передачу, уже оборвав связь.

Он проверил биосканер на ретинальном дисплее, посмотрел на смертоносный сосуд с ядом, прикрепленный магнитом к его броне. Враг был в считанных метрах. Он должен убить его. В любых других обстоятельствах сержант Огненных Драконов должен был в состоянии его убить.

Шум во траке впереди становился все громче.

Скоро все закончится.

Действуй!

Нүтеан сказал брату Ве'киту:

-- Доставь апотекария к спасительным капсулам. Убедись, что он на верном пути, и возвращайся обратно в строй. Перед тем, как все закончится, мне понадобится ты и брат Колох.

Это было рискованно. Поместить Этека в одну из капсул, возможно, не функционирующую, при том, что нельзя было гарантировать его спасение, когда он окажется дрейфующим в пустоте. И с такими ранениями... Это был единственный вариант. Нүтеан знал, что шансов у него немного.

Ве'кит ушел, забрав с собой ослабевшего, почти внавшего в кому апотекария.

Нүтеан положил руку в латную перчатку на наплечник Колоха.

-- Ничто не должно пройти, брат.

Колох кивнул. Судя по звукам, крады приближались. В темноте впереди можно было различить их неясные силуэты. Нүтеан повернулся и приблизился к двери-переборке, готовый вот-вот произнести

годы активации.

— Закройте ее за мной, — тихо сказал он. — И не открывайте. Что бы ни случилось.

— Во имя Вулкана, — нараспев произнес Колох.

— Всегда за Вулкана... — ответил Ну'меан. Стрекотание приближающихся тварей бурно нарастало. Он открыл дверь и вошел в криокамеру.

Как только он переступил порог, и дверь наглухо закрылась за ним, ударила дуговая молния. Поначалу боль была притупленной, затем усилилась, став куда более настойчивой и жгучей, и каждый шаг давался Ну'меану с тучительным трудом.

Крест Терминатора надеял его некоторой защитой, но лишь благодаря твердой воле, присущей Саламанграм, он продолжал двигаться по окутанному туманом полу.

По его броне как будто пробежали добела раскаленные пальцы — психическая молния выскивала открытую плоть и уязвимые места. Сочленения некогда

непробиваемого доспеха Ну'теана начали постепенно давать слабину.

Через треск энергии он расслышал доносящийся снаружи шум битвы. Выстрелы болтеров и залпы огнеметали стивались с боевыми кличати его братьев и визгом ксеносов. Подходящий реквием для их последней битвы в этом адском месте. Это не был корабль, который он помнил. Эта мерзость более не была «Протеел». Здесь продолжали жить лишь призраки, которых лучше было забыть. Ну'теан понял это слишком поздно, но теперь он, по крайней мере, должен был завершить свою миссию.

В считанных шагах от криокамеры он увидел оцепенелого и, как всегда, безмятежного провидца. При взгляде на чужака никто бы не догадался, что за хаос царит в его разуме, сражающемся с тришельцем, явившимся его убить.

«И все же я убью тебя», — поклялся Ну'теан.

Когда психическая молния ослабела, на стену ей вернулись кошмары и ментальные муки. Лица, прогнанные и

иссушенные разложением, пристально
воззрились на него обвиняющими глазами.
Внезапно появились сотни их, загораживших
путь к криокамере, вонзающих
мертвецкие когти в сержанта Огненных
Драконов. Сервы, члены команды, жрецы-
клеймителы и даже товарищи-
костогесантники удерживали Ну'меана на
расстоянии своим гневом и его чувством
вины.

Ну'меан заскрипел зубами. Тело
невыносимо болело, как будто кто-то
обнажил его нервные окончания и
испепелял их одно за другим. Он не мог
увидеть консоль сквозь толпу призраков,
однако чувствовал ее. Она все еще была
готова принять в себя смертоносную
сыворотку.

Провидец усвоил старания, посылая в
Саламандру все новые трещащие дуговые
толщи. Ну'меан кричал при каждом новом
ударе, и плоть его слезала с костей.
Перчатки окутало пламя, но сквозь
кровавую дымку он достаточно хорошо
увидел свою цель.

-- Я -- твоя смерть... -- прохрипел он

и вознал сосуд в круглое гнездо. Тот
быстро опустел — токсин проник в
механизм, будто голодный паразит. В
тот же миг провидец согрознулся в
конвульсиях. Судороги выглядели
неестественными в сочетании со
спокойным выражением лица. Через
несколько секунд он затих.

За дверью давно уже затихла битва.
Тенокрады не смогли прорваться и
закончили тем, что скребли когтями
твердую обшивку, пока им это не
наскучило, после чего двинулись дальше.

Нутеан терял сознание. Откуда-то
глубоко снизу доносился грохот кузни, звук
наковальни, которой касается молот.

Скоро я буду там, подумал он. Скоро я
присоединюсь к вам всем, братья мои.

Тсуган молча прижимал руки к своим
ранам, стоя пристегнутым в
Санктуарине «Неумолимого».

В отсеке, где находились воины,
царило подавленное настроение. Не менее
шести Огненных Драконов погибли,
пытаясь свершить столетнее воздаяние.

Почему-то он чувствовал, что чаши весов не уравновешены.

Он жаждал пламени солиториума, жара, который бы очистил его от боли и бессильной ярости, затаившейся внутри. Голос Волкейна, пилота, прервал его трагичные раздумья.

Покинув останки «Протея» и вернувшись на ангарную палубу «Глориона» по другому маршруту, они попытались восстановить связь с Нутеаном. Без толку. Апотекарий Этек все же мог еще быть жив, поэтому они тщательно прочесали пространство костоса вблизи того места, откуда выбросило его спасительную капсулу.

Сейчас, два часа спустя, они нашли его.

— Экстренная рунa идентификации соответствует сигнатуре «Протея», — голос брата Волкейна звучал неровно, искаженный котл-линком.

Претор заговорил в приемное устройство у переборки:

— Проведи биосканирование и подведи нас ближе.

Прежде чем Волкейн ответил, прошла почти минута.

-- Есть жизненные показатели.

Тсу'ган увидел, что Претор на миг прикрыл глаза. Как будто с его плеч сняли груз.

-- Сколько до него? -- спросил он пилота.

-- Примерно три минуты семнадцать секунд, господин.

-- Верни нам нашего брата, Волкейн. Верни его в кузню.

-- Во имя Вулкана.

-- Во имя Вулкана, -- ответил Претор, прерывая связь. Повернувшись, он встретился взглядом с Тсу'ганом. Легкий кивок сержанта сказал Огненному Дракону все, что ему нужно было знать.

Этек, по крайней мере, выжил. Когда его извлекли из спасительной капсулы, он лежал ничком в медиконтейнере, прикрепленный к полу, будто какой-то груз. Лицо аптекаря и большая часть его левого бока сильно пострадали. Тсу'ган пожалел о том, как сказал Этеку, что однажды тот сломается. Он не хотел.

чтоб эти слова оказались пророческими.

Претор внимательно наблюдал за ним. Глаза сержанта, не скрытые шлемом, горели огнем, не уступая ярости самого Тсу'гана.

Так много смертей во имя чего-то столь бесплодного и преходящего... Месть — блюдо, которое не насыщает; она оставляет тебя холодным и пустым. Да, жажда мести все еще горела в Тсу'гане всепоглощающим пламенем. В тот момент она пылала в них всех.

Их боль получила имя. Тсу'ган знал это имя, и не было нужды его произносить. Повелители Ночи.

Подарок для госпожи Баэды Брэйден Кэмпбелл

Переводчик: Dammung, вычитка:

Дэн

Лорд Мальврек был могуч, богат и совершенно мертв внутри. Несмотря на то, что народ, к которому он принадлежал, был известен страстностью и жаждой жизни, время охладило его. Каждое прожитое столетие иссушало его как физически, так и духовно, пока от него не остался вечно хмурый, слегка огорбленный старик, встречающий каждый новый день с мрачным равнодушием. Именно поэтому он так удивился, когда внезапно понял, что влюблен.

Мальврек и его дочь, Савор, почтили своим вниманием очередные гладиаторские игрища, которые в Котморре никогда не прекращались. Из их

ложи, расположенной высоко на изогнутой стене арены, открывался великолепный вид. Савор увлеченно наблюдала, как бойцы внизу кромсают один другого бритвенными цепями, выпускают потроха гирра-ножами и режут друг друга на крупные кубики окровавленного мяса осколочными сетями. Она была молода и полна жизни, и чувства ее были остры. Даже в высоте, вдаль от поля боя, Савор могла ощущать источаемую ил эротическую микстурку из пота и крови, могла распробовать страх и адреналин, паром исходящий от участников боя, в ветвях видеть жилы, плоть и кости каждой отрубленной конечности.

Мальврек, с другой стороны, давно уже утратил большую часть своих чувств. Такое случается с эльдарати его возраста, когда их перестает интересовать жизнь. Вкусы, запахи и ощущения ныне оскудели, как будто доходили до него через толстое покрывало. Даже зрение стало мутным — недовольно и покорно ворча, он пошарил в складках мантии и вытащил изящно украшенный маленький бинокль. Какое-то

Время он тоже наблюдал за балетом резни, но тот не опьянял его так, как Савор. Мальврек видел подобную работу ведьм уже сотни раз и на многих мирах галактики. Сперва он ощутил лишь глубокое чувство неудовлетворенности, но потом, когда его дочь начала громко выражать свое веселье, он почувствовал нечто иное: зависть.

По правде говоря, в последнее время он чувствовал ее довольно часто. Хорошо осознавая собственную дряхлость, он ненавидел почти всех, кто его окружал; ненавидел за их молодость. Единственным исключением была Савор. Единственный член кабала, кого он мог бы пощадить в случае попытки убийства или переворота. Одна лишь мысль о ней заставляла подергиваться морщинистые уголки его рта — то было самое слабое, самое далекое эхо улыбки. Из всех вещей, какими он владел, из всех тех, кто служил ему, она была самой ценной. Есть такое слово, одноединственное слово, которое используют другие, низшие обитатели галактики, чтобы описать это чувство... но в этом

тиз оно ускользнуло из его старой головы.

Мальврек отвлекся от сражения и начал смотреть по сторонам. Его блуждающий взгляд наконец добрался до других лож, где восседала элита Темного Города. В конце концов, в театр приходят, чтобы показать себя, и он от нечего делать решил посмотреть, кто пожаловал сегодня. Внезапно что-то остановило его взор, и он выпрямился в кресле. Напротив, на другом крае арены, сидела женщина. Она была одна, по сторонам от нее стояли двое рослых инкубов-телохранителей. Черные волосы, пронизанные серыми прядями, были собраны в высокий хвост на макушке и густыми волнами рассыпались по шее и плечам. Кожа была безупречно бледной, гладкой и тугой, будто натянутой на барабан. Глаза — темные и чуть светящиеся, губы окрашены в цвет обсидиана. Она откинулась назад в своем кресле, и Мальврек увидел, что она облачена в идеально подогнанные доспехи — ножные латы были в форме сапогов с тонкими высокими каблуками, а верхняя часть доспеха больше

напоминала бюстье, чем защитный нагрудник. Руки, от локтей до кончиков узких пальцев, скрывали черные вечерние перчатки, а вокруг нее струился шлейф угольно-черного многослойного платья. Большая подвеска — очевидно, генератор теневого поля — лежала меж бледных грудей.

— Кто это? — выдохнул он.

Савор резко повернула голову и подняла бровь. Ее отец чем-то по-настоящему заинтересовался — а это редкое событие. Она быстро проследила за его взглядом и тоже уставилась на похожую на изваяние женщину напротив. Глаза Савор были помоложе, и ей удалось разглядеть затейливый паутинный узор, выведенный серебряными нитями на платье этой женщины. Она покопалась в памяти, сравнивая лица и имена. Будучи самой преданной помощницей отца, его единственным иерархом, она обязана была знать в лицо каждого из врагов Мальврека. Через несколько секунд она поняла, что не может ее вспомнить.

— Я не знаю ее, — сказала Савор.

--- Выясни, --- тихо произнес он, продолжая смотреть через бинокль. --- Немедленно.

Савор кивнула и тут же принялась собирать оружие. Стиснув в одной руке светящуюся алебарду, второй она проверила висящий на поясе пистолет.

--- Просто узнай ее имя, Савор, --- сказал он. --- И ничего больше.

Разочарованная, что никого сегодня убивать не надо, она пожала плечами и исчезла.

Мальврек пристально следил, как загадочная женщина что-то потягивает из кубка. Все, что было в ней, постепенно собиралось для него в единое целое --- то, как чувственно и медленно она глотала, цвет ногтей на тонких пальцах, которыми она отбросила локон с лица, легкая пульсация трубки, вводившей наркотики в ее сонную артерию. Как будто, чем дольше он наблюдал за ней, тем толще становился. Его тело воспряло, пульс участился, мускулы напряглись. Он облизал губы, чувствуя, как впервые за десять лет рот увлажняется

слуюной. Что-то накатило на него
нежданной волной -- некое чувство, которое
так давно пропало из его жизни, что его
даже затрясло, будто ударило током. У
тогда, без единой капли сомнения, он
осознал, что должен обладать этой
женщиной, должен впечатлить ее и
установить над ней безраздельную власть.
Теперь его единственной целью в жизни
стало сделать ее своей желанной, но
вместе с тем принадлежащей лишь ему
собственностью. Он был полностью, с
головой до пят... что это за слово, которое
используют мон-ки?

Вдруг женщина нахмурилась, чуть
наклонила голову вбок и прямо посмотрела
на Мальврека. Старый архонт охнул и
уронил бинокль. Неловко собрав свои вещи,
он поспешил в вестибюль. Его собственные
инкубы, как всегда, безмолвно следовали за
ним.

-- Слишком долго, -- пробормотал он,
ругая себя за недостаточную скрытность.
В считанные минуты он оказался снаружи,
забрался в свой улучшенный «Рейджер» и
стал ждать Савор. Когда она явилась, у

нее едва хватило времени ухватиться за поручень, прежде чем Мальврек подал сигнал пилоту. Машина слегка качнулась, а затем резко взмыла в воздух.

--- Ты куда-то спешишь? --- поддразнила его Савор. Ветер взметнул ее волосы и юбку, развевая их подобно пурпурным волнам.

--- Что ты выяснила? --- требовательно спросил Мальврек. Он подогвинулся к ней поближе, чтобы расслышать ответ.

--- Я не смогла поговорить с ней вплотную... --- начала Савор.

--- Из-за телохранителей?

--- Из-за свиты. Она, конечно, сидела в ложе одна, но в коридоре рядом было полным-полно народу. Причем не только слуги. Там были представители по меньшей мере полудюжины различных кабалов, и все явно хотели поговорить с ней. Однако мне удалось кое-что узнать. Зовут ее Баэда, и она буквально на днях переехала в Колторру из какого-то внешнего города в Паутине. Из Шаа-дома, полагаю. Судя по всему, там

она была сунругой архонта, и когда тот в конце концов умер, она унаследовала весь кабал. Говорят, теперь в ее распоряжении огромные ресурсы.

Мальврек кивнул и сощурился. Это, конечно же, объясняло, почему столько многие пытаются ее добиться. К нам приехала богатая вдова, и теперь самые выдающиеся холостяки Темного Города намеревались заявить на нее свое право. Его интересовало лишь, кто составляет ему конкуренцию.

Савор, как всегда, словно читала его мысли.

-- Я видела там воинов с эмблематическими разными кабалов. Всевидящее Око, Ядовитый Клык и Раздирающий Коготь. То есть лорд Ранисолг, лорд Хоэнлор и лорд Зиенг.

Мальврек знал их. Каждый из них был юным выскочкой, который добился власти наг кабалом при помощи манипулирования и убийств. Они были настолько серьезными противниками, насколько были молоды и красивы.

-- Мне нужно вернуться в форму, --

сказал он.

Через какое-то время Мальврек, наконец, почувствовал, что достаточно подготовлен ко встрече со вдовой. Он не взял с собой ни телохранителей, ни воинов. Только Савор несла за ним большой ящик, держась на почтительном расстоянии. Если заявиться к женщине с целой армией, это не только выдаст страх и неуверенность, решил он, но и будет довольно грубо. Безобразный, изуродованный слуга открыл им дверь и повел через похожие на пещеры покои. Проходя мимо богато украшенного зеркала, Мальврек на секунду задержался, чтобы оценить свой вид. Его хирурги-гомункулы поистине превзошли себя, подумал он. Посмотреть хотя бы на скобы, вогнанные в затылок, которые туго натягивали на череп увядшее лицо. С полдюжины воинов лишилось скальпов, и теперь вместо жидких, сальных волос его голову украшала великолепная грива цвета воронова крыла. Семь инъекторных трубок закачивала в него смесь наркотиков и снадобий, приводя

мышцы в тонус и придавая глазам здоровое
зеленое свечение. Он оскалился, любуясь
своими новыми зубами из нержавеющей
стали. На нем был самый лучший боевой
доспех, а в дополнение к нему —
золотистый табарг, развевающийся
пурпурный плащ и самые большие
наплечники, какие только можно было
достать. Бедняжка, устехнулся он про
себя, у нее нет ни единого шанса.

Его ввели в огромную комнату,
полную роскошной мебели с высокими
спинками. Из арчатых окон открывалась
панорама Колморры. А перед ними стояла
Баэда, упиваясь этим зрелищем.

— Лорд Мальврек, — произнесла она,
нагменно не поворачиваясь к нему. Голос у
нее был глубокий и мягкий.

— Госпожа Баэда, — громко объявил
он, — я приветствую вас в нашем
прекрасном городе.

Она, наконец, повернулась к нему
лицом. На фоне алебастровой кожи ее
глаза казались настолько черными, что
были похожи на пустые глазницы. Лицо
было лишено выражения, как у безмолвной

стату. И все же сердце Мальврека забилося сильнее, и его инжектор автоматически подстроился под возросший уровень эндорфинов.

-- У? -- спросила она несколько нетерпеливо.

Мальврек продемонстрировал ей новые зубы.

-- И я пришел, чтобы заявить о своих брачных намерениях.

Она не впала в экстаз и не рухнула перед ним на колени, как это происходило в фантазиях Мальврека, но фыркнула, прошла через комнату и удобно устроилась на небольшом диване.

-- Разумеется, -- сказала она с легким кивком.

Мальврек приблизился к ней и распростер руки.

-- Леги, я богат и могущественен, и в той кабал входит не только множество славных воинов, но и наемные ведьмы и бичеватели. Я повелеваю армадой боевых машин и флотилией звездных кораблей. Те, кто знает меня, страшатся меня, и сдают мастерстве в бою....

--- ...слагают легенды по всей галактике, --- закончила она. --- Я уже слышала эту речь.

--- Вы слышали? --- пораженно спросил архонт.

--- От мужчин, более льстивых, чем вы, --- она взглянула на Савор, стоявшую позади, и холодно произнесла: --- Вы, по крайней мере, явились со свитой лишь из одной рабыни, хотя стоит еще подумать, говорит это об уважении или же о высокомерии.

Глаза Савор вспыхнули от возмущения.

--- Я не рабыня! --- прошипела она.

Мальврек поднял руку, успокаивая ее.

--- Савор --- моя дочь, --- спокойно сказал он. --- Она служит мне по своей воле. Так же, как должны служить и вы.

Брови Баэды выгнулись дугами.

--- Однако же, дерзки мужчины в этом городе! Вы, должно быть, полагаете, что я первый раз встречаюсь с подобными заигрываниями?

--- Ни в коем случае, --- ответил Мальврек. --- Я знаю, что лорд Ранисолд,

лорд Хоэнлор и лорд Зиенг домогались вас.

-- У это лишь немногие.

-- Они больше не будут вам докучать,

-- тихо сказал Мальврек. Савор вышла вперед и открыла ящик. Внутри была аккуратно разложена кожа с дюжины лиц, сохранившая с черепов его конкурентов. На кратчайшее мгновение на лице Баэды проступило изумление, однако она немедленно вернула себе хладнокровие и внимательно посмотрела на Мальврека.

-- Все, что принадлежало им, стало моим, -- сказал он и с ног до головы стерил ее голодным взглядом. -- Так же, как станете и вы.

С пугающей быстротой Баэда поднялась на ноги. Мальврек и Савор вдруг осознали, что там, где раньше были лишь тени, теперь стоят инкубы. Напряжение в воздухе стало осязаемым.

Баэда заговорила слегка неестественным голосом:

-- Вы... страстны, лорд Мальврек, но не производите впечатления.

Ослабившись, Мальврек коротко кивнул, развернулся на каблучках и пошел к

двери. Савор последовала за отцом. Она отбросила ящик, и тот с грохотом покатился по полу, рассыпая на паркет останки соперников архонта, похожие на засушенные цветы.

Планета Франчи была холодна, дни — дождливы, а ночи — туманны. Она была покрыта обширными горными хребтами, густыми лесами и бурлящими серопенными океанами. Короче говоря, это был мир, который оценил бы любой темный эльдар, и Мальврек твердо вознамерился сделать из него подарок для Баэды. Фактически, Франчи обладала одним-единственным недостатком: на ней жили люди. Поэтому старый архонт принялся за работу.

Первым делом его воздушные войска обстреляли и разбомбили их жалкие укрепления и бастионы. Затем, когда остались одни только руины, он обрушил на выживших защитников свои основные силы. «Рейдеры» беззвучно скользили над сокрушенными городами, без всякого разбора забрасывая гранатами и бункера, и

здания. Сферы из искаженной призрачной
кости взрывались, обращаясь в белый как
мел порошок, настолько тонкий, что даже
самые лучшие фильтрационные системы
Империума не могли его удержать. Он
находил путь в глаза, уши и легкие, а
попад туда, вызывал столь ужасающие
галлюцинации, что жертвы его могли
лишь кричать и рыдать. Они катались по
земле, раздирая ногтями собственные
лица и выцарапывая себе глаза, а воины
Мальврека поливали мирных жителей
Франчи градом ядовитых
кристаллических осколков или насквозь
пронзали штыками. Тех, кого не убили на
месте, волокли прочь и сковывали
шипастыми цепями. Им не достанется
быстрой и безболезненной смерти — когда
темные эльгары увезут их в Колморру,
они будут влачить жалкое существование
еще долгие годы, а то и десятилетия, в
качестве рабов, изрушек и еды.

В общем, все это было очень
волнующе и прекрасно, и приспешники
Мальврека были просто в восторге. Он
сам, впрочем, странным образом не

ощущал никакого интереса. Он знал, что должен быть прямо там — в гуще боя, наслаждаться смертью и хаосом. Вместо этого он стоял в одиночестве посреди городской площади, заваленной рухнувшими статуями и кучами мертвых людей, и наблюдал, как другим достается все веселье. Его мысли по-прежнему были заняты Баэдой.

Он бродил по щиколотку в раскиданных по земле внутренностях, чей аромат для него был словно запах весенних цветов, но все, что он видел перед собой, — ее лицо. Неподалеку какой-то комиссар пытался высвободиться из-под придавивших его трупов собственных подчиненных. Один из сибаритов Мальврека, которого явно радовало происходящее, подбежал к нему и выстрелил прямо в лицо, отчего голова человека лопнула, будто перезрелая дыня. Послышались восторженные вопли других воинов, наблюдавших, как во все стороны разлетелся рубиновый фейерверк из фрагментов кости и мозга.

Все, что ощущал Мальврек — жгучее

желание швырнуть вдову на пол и
задавить, задушить ее весом своего тела.
Для него резня на Франчи была работой, а
не игрой. Он защищал планету так, как
некто может полировать серебро, ибо его
подарок должен быть безупречен.
Иррационально -- да, и архонт знал это, но
он должен был ее впечатлить. В конце
концов, ведь он... он... слово мон-ки опять
ускользнуло от него.

Теперь его солдаты начали резать
труны ножами, чтобы взять какие-нибудь
мелкие трофеи, например, пальцы, уши
или зубы. Он посмотрел на них, вынырнув
из глубин отвлеченных мыслей, и
собирался было что-то сказать, как
раздался взрыв. На мгновение Мальврек
узрел, как его воинов объяло пламя. Затем
земля под ним вздулась, и он очутился в
воздухе. Подчиняясь инстинктам, он
подтянул конечности к телу и полетел на
ударной волне. Его личное силовое поле
вспыхнуло и ожило, окружив хозяина
плотным коконом черной энергии и
обеспечив надежной защитой. Даже когда
он упал наземь, теневое поле впитало в

себя энергию удара, который иначе сокрушил бы все кости в его мощем теле. Мальврек перекатился и встал на ноги. Поле стало прозрачным, каким-то образом почувствовав, что его владелец пока что в безопасности.

Из пелены дыма с грохотом выкатился имперский танк и двинулся прямо на него. Позади машины можно было разглядеть несколько десятков человеческих силуэтов. Мальврек бросил взгляд назад, но там, где секундой ранее были его воины, теперь остался лишь дымящийся кратер. Повсюду раскидало части тел, как людей, так и телных эльдаров, неотличимых друг от друга в смерти. Разум Мальврека захлестнула ярость: он приказал, чтоб все боевые машины франчи были нейтрализованы до того, как основные силы войдут в город, но, очевидно, кто-то что-то упустил. Сколь недоразвиты ни были технологии мон-ки, он по неприятному опыту знал: если это механическое чудовище не уничтожить сразу же, его пехота едва ли сможет выжить.

Гвардейцы, прятавшиеся за танком, теперь рассыпались вокруг него. Они были легко вооружены, кроме одной троицы, которая спешно устанавливала какую-то большую пушку. Мальврек был один и на открытом пространстве. Он ощерился, преисполнившись отвращения к себе за то, что позволил этому случиться. Он не концентрировался на том, что происходит здесь и сейчас, отвлекаясь на мысли о том, как бы своротить вдову и расшевелить ее чувства. А затем, как он это часто делал, архонт направил свое отвлечение наружу, изрыгая его на гвардейцев. Из танка донесся лязг, говорящий о том, что в пушку вогнали новый снаряд. Мальврек знал, что у него есть только один шанс. Он резко дернул шеей, активировав инжектор наркотиков, и бросился в атаку.

Люди ответили всем, чем могли. Они извергли бурю лазерного огня и тяжелых разрывных болтов. Вокруг свистели снаряды автомашки. С оглушительным ревом танк выстрелил из главного орудия, и люди, съжившиеся по

сторонам от него, вздрогнули и закрыли глаза. Площадь взорвалась. Какое-то мгновение не было видно ничего, кроме дыма и дыма, но затем оттуда выпрыгнул, взвился в воздух один-единственный силуэт и приземлился прямо посреди гвардейцев.

Правая рука Мальврека была защищена огромной перчаткой с пальцами в виде коротких мечей. Он взмахнул оружием, активировав его приносящие чудовищную боль электрические свойства, и убил троих прежде, чем остальные успели хотя бы моргнуть. Их тела беспорядочно дергаясь, повалились наземь, точно брошенные куклы. Потом все солдаты накиннулись на него, колотя кулаками, пинаясь, тщетно пытаясь ударить его прикладом. Мальврек был спокоен, собран и контролировал свое дыхание, парируя удары. Он подумал, что люди почти количны в своей ярости— они больше брызгали слюной, ругались и хрюкали, чем наносили урон. И все же они теснили его, не поддаваясь и не отступая. Они бешено колотили по защитному полю, хотя с тем же успехом могли тесать

камень голыми руками.

Это было в некоторой степени достойно восхищения, поэтому Мальврек рубил немало, предпочитая калечить. Он сбил наземь еще одного бойца, попутно лишив того ноги. Каждый раз, когда он рубил или колот, падал очередной гвардеец. Они лежали кучей у его ног, вопя и причитая, шепча молитвы Богу Императору или призывая своих матерей.

Внезапно на наруче Мальврека вспыхнули сигнальные огоньки. Его теневое поле было надежным, но не безотказным. Оно могло выдержать лишь определенной силы урон, прежде чем перегрузиться или отключиться для перезарядки. Поле исчезло с тихим хлопком, и ему в лицо тут же врезался приклад лазгана. Голова старого архонта дернулась назад, и черная кровь брызнула наружу из-за стальных зубов.

Мальврек яростно уставился на человека, которому наконец удалось причинить ему боль, и вонзил агонизатор прямо тому в лицо. Зашипели и засверкали электрические дуги. Глаза

солдата обратились в жижу и потекли по щекам, и он забыл, точно одержимый. Оставшиеся гвардейцы отступили, прыгая в ужас от этого зрелища, и в этот миг старания Мальврек прикончил их всех одним эффектным росчерком. Четверо человек погибли под его ударом. Остальных он оставил лежать на земле, дожидаясь своих поработителей.

Невдалеке танк разворачивался к архонту, чтобы снова обрушить на него огонь. Глаза Мальврека расширились от ужаса. На мгновение, захваченный наслаждением рукопашной схватки, он совершенно забыл об этой машине. Теперь же архонт осознал, что без защитного поля любое из орудий машины просто разорвет его на части. Уверенный, что вот-вот умрет, он подумал о Савор. Дочь возглавит кабал после него и будет хорошо руководить им. Единственное, о чем он сожалел, — что никогда не увидит, как она вступает в свои права.

Невероятно, но башня танка снова повернула орудие в сторону площади. Мальврек посмотрел вдаль и увидел, что

ему на помощь, стреляя на лету, мчится
«Разоритель». Лучи темной энергии
вонзились в бронированный бок танка, и с
мучительным ревом его башня
разлетелась на скрученные
металлические ленты. Языки пламени
вырвались из каждого шва и сочленения, и
вспомогательные орудия бессильно опали.
Мальврек вернул себе самообладание и
пошел к ожидающему кораблю. Стрелки
уже спрыгивали с подножек и бежали ему
навстречу.

— Господин мой, — тяжело дыша,
спросил один из них, — вы не ранены?

Архонт указал на обломки
уничтоженного танка.

— Кто в этом виноват? — спросил он.

— Негосмотр, — ответил другой
солдат, в то время как похожий на
летучую мышь транспорт взмыл в небо. —
Наша орбитальная разведка пропустила
военную базу за пределами города. С ней
как раз сейчас разбираются.

Мальврек наблюдал, как, издавая
звуковые удары, их обгоняют реактивные
истребители.

— Хорошо, — сказал он, — давайте убедимся, что с ней разберутся как следует.

Когда он наконец приехал на место, от имперской базы почти ничего не осталось, кроме развалин. В зданиях бушевали пожары. Повсюду валялись мертвые гвардейцы и разбитые машины. Посреди всего этого стоял одинокий бункер, и его единственная дверь уже была сорвана с петель.

Внутри, доложили воины, в надежде на спасение спряталась кучка напуганных беженцев. Лорд Мальврек спустился по узким бетонным ступенькам в сырое квадратное помещение, где всюду валялись одеяла и упаковки от еды. Свет исходил только от нескольких тусклых панелей, встроенных в стены. Четыре тела лежали, разбросанные по полу, — мастерская работа его сибаритов. Последних двоих выживших оставили для него.

Мальврек быстро остотрел их: мужчина и женщина, одетые в грязную форму цвета хаки, на фоне которой выделялись только личные жетоны на шею.

одного и кольцо с алмазом на одном из пальцев другой. Женщина, приглушенно рыдая, спрятала лицо на груди мужчины. Тот в свою очередь нежно баюкал ее и шептал успокаивающие слова.

-- Ну что ж, -- без удовольствия произнес Мальврек. -- Надо с этим заканчивать.

При звуке его голоса мужчина поднял взгляд. Глаза его были расширены от страха.

-- Пожалуйста, -- быстро заговорил он на своем невыразительном языке. -- Мы знаем, что вы такое. Пожалуйста, не забирайте нас с собой.

-- Не беспокойся, мон-ки, -- сказал он на отрывистом низком готике. -- Я пришел не за вами. Всего лишь за вашей планетой.

Во имя целесообразности, он вытащил пистолет из кобуры, намереваясь застрелить женщину. Затем, довольно-таки неожиданно, мужчина вдруг рванулся вперед. Он схватил Мальврека за левое запястье и вывернул его так, что облако осколков ушло в потолок. Одним

главным движением Мальврек врезал ему лбом в нос, ударил коленом в живот и вознал локоть в спину, когда человек согнулся пополам. Затем он без всяких усилий переместил вес на одну ногу и пнул его прямо в грудь. Мужчина отлетел и повалился на экран компьютера. Стекло разбилось и полетели искры. Мальврек подскочил к нему и ударил клинками перчатки, пробив плоть, кость и бетонный пол. Он громко фыркнул, вдыхая в себя ускользящую жизненную энергию человека.

Этого, похоже, хватило, чтобы наконец вырвать женщину из оцепенения. Она подбежала к телу своего спутника и, подвывая, прижалась к нему.

Мальврек перезарядил пистолет и посмотрел на нее сверху вниз.

— Он не заслуживает столь угрожающих поношений, как твои слезы и крики, — сказал он ей. — Почему ты рыдаешь для столь незначительного существа?

Она уставилась на него глазами загнанного животного.

— Он был моим мужем! — закричала она. — Я любила его!

Мальврек вдруг просиял. Он щелкнул пальцами и показал на нее когтем перчатки.

— Вот оно! — ликующе произнес он. — Вот то слово, которое я пытался вспомнить. Спасибо.

Видя ее изумление, он опустился на колени, чтобы смотреть ей прямо в глаза.

— Ты знаешь, так получилось, что я и сам кое-кого люблю. Скажи мне, много ли тебе пришлось сделать, чтобы захватить тебя?

— Захватить меня? — тупо переспросила она.

— Да. Мы называем это «иньон ламанкванон» — сделать кого-то своей ценной собственностью или полезным слугой. Но мне нравится ваш варварский термин «любить». Он краткий и мощный, как убийственный удар.

Женщина подавила истерический стешок.

— Я всегда думала, что отчеты о ксеносах преувеличены, но ты же правда в

это веришь, да? Что в жизни нет ничего,
кроме разных степеней порабощения...

-- Боюсь, что я не совсем понимаю, --
сказал Мальврек.

-- Любить -- значит быть вместе, --
продолжала она. -- Это значит разделять
все вместе, быть равными партнерами. Не
владеть. Не управлять. Любить -- значит
заботиться друг о друге так сильно, что
расставание станет невыносимо.

Она уставилась вниз, на
окровавленный труп своего мужа, и снова
расплакалась.

Мальврек подумал о принадлежащих
ему вещах: о коллекции ацтекских масок, об
агонизаторах, о высокой башне в Котморре,
о своих последователях. Конечно, среди
всего этого были наиболее ценные --
слуги и вещи, которыми он дорожил. И все
же он не понимал.

Разделять поровну? Быть
партнерами? Наверное, он пытался
всполнить другое слово.

-- Теперь убей меня, -- дерзко
потребовала женщина.

-- Убить тебя, -- медленно проговорил

архонт, — чтобы вы могли снова быть вместе.

Женщина не ответила, и воины, толпившиеся в дверях, разом затаили дыхание. Мальврек встал, щелкнув старыми суставами, и засунул пистолет в кобурю. Он взглянул на своих приспешников и коротко кивнул, и они один за другим вышли из бункера. Архонт повернулся, чтобы пойти следом.

Женщина открыла рот от изумления.

— Что ты делаешь?

— Даю тебе возможность настаивать свои мучения, конечно.

Он потеглил в дверях, ожидая, что она скажет что-то учтивое, но она просто тарацилась на него, разинув рот. Пожалуй, не следовало ожидать хороших манер от мон-ки. Подождав секунду, он вздохнул и сказал:

— Не стоит благодарности.

Затем он ушел, оставив ее наслаждаться болью — если это, конечно, вообще было возможно. Столь убогое и ограниченное существо, подумал

Мальврек, едва ли могло достойно оценить хорошую порцию страданий.

Однако, судя по всему, неблагодарность была характерна не только для человеческих женщин. Вернувшись в Темный Город, Мальврек направился к Баэде, чтобы предостеречь её в дар франчи. Слуга осторожно проинформировал его, что вдова отказалась в личной встрече. Она попросила передать, что ее не интересует добытая для нее планета, поскольку у нее имеются собственные миры и собственные пленники. Кипя гневом, Мальврек решил было с боем пробиться внутрь, но передумал, когда навстречу ему вышла пара инкубов Баэды. Атаковать их — значило бы открыто объявить войну, и, несмотря на растущее чувство досады, он все же хотел завоевать сердце вдовы, а не убить ее.

Когда он вернулся домой, Савор тренировалась. Почти полностью обнаженная, блестящая от пота, она упорно выворачивалась от ударов и скользила среди толдюжины партнеров, вооруженных

зазубренными ножами. Незглубокие порезы украшали ее руки, ноги и живот, и смешанный с маслом пот восхитительно обжигал их. Она обожала эти полуденные занятия --- наполовину тренировки, наполовину предварительные ласки --- почти так же, как настоящие сражения. Впрочем, все действо тут же сошло на нет, когда Мальврек распахнул двери.

--- Эта женщина! --- взревел он, и из рта полетели капельки слюны. --- Я заставлю ее погавиться своим высокомерием!

Савор взмахнула рукой, и ее компаньоны испуганно попятились и скрылись. Она много раз видела отца рассерженным, но на сей раз это было нечто иное. Он напоминал ей некое запертое в клетке чудовище, с которыми ведьмы сражаются на арене, взбесившееся от гнева и бессилия.

--- Она победила тебя в схватке? --- с надеждой спросила она, опираясь на единственное логичное объяснение. --- Наши кабалы теперь воюют?

--- Она даже не захотела поведаться

со мной, -- сказал он убитым голосом. -- Я уничтожил ее женихов, но это ее не впечатлило. Я так старался очистить для нее планету, а она ее отвергла.

Савор закусила верхнюю губу и сказала:

-- Отец, при всем моем к тебе страхе и уважении, ты ничего не знаешь о женщинах. Трофеи? Планеты? И ты ждешь, что она впечатлится столь обыденными подарками? У нее свои стандарты, отец. И если ты хочешь ее заполучить -- хочешь по-настоящему -- то тебе придется дать ей нечто уникальное. Что-то, на что еще никто и никогда не решался.

Старый архонт выдохнул. Если бы кто-то другой попытался устририть его ярость, он бы убил его одним ударом, но Савор -- другое дело. Как всегда, она была словно целебная мазь, нанесенная на ожог; боль, к счастью, оставалась, но переставала быть столь жестокой.

-- Ты права, разумеется, -- пробормотал он. -- Что-то, от чего у нее захватит дух. Что заставит ее

немедленно осознать: в ее же интересах
немедленно мне подчиниться.

Он снова подумал о супругах с
Франчи. Женщина любила мужчину, но
почему? Что он ей дал в обмен на ее
повиновение? Она была самым невзрачным
существом в мироздании, одетая почти
как оборванка, кроме разве что...

Мальврек положил руку на плечо
Савор.

— Собери кабал, — сказал он. — Все
наши войска. Теперь я знаю, что подарить
госпоже Баэде.

Ктельмакс был миром пустынь.
Снаружи царило палящее, губительное
солнце, но здесь, в просторном могильном
комплексе, было так холодно, что можно
было увидеть пар от дыхания, когда
Мальврек говорил. Они с Савор стояли,
облучаемые злобещим зеленым светом.
Кругом во всех направлениях простиралась
чернильная тьма, пронизанная редкими
лучами света. Воины выстроились вокруг
них и обдумывали, как бы незаметно
скрыться с добычей.

-- Знаешь, чем человеческие мужчины традиционно покупают верность своих женщин? -- спросил Мальврек свою дочь. -- Калняти. В особенности -- кусками спрессованного углерода.

-- Никогда не понимала, чем тебя так привлекает культура мон-ки, -- отвлеченным голосом ответила Савор. Было что-то в этом месте, этом тавзолее размером с город, что вызывало в ней неподдельный страх. Чем скорее они отсюда уберутся, тем лучше.

Мальврек был слишком восхищен, чтобы заметить это проявление неуважения.

-- Я не знаю, из чего состоит эта штука, но ее размер и редкость должны наконец-то утихомирить эту проклятую вдову.

Он повернулся к Савор и расстелился.

Над ними возвышался некронтирский силовой кристалл. Снизу он был утоплен в круглом пьедестале, от которого во все стороны расходились загадочные трубы. Он сиял изнутри, но тускло, словно лампа, в которой почти закончилось масло. К

Мальврекү подошел сибарит и сообщил, что его воины готовы отсоединить кристалл. Архонт нетерпеливо кивнул.

--- Кажется, ты меня не так понял, --- неодобрительно произнесла Савор. --- Когда я сказала, что ей нужно подарить то, что никто другой не дарил, я не имела в виду...

Зеленый свет внезапно погас, когда кристалл отсоединили от подножия. Стало очень темно и очень тихо.

Мальврек зааплодировал.

--- Отлично, теперь отвезем его с собой.

Савор отошла на несколько шагов. Ее дыхание стало коротким и отрывистым. Почти бессознательно она ощущала что-то, шевелящееся в темноте. Затем она услышала его. Поверх ворчания работающих воинов и лающих приказов отца из темноты донесся звук металла, скрежещущего о камень. Вдали показались крошечные точки, и на какой-то миг Савор показалось, что это некий фосфоресцирующий ковер с фантастической скоростью движется прямо на них.

Осознание словно окатило ее холодной
водой.

— Отец! — закричала она.

И тут скарабеи нахлынули на них
подобно живой волне. Шипя и стрекоча,
они роились вокруг отключенного
кристалла. Воины пытались отбиваться
от взрывающихся в поножи крошечных
машин при помощи ножей и пистолетов.

Мальврек отступил и дернул шею,
чувствуя, как наркотики хлынули в кровь.
Он успел увидеть, как Савор делает то же
самое, прежде чем инкубы сошлись вокруг
него защитное кольцо. Из темной вышины
спускались огромные существа, расставив
толстые, заостренные конечности.
Вместо лиц у них были тесные скопления
ярко сверкающих видеообъективов. Они
издавали нестройный шум, а из их
животов выбирались все новые и новые
скарабеи и дождем сыпались вниз.
Телохранители архонта принялись
рубить их своим двуручным оружием,
каждое их движение было едва уловимо для
зрения. Мальврек активировал теневого
поле и встал между своими защитниками.

Один из крохотных механизмов попытался
аттнупировать ему ступню. Архонт
вознаградил усилия скарабея, насадив его
на клинок перчатки.

Теперь он мог все как следует
разглядеть. Силовой кристалл, его
подножие и все, кто стоял на нем или
рядом, были покрыты сотнями крошечных
насекомоподобных роботов. На каждого
убитого огромные паукообразные существа
наверху производили еще нескольких. Савор
была в самой гуще боя, окруженная
ведьмами и убивающая все, что
подбиралось слишком близко. Она что-то
кричала, но Мальврек не слышал этого.

Мгновение спустя до него донесся
порыв горячего воздуха и звук реактивных
двигателей. Савор вызвала подкрепление
из лагеря снаружи, догадался Мальврек. Из
«Рейдеров» начали выскакивать воины, в
то время как позади них несколько более
медленных аппаратов начали осыпать
скарабеев залпами из энергетического
оружия. Орга механизмов поредела. Один
из гигантских пауков шлепнулся на пол в
лужу расплавленного шлака. Словно в

ответ на изменение хода битвы, из
темноты вырвались извивающиеся потоки
зеленого пламени. К ним приближались
сгорбленные человекоподобные существа,
напоминающие скелеты, в руках они
тащили громоздкого вида оружие. Каждый
солдат, в которого они попадали,
разлетался на части -- куски обгорелой
плоти и обугленных костей. Боевые
корабли оставили в покое скарабеев и
переключились на новую угрозу.

Слева от Мальврека что-то ярко
вспыхнуло, и по растрескавшемуся полу
пролегли искаженные тени. Внезапно
появилась еще одна группа некронов, почти
две дюжины. Над ними парила машина,
похожая с виду на одного из пауков,
порождающих скарабеев, со
скелетоподобным туловищем,
приплавленным к нему сверху. В одной
руке оно держало высоко поднятый глиняный
посох, в другой -- светящуюся сферу. Неширокие
некроны немедленно открыли огонь. Двое
инкубов погибло на месте, но броня
остальных выдержала обстрел. Защитное
поле архонта стало непрозрачным в

нескольких местах, защищая глаза от ослепительных лучей и одновременно не давая плоти обратиться в пар. Затем настала его очередь.

Мальврек одним прыжком преодолел разделявшую их дистанцию и взмахнул рукой в перчатке. Пять машин повалилось на пол, головы отлетели в стороны, а тубовища раскрылись, извергая наружу провода, словно кишки. Его выжившие телохранители рванулись вперед, пронзая тварей алебардами, и уничтожили еще девятих. Летящая машина описала дугу посохом, без малейших усилий обезглавив двух инкубов, и оставшиеся некроны бросились в рукопашную. На Мальврека обрушился град ударов, каждый из которых он легко парировал. Затем, повинуясь некоей команде, которую только они могли услышать, машины начали отступать, возможно, удивленные яростью атакующих темных эльдаров.

Мальврек позволил им сбежать и попытался определить, где в этом хаосе находится Савор. Несмотря на его успехи, остальной кабал отнюдь не преуспевал, не

достигнув и половины его результатов. Два корабля беспомощно висели в воздухе, брошенные командой и выпотрошенные некронским огнем. Всюду валялись почерневшие и дымящиеся тела солдат. Среди них убитые некроны неуклюже поднимались на ноги и каким-то образом восстанавливали себя, пока не начинали снова походить на литые бронзовые скелеты. Свежеизготовленные скарабеи бурлили вокруг них, будто потоки хрома.

Любой архонт приходит к власти благодаря знанию двух вещей: когда сражаться и когда бежать. И для Мальврека наступило время бегства.

— Назад на корабли! — закричал он.

Те, кто мог, начали отступать, вопя и стреляя из всех орудий. Мальврек и двое его оставшихся стражей побежали туда, где в полном одиночестве стояла Савор. Всюду вокруг нее лежали куски тел, как из плоти, так и из металла, а она сама была покрыта множеством рваных кровоточащих ран, и, похоже, ни одна из них не замедлила ее и не уменьшила ее ярость. Мальврек схватил дочь за руку,

стащил с кучи мертвецов, и они взошли
поплыли к ближайшему «Рейджеру».
Вокруг засверкали зеленые молнии.
Последние инкубы зашатались и упали, но
архонт даже не оглянулся на бывших
защитников. Если отсюда смогут сбежать
только он и Савор, Мальврек сочтет это
победой.

Его прислужники скопились и
трефовато шутили вокруг корабля.
Мальврек пристрелил одного из них и
наколел на перчатку другого, швырнув его
в приближающуюся фалангу некронов.
Савор, следуя примеру отца, отрубил руку
воину, который отказывался уступить ей
свое место. Машина резко накренилась,
прежде чем рывком подняться в воздух.
Они встретились к выходу из гробницы, и
тихо быстро проносились темные стены.
Савор, крепко держась за поручень,
вытянула шею, чтоб посмотреть, что
творится сзади. Их преследовала
эскадрилья некронских машин, стреляя
мощными энергетическими лучами, но
скоростью они уступали «Рейджеру». Он
первым доберется до поверхности, туда,

где их ждут базовый лагерь и портал в Колморру. Несмотря на все это кровопролитие, они с Мальврекком, похоже, выживут и еще повоюют. Савор посмотрела на отца. Тот поймал ее взгляд и, осознав то же самое, даже улыбнулся.

Они почти достигли входа, когда «Рейджер» потерпел крушение. Из стен и пола гробницы неожиданно полезли змееподобные твари, которые хлестали остроконечными хвостами и чудовищными лезвиями на руках, раздирая обшивку и корпус двигателя. Транспорт нырнул вниз и с ужасающей скоростью закружился в воздухе. Он пролетел через выход и рухнул на песок, смятый и изрезанный. Теневое поле Мальврека вспыхнуло, активировав защиту, и окутало его непроглядной чернотой, когда архонта вышвырнуло из машины.

Мальврек не мог сказать, как долго он пролежал на песке. Его теневое поле прояснилось, так что, похоже, опасность исчезла. Он медленно поднялся и сел, дожидаясь, пока зрение не перестанет

лутиться. Постепенно перед ним
вырисовалась куча горящих обломков,
полдесятка тел в пурпурной броне и
безмолвные врата в гробницу.

Скорее всего, некроны не были
запрограммированы преследовать
возможных захватчиков снаружи, в
пустыне. Он остотрелся, ища взглядом
Савор, но не увидел. Он выкрикнул ее имя,
но никто не ответил. Позвал еще раз,
громче. Ответа по-прежнему не было. В
приступе паники он, прихрамывая, подошел
к корпусу сбитого «Рейдера».

Он нашел ее под одной из палуб,
буквально сложившейся пополам.
Вазубренные обломки машины торчали из
нее в нескольких местах, самый жуткий
вышел через рот. Мальврек издал стон и
упал рядом. В отчаянии он глубоко
вдохнул, но ничего не почувствовал — ее
жизненная энергия, ее душа угасла. Она
была мертва, и это не исправил бы даже
самый сведущий в искусстве оживления
голунок.

— Вставай, — сказал он.

Мальврек поднялся и посмотрел на ее

искалеченное тело.

--- Вставай, --- повторил он. --- Я приказываю тебе встать.

Он понял, что бессилен. Ни удары, ни угрозы, ни команды не могли заставить ее ожить. Все произошло не так, как должно было --- его кабал уничтожен, его наследница погибла. Он активировал портал готов, в Колморру, и решительно шагнул во врата, не замечая, что при этом из его глаз текут слезы.

Когда слуга отказался впустить его, он вышиб ногой дверь. Когда пятеро инкубов стеной выстроились в вестибюле, он разом выпотрошил двоих и в куски изрубил остальных, когда те попытались отступить. На огромной лестнице, которая вела в ее личные покои, целый отряд воинов открыл по нему огонь. Он прошел сквозь шквал осколков, окутанный темным сиянием теневого поля, и убил их всех до последнего солдата. Затем он поднялся по ступеням. Распахивая двери одну за другой, он наконец нашел ее в комнате с арчатыми окнами, в которой

они встретились впервые. Она вскочила с дивана, вскинув одну руку к подвеске, другой вытянув из складок платья изящный пистолет. Мальврек широколи шагати вошел в комнату, раскинув руки, с угрюмым лицом и немигающим взглядом. Его изорванный плащ стелился за ним, как пурпурное море.

— Что должен сделать мужчина, чтобы заслужить немого внимания? — взревел он.

Двое инкубов, притаившихся за дверью, набросились на него сзади. Мальврек присел и развернулся. Рука в перчатке вырвала горло одному нападающему, затем метнулась в сторону и пронзила второго, прежде чем кто-то из них успел нанести удар. Когда он снова выпрямился и повернулся к Баэде, с его руки капала кровь.

Она начала медленно пятиться, не сводя с него глаз.

— Чем обязана таким удовольствию? — холодно спросила она.

— Не кокетничай, — прорычал он. — Не стей этого делать.

-- Это по поводу планеты, которую ты мне хотел подарить?

Он пнул кресло с такой силой, что оно улетело в другой конец комнаты.

-- Ты знаешь, по какой причине я здесь! Это ты. Ты уничтожила меня.

Баэда заметила, что с его лицом происходило что-то ужасное. Из его глаз сама собой струилась вода. Она никогда такого не видела.

-- Я так пытался завоевать тебя, а ты лишь с презрением отвергала меня. Я убивал для тебя, и все, что ты мне отвечала -- я не впечатляю. Надо было остановиться еще тогда, просто закончить с этим и жить дальше, но я не мог. Ты как будто заразила меня. Ты стала всем, о чем я мог думать. Я дал тебе мир, а ты даже не захотела поговорить со мной. Почему ты не встретила со мной? Если в тот день ты бы просто впустила меня к себе, она бы осталась в живых, но нет, ты решила, что отказать мне будет веселее. Это твой план, госпожа, -- заторить меня? Как собаку? Не позволять мне быть с тобой,

пока я просто не сойду с ума?

Баэда видела, что он говорил почти бессвязно, тяжело дыша и, видимо, заблудившись во мраке своих мыслей. Она могла бы пристрелить Мальврека на месте, пока он был в таком состоянии, но в его поведении было что-то завораживающее.

— Кто бы остался в живых? — спросила она.

— Да, это сработало, — продолжал он. — Я поклялся, что завладею тобой, Баэда. Цньон лама-кванон. Ценой потери всего, что у меня было. Мои слуги, моя армия — все это исчезло. Мой кабал истреблен из-за тебя, из-за того, что я был так восторжен и думал, что, наконец, нашел идеальный подарок, с помощью которого смог бы тебя заполучить.

Он все же не ответил на ее вопрос, и потому она спросила вновь:

— Мальврек, кто бы остался в живых?

Старый архонт как будто уменьшился в объеме, его плечи обвисли, грудь казалась впалой. Он издал душераздирающий вздох и сказал:

-- Савор.

Снаружи слышался топот бегущих ног. Другие воины и стражники устремились на защиту госпожи. Они наверняка убьют этого старика -- не утением, так числом. Однако сначала ей нужно было его послушать. Его слезы, его прерывистое дыхание, его осязаемая аура утраты очаровывали ее.

Когда он снова заговорил, его голос был практически неслышен.

-- Я полетел с ней на Ктельмакс. Там есть руины. Очень хорошо сохранившиеся. Я посмотрел на нее. Я был уверен, что с нами все будет хорошо. А потом она погибла.

Позади него раздалась щелчки готового к бою оружия -- воины Баэды ворвались в комнату. По первому же знаку они откроют огонь, и лорду Мальврену придет конец. Однако он как будто не замечал их. Он затрясся всем телом и повалился к ногам вдовы.

-- Она погибла! -- голос его словно донесся из места столь ужасного, что у Баэды перехватило дыхание. Мальврен

теперь понимал, что Савор была не просто иерархом. Она была его голосом, его железной рукой, его соратником во всех начинаниях. Она была самым дорогим из всего, чем он владел, и он любил ее. Он больше никогда не будет единым целым, и поэтому жить дальше не имело никакого смысла.

Задыхаясь от слез, он ждал, когда на него обрушится ливень осколков или смертельный удар Баэды, и все закончится.

Он почувствовал, что она поднимает его на ноги. Обессиленный, Мальврек не сопротивлялся. Баэда посмотрела ему прямо в лицо, положила ладони на его щеки и коснулась губами его губ. Он был уверен, что это поцелуй смерти, но тот все глится и глится. Вместо того, чтобы ударить его кинжалом или выстрелить, Баэда расслабилась и прижалась к нему всем телом. Ее язык проскользнул между стальными зубами, пальцы впилась в щеки. Мальврек ответил на поцелуй и обнял ее так крепко, что нагрудная броня затрещала. Когда она наконец

отстранилась, лицо ее было
мечтательным.

--- Лама-кванон, --- сказала она. --- Я
подчиняюсь тебе.

--- Не понимаю... --- проговорил
Мальврек. --- У меня нет кабала, чтобы
сражаться за тебя. Ты не приняла
планету, и я не смог добыть кристалл,
так что у меня нет ничего, чем я смог бы
купить власть над тобой.

--- Нет, есть, --- промурлыкала она,
проводя глинными пальцами по его
морщинистому лбу. --- Ты дал мне
величайший дар из всех, что можно
вообразить: свое страдание. В тебе
теперь пуста, восхитительная рана,
которая никогда не заживет. Скажи, что
всегда будешь дарить ее мне, что будешь
питать меня ею до конца наших дней, и
все, что у меня есть, станет твоим.

Мальврек посмотрел через плечо на
толпу воинов позади себя. Баэда начала
проводить ногтями по его носу, как
будто хотела раздеть его прямо здесь,
прямо сейчас, и на виду у всех закрепить
их союз в вихре публичного совокупления.

На лице Мальврека медленно проступила усмешка. Он потерял один кабал лишь для того, чтоб получить новый. Эти солдаты будут жить и умирать по его воле, и он, в конечном счете, не проиграл. Мальврек указал на дверь, и, помедлив мгновение, воины склонили головы и поспешили убраться из комнат. Он швырнул перчатку с клинками на пол, увеличил выброс наркотиков из инжектора и, схватив полную пригоршню волос Баэды, отдернул ее голову назад. Она улыбнулась ему. Скоро они полетят через галактику вместе, причиняя страдания всем, кто сможет их вытерпеть. С его опытом и богатствами Баэды их никто не сможет остановить. Он сможет тысячекратно отомстить за смерть своей дочери всему мирозданию.

— Это будет великолепно, — загадочно произнесла Баэда. Она снова наградила Мальврека поцелуем, глубоким и долгим. Из окна позади шили и огни Темного Города молчаливо наблюдали за ними.

Железная преисподняя

К. Л. Вернер

Переводчик: Летящий Свин,
вычитка: Дэн

Небо напятило багровый
кровопотек сиренево-охряного цвета,
сквозь густые клубы пыли, загрязнявшие
атмосферу, едва пробивались болезненно-
желтые солнечные лучи. Узанаги был
«ранен миром», покалеченным и
изуродованным атакой из космоса.
Воющий ветер, который вздымал облака
пыли, походил на тучительный крик
планеты, взывающей к безразличной
вселенной и бессильному Императору.

Лорд-генерал Ро Нагасима протер
линзы и взглянул на темные небеса.
Губернатор-префект Узанаги заверил его,
что астронавты послали психический
сигнал в эфир, хотя это едва ли утешало.
Даже если психический крик услышали, и
им был выслан вспомогательный флот, из-

за превратностей межзвездного путешествия в варне могли пройти годы, прежде чем к ним придет помощь. К этому времени от Уззанаги могло остаться лишь воспоминание.

Генерал Нагасима вздохнул в противогазе, закрывающем его лицо, и ком-фильтры шлема превратили звук в резкий металлический хрип. Пальцы в перчатках коснулись рядов медалей на мундире, и чувство былой славы вызвало на его лице печальную улыбку. Устреление пиратов в Скоплении Они, подавление восстания рабов на Темсо, победа над Домом-отступником Каркалла и их наемниками — все эти войны он вел на дальних рубежах системы Ямато. В тех сражениях были честь и благородство. В том горниле он превратился из слабого человека из плоти и страха в воина из стали и доблести.

Генерал вновь взглянул в мрачное запыленное небо. Эта война была иной. Это был не удаленный уголок системы, какой-то захваченный повстанцами планетоид или заселенный пиратами астероид. Нет,

война пришла на Уззанаги, сокровище системы Ямато. Его планету. Его дом.

Все началось неожиданно -- из варпа вылетела глыба космической скалы, которая тут же направилась прямо на Уззанаги. Население впало в панику, все расчеты наблюдателей из Дивизиона Астрологикус приходили к единому неутешительному выводу: планета обречена. Столкновение с таким огромным метеоритом неизбежно уничтожит мир вместе со всеми его обитателями. Для эвакуации было слишком мало времени, поэтому людям оставалось лишь преклонить колени перед Богом-Императором в ожидании близящегося конца.

От удара метеорита согрознулась вся планета, земные толчки ощущались на всех континентах, в атмосферу поднялись огромные тучи пыли, которые погрузили Уззанаги во тьму. И все же, казалось, Император внял мольбам людей. Невероятно, но при вхождении в зону притяжения планеты космическая скала сбросила скорость. Да, она упала с силой,

достаточной, чтобы оставить столетровой глубины кратер в густых лесах Впадины Казу, но это был далеко не тот губельный удар, который предсказала загадочная наука техножрецов.

Жители Уззанаги праздновали спасение, пока не ведая того, что ждало их впереди. Густые слои пыли ослепили спутниковые системы наблюдения префектуры и агрокартелей. Самолеты не могли летать из-за мелких частиц, попавших в атмосферу — они не только быстро засоряли воздухозаборники и выхлопные системы, но и уменьшали видимость до пары метров. Лишь пройдя сотни километров, которые отделяли ближайшие поселения от места падения метеорита, экспедиции смогли достичь кратера и исследовать странную скалу.

Сначала молчание экспедиций списывали на помехи в вокс-связи. Затем одно за другим начали умолкать поселения. Спустя неделю после падения наблюдатели принялись выдвигать предположения, одно ужаснее другого. Метеорит не просто столкнулся с

Угзанаги, а приземлился, направляемый
неким разумом. Хуже того, похоже,
техножрецы Дивизио Биологис знали, кто
прилетел на метеорите. Они назвали
объект «Бұлыгой», сказав, что она
заразила их планету самой опасной
ксеноугрозой во вселенной.

Генерал Нагасима вздрогнул от
одного лишь воспоминания о том, как в
терракритовом бункере он наблюдал за
техножрецами, которые препарировали
один из образцов, найденных скитариями в
Зоне Молчания. Ему и раньше приходилось
видеть пикт-снимки пришельцев, читать
о них в книгах, но к этому зрелищу он
оказался абсолютно неподготовленным.

Но Нагасима заглянул в безжизненные
глаза орка.

Назвать его человекообразным не
поворачивался язык, да к тому же это
прозвучало бы как насмешка над красотой
человеческого тела. Перед ним лежало
приземистое существо с четырьмя
конечностями, покрытыми гротескными
грудями мышц; безобразная голова
соединялась с широкими плечами

коротким обрубком шеи. Кожа его походила на старый пергамент, зеленая в местах, где не почернела от плазменных выстрелов скитариев. Из пасти у него торчали огромные клыки, а по обеим сторонам обезьяньего носа находились крошечные красные глазки. Казалось, в этом толстом черепе едва ли могло найтись место хотя бы для капли мозгов, но орк был вооружен большим, собранным из хлата, оружием, от одного только вида которого техножрецы чесали бритые затылки и шептали заговоры против интереса ксенотехнологий.

Значит, вот какой он, их враг.

Из-за невозможности орбитальной и воздушной разведки защитники Уззанаги могли отслеживать продвижение орков лишь по расширению Зоны Молчания. Когда поселения умолкали, они знали, что пришельцы продолжали поход.

Генерал Нагасима невольно стиснул кулаки при воспоминании о долгих обратительных неделях, когда он отслеживал по картам продвижение орков подобно хирургу, наблюдающему за

распространением злокачественной опухоли. В конце концов, офицеры СНО Узанаги поняли схему атак пришельцев. Зная о местонахождении орков, теперь они могли точно предсказать, куда те направятся в первую очередь. Изучая карту, Нагасима решил, где они вырежут опухоль, которая угрожает его миру.

Генерал соскреб налет пыли с линз и уставился на открытые всем ветрам холмы вокруг. Урожай боден-фруктов был безвозвратно загублен, мертвые лозы бессильно качались на ветру, но они, тем не менее, сослужат отличную службу для Нагасимы. Боден-фрукты нуждались в тщательном соотношении высоты и тени, что привело к их разведению на небольших штучных холмах. Весь Узанаги усеивали обширные плантации боден-фруктов, создавая искусственные пейзажи из похожих на лабиринт долин.

Именно здесь он остановит вторжение.

За холмами долины Нагасима решил спрятать войска СНО. Среди холмов виднелась уложенная плиткой дорога, которой

пользовались рабы при сборе урожая, и она
вела прямо к Ко, одному из городов-ульев
Цззанаги и ближайшей фабрике по
переработке боден-фруктов. Генерал
улыбнулся, осматривая облюбованный
участок пути. Широкий и прямой, дабы по
нему могли проехать машины-сборщики,
он был будто создан для бронетехники.

Его инженеры заминировали отрезок
дороги в семьдесят километров, а там,
где она выходила из равнины, закопали
сотни авиабомб, которые детонируют, как
только по ним пройдет колонна оков.
Пришельцы окажутся в западне между
бомбами и минами, и тогда Нагасима
прикажет войскам выйти из-за холмов и
атаковать врага с обеих сторон.

Ему было почти жаль глупых
дикарей.

Генерал обернулся и бросил взгляд на
другой конец долины. Каждая ловушка
нуждается в наживке, и Нагасима дал
оркам прекрасный повод, чтобы идти под
прикрытием холмов. На равнине высилось
небольшое плоскогорье, на вершине
которого раскинулся внушительных

размеров комплекс техобслуживания (состоящий по большей части из пластали и феррокрита) для сборщиков боден-фруктов. Постройка возвышалась на пару сотен метров над равниной, заставляя казаться маленьким даже холм, на котором стояла. Вокруг этого необъятного комплекса солдаты вырыли обширную сеть окопов, натянули леса колючей проволоки, установили минные поля и противотанковые ежи. За ними в основании плоскогорья была возведена система бункерных укреплений, а на настенных платформах и крыше самого здания разместились огромные оружейные гнезда. Из пещер, выдолбленных в склонах, виднелись стволы гаубиц и осадных мортир, которые лишь ждали приказа, чтобы изрыгнуть огонь и смерть.

Генерал Нагасима представлял, какое впечатление холм окажет на орков. Даже своими крошечными утишками они поймут, какая устрашающая огневая мощь им противостоит, и естественно попытаются обойти укрепления через холмы.

Откуда оркам знать, что весь комплекс не более чем иллюзия? Настоящих орудий было едва ли пять процентов, но в самый раз, чтобы казалось, будто стреляет вся батарея. Остальные же пушки представляли собою обыкновенные спаянные вместе обрезки труб, выкрашенные в соответствующий цвет. Большинство бункеров были ментами, развернутыми на склонах холма, минные поля вели всего на пару метров в глубину, колючая проволока растянута лишь на небольшом участке, за которым между железными кольщиками висела самая обычная проволока. Многие противотанковые ежи были на самом деле сколоченными вместе деревянными брусьями, выкрашенными «под железо».

Символические войска разместились в укреплении лишь ради того, чтобы создавать впечатление, будто за ними стояла целая армия. Если орки пришлют сюда разведчиков, караульным предписывалось безжалостно их истребить, при этом каждый взвод должен был играть роль целой роты, а рота —

батальона. И в то же время, если вражеские лазутчики подберутся к холмам, то не заметят ни следа человеческого присутствия.

Генерал Нагасима улыбнулся подмаской противогаза.

Да, ему было почти жаль несчастных ксеносов.

С приходом ночи коричневые небеса Уззанаги стали непроглядно-черными, сквозь наполненный пылью трак не могли пробиться ни лунный свет, ни сиянье звезд.

Капитан Грилрүк Плохозүб прильнул к магнокүлярам, которые в огромной лапелорка казались крошечной изрүшкой. Грилрүк с прищүром үставился в одну из линз и толстым пальцем неүклюже продвинул ползүнок үправления, встроенный в корпус человеческого устройства. Уссеченный шрапнели оркортанно зарычал, когда пропустил нужный режим и с трудом үнял желание бросить магнокүляры на землю, и растоптать стальными подошвами.

Наконец, ему үдалось настроить все

как надо. С активацией режима ночного видения темный мир вокруг него покрылся поразивающими оттенками зеленого. Гримрук нравилось, как человеческое устройство превращало все в зеленое — люди, создавшие его, наверняка понимали, что ночь принадлежала оркам. Мысли капитана оборвал низкий звериный рык, спрашивающий о том, что он видел.

Даже не удосужившись оглянуться, Плохозуб свободной рукой просто заехал по торге говорившему. До него донесся приятный хруст хрящей, и резкий крик боли, после чего вопросов больше не задавали. Он отдал парням строгий приказ держать пасти на замке, ему не хотелось, чтобы те своим трепотом вспугнули людей.

Гримрук уставился в магнокуляры, исследуя оцетинившийся орудиями бастион, точки колючей проволоки, укрепленные бункеры и сложные изгибы окопов. Орк оценивающе рыкнул, увидев артиллерию на здании. Да, тем бои точно бы нашли лучшее применение этим пушкам.

Лицо орка скривилось в жестокой ухмылке, когда он заметил бредущие сквозь растяжки колючей проволоки фигурки часовых. Грилрүк внимательно изучал, где именно они проходят, к чему прикасаются, а к чему нет. При необходимости Плохозүб мог запоминать детали с фотографической точностью (что и нетүгрено, если во время эксперимента болебои заменили тебе половину черепа).

Кап'тан следил за солдатами, когда они вернулись в окопы, а затем исчезли в одном из бункеров. Удовлетворенно рыкнув, Грилрүк пихнул магнокүляры в костлявые ручки Виззота. Тощее, изможденное существо было куда меньше Плохозүба, хотя обладало такой же зеленой шкурой. Там, где орк предпочитал безудержную грубую силу, Виззот действовал более тонко и проворно.

Ординарец гретчин принял магнокүляры Грилрүка и запихнул их в стальной футляр. Кап'тан нахмурился, и Виззот поспешно отдал честь, даже прищелкнув каблуками. Тем не менее,

Грилрүк все равно влезил ему оплеуху, отчего увенчанный шином шлем гретчина полетел в пыль. Визгом пополз за головным убором, вызвав взрыв грубого хохота со стороны наблюдавших за ним орков.

Грилрүк обошел своих парней, разглядывая их здоровым глазом. Второй наряду с большей частью головы представлял собою грубое электрическое устройство, сканирующий свет которого просто переливался в пустой глазнице. Остальная же половина торгы Плохозуба была нагромождением привинченных к черепу стальных пластин. Грилрүк почесал шрам, отмечавший линию между плотью и металлом.

Он принял решение, от которого его лицо расплылось в сагистской ухмылке. Грилрүк перевел взгляд на Гобснота, одного из помощников. Гобснот со своей непроходимой глупостью идеально подходил для запланированной им диверсии. Кап'тан схватил ноба за полы одежды и прорычал новый приказ ему на ухо.

Гобснот отвернулся от Грилрүка и
рыкнул банде, которая ошивалась
неподалеку и прислушивалась к разговору
начальников, подозвав пару дружков. Собрав
команду, орк испарился во тьме в
указанном Плохозубом направлении.

Грилрүк наблюдал за их уходом с
хитрым блеском в здоровом глазе, а потом
потянулся к поясу, достал из-за него
изорванную фуражку. Грубыми лапами он
принялся распрямлять и разглаживать ее,
пытаясь придать хоть какое-то подобие
формы. Затем, поднявшись на все свои два
с половиной метра, капитан натянул
фуражку на голову. Она была до смешного
маленькой, едва прикрывала макушку
чудища, но размер едва ли заботил
Грилрүка. Фуражка таила в себе послание.
На рүинах Вервүн-үлья он сорвал ее с
воеводы людей, офицера в черном кожаном
пальто, который заставлял людей
сражаться и расстреливал тех, кто
пытался сбежать. Грилрүк улыбнулся,
заметив, что его парни истолковали
послание верно.

Капитан наблюдал, как в его воинах

просыпается жажда боя. Ему оставалось лишь направить ее в нужное русло, и его пальцы сошлись на рукояти огромного ценного топора. Плохоzub вжал кнопку активации и улыбнулся, когда стальные зубья оружия вздрогнули и с ревом заскрежетали по кромке топора.

Грилрүк резко обернулся, отчего его длинное пальто взметнулось на ветру. Он не оглядывался, чтобы посмотреть, следуют ли за ним воины. Они были лучшими командос его клана, избранными бойцами Кровавых Топоров. Они ничего не боялись и были готовы последовать за ним даже в пасть самому Горкү, если бы он от них этого потребовал.

Кроме того, они знали, что попытайся любой из них сбежать, Грилрүк не перестанет их разыскивать. У капитана была очень хорошая память — еще один побочный эффект эксперимента болебоев.

До колючей проволоки они добрались довольно скоро. Грилрүк похвалил себя за предусмотрительность — перед началом операции он выдал парням красные

ботинки (а даже последний грот знает, что все красное быстрее).

Здоровый капитан пригнулся за проволочным ограждением и осмотрел местность. Вдали он едва разглядел мерцание огней в бункерах, а кое-где тусклые алые точки палочек-лхот, которыми солдаты затягивались, чтобы хоть немного согреться. У Грилпрука родилась очередная идея. Он щелкнул пальцами, и Визгот поспешно закопошился в многочисленных подсумках на поясе, пока не нашел то, чего хотел босс. Грилпрук засунул толстую сигару в клыкастую пасть и крепко стиснул ее массивными зубами.

Еще один щелчок пальцами, и Визгот вытянулся на кончиках пальцев, чтобы поджечь вонючую самокрутку из высушенных сквиговых сухожилий. Грилпрук так крепко затянулся отравой, что даже хрюкнул. Теперь если часовые заметят движение на периметре, то из-за мерцания сигары наверняка подумают, будто возвращается один из патрулей. Естественно, разницу в размерах между

человеком и орком он не учел -- что ему, капитану, до таких мелочей?

Кроме того, подумал Грипрук после очередной задержки, довольно скоро у солдат на уме будут совершенно иные заботы. Капитан уставился во тьму -- где там Гобснота и парней носит? Сейчас они должны были бы в аккурат дойти до проволоки. Заметив участок, который патрули избегали, Грипрук догадался, что Гобснота там наверняка поджидала парочка сюрпризов.

Вдали прогремел оглушительный взрыв, и ухмылка Плохозуба растянулась до самых ушей -- кажется, парни Гобснота нарвались на мины.

Окопы перед орками тут же осветились росчерками выстрелов, солдаты торопливо полчились к позициям у потревоженного минного поля. Тьма испарилась от света прожекторов и лазерных лучей. Загрохотал тяжелый болтер, на землю посыпались первые снаряды мортир и полевой артиллерии. Оказавшись в нештучной переделке, парни Гобснота попытались отступить, но

налетели на очередные линии.

Грилрүк взревел и под
аккомпанемент сирены разрубил проволоку
ценным топором. Кап'тан довольно
хрюкнул -- люди уже ввязались в бой с
бандой Гобснота, поэтому солдатам
придется потратить кое-какое время,
чтобы навести орудия в их сторону.
Время, которого у них уже не осталось.

Грилрүк указал топором на окопы и
яростно взревел, раскаляя жажду битвы
взбешенных орков до кровожадного гнева.
Кап'тан едва не забыл рассказать парням о
цели всей операции. Они пришли сюда не
просто убивать. Воевода требовал
информацию о человеческой цитадели,
разведданные, которые предстояло добыть
командос.

Орки позади Грилрүка подняли
оружие, и ночь наполнилась грохотом
болтганов, стабберов и колби-стрелял. Но
даже рев оружия оказался заглушенным
гортанным боевым кличем:

-- Вааааааггггх!

Подобно сорвавшимся с цепи псам,
орки ринулись на человеческие укрепления.

Ближайшие бункеры открыли огонь по котлангос, но первые болтерные очереди прошли у них над головами, нацеленные на заранее пристрелянные позиции у границы проволочных заграждений. У солдат ушло некоторое время, чтобы начать расстреливать волну пришельцев. К этому моменту десятки орков уже ворвались в окопы. Те же, кто толпился сзади, были мгновенно разорваны на куски болтерным огнем из бункеров, хотя этого едва ли было достаточно, чтобы спасти горстку солдат, оставшихся на посту.

Грилрүк успел запрыгнуть в окоп, когда над головой у него засвистели болтерные снаряды. К нему бросился человеческий солдат, на ходу паля из винтовки. Грилрүк почувствовал, как лазерный луч прошел ему руку, но рана мгновенно покрылась коркой засохшей крови от интенсивного жара. Едва обратив внимание на ранение, Плохозүб схватил солдата за форму. Человек закричал и попытался ударить орка пласмалевым прикладом лазгана.

Оружие бессильно отскочил от

стальных пластин на лице орка. Грилрүк нахмурился и отвернулся от запаниковавшего солдата, когда тот попытался снова его ударить. Кап'тан раздраженно бросил человека на цепной топор, и тело солдата начало подпрыгивать и дергаться на вращающихся зубьях. Грилрүк бросил рассеченный труп на землю и стахнул с пальто пару капель крови.

Плохозүб отвернулся от изувеченного вражеского тела и осмотрелся. Командос удалось закрепиться на некоторых участках окопов. Дно усеивали трупы, а несколько выживших солдат бежали по открытой местности к бункерам.

Но чуть дальше Грилрүк увидел совершенно гругую картину -- хлынув из расположенных наверху бункеров и гальних окопов, пехотинцы выстроились цепью и обстреливали парней Гобснота. Хотя ноб контролировал окоп, кап'тан знал, что долго тот его не удержит.

Грилрүк указал на бункер и гневно взревел. Пару орков поняли приказ -- они оставили в покое убегающих солдат и

Вприпрыжку бросились к укреплению. Мгновение спустя остальные также прекратили кровожадную погоню и решили поддержать атаку на бункер. Кап'тан довольно хрюкнул. Это и отделяло его от старшей от остальной орды — командосы. Они понимали важность выполнения задачи, даже если из-за нее им придется покинуть бой.

Гриллрук щелкнул пальцами и указал на тело убитого им солдата. Визгот склонился над телом и резко сорвал с него кусок формы. Кап'тан подождал, пока ординарец не засунет ткань в подсумок, а затем вцепился в край стенки и с легкостью вылез из окна. Гриллрук через плечо бросил приказ Визготу, а сам заторопился к оркам, которые как раз штурмовали бункер.

Визгот тихонько выругался и попытался выбраться из углубления. Естественно, мелкий гретчин не особо-то старался — лучше уж подождать здесь, пока орки сами все не закончат.

Бункер представлял собою довольно

большое укрепление из феррокрита и
пластали. У людей внутри было, по
крайней мере, два тяжелых болтера -- во
время начального штурма им удалось
уничтожить троих командос.
Напоминание о том, что у тамошних
солдат было кое-что помощнее лазганов,
заметно остудило пыл орков. К тому
времени, как Гримрук добрался до парней,
они уже укрылись за противотанковыми
эжатами, высовываясь из-за них, лишь чтобы
выпустить по бункеру пару выстрелов
наугад.

Запрыгнув за убогое укрытие,
Плохозуб гневно зарычал на сидевших там
орков. Даже отсюда он слышал выстрелы и
яростные крики в дальних окнах -- люди
подтянули подкрепления, чтобы
остановить атаку на свои позиции. Им не
составит большого труда перестрелять
всех до единого командос, нравится это
оркам или нет. Конечно, здесь можно было
здорово повеселиться, но Клан Кровавых
Топоров придерживался идеи, что превыше
всего стоит победа в бою, а не славная
гибель в оном. Если они хотят раздобыть

информацию и доставить ее воеводе, и
нужно было двигаться и притом быстро.

Грилрүк крикнул парню, сидевшему
возле него — широкоплечий котмангос в
очках с толстыми линзами и огромной
металлической канистрой за спиной
обернулся и подозрительно уставился на
него.

Кап'тану пришлось прикрикнуть на
орка, верзилу по имени Скоршлаг, и
помахать кулаком перед носом, чтобы
тот немедленно пошел со своей поджигой в
атаку на бункер.

В ответ Скоршлаг показал ему
средний палец.

Взревев, Грилрүк заорал на
Скоршлага, пригрозив скорой расправой,
если тот не подчинится. Но виду здорового
орка все еще нельзя было сказать, что
слова кап'тана убедили его, но когда
Плохозуб достал из кобуры пистолет,
Скоршлаг быстро поменял мнение.
Котмангос поднял поджигу, дуло которой
истекало жидким огнем и, бросив
последний злобный взгляд на Грилрүка,
понесся к ближайшему противотанковому

ежу. Оба тяжелых болтера разом
принялись поливать землю вокруг
бегущего орка ливнем масс-реактивных
снарядов.

Грилрүк хлопнул по плечу еще одного
коммандос и жестами указал бежать к
бункеру с другой стороны, пока солдаты
отвлеклись на Скоршлага. Парень также
не горел особым желанием выбираться из
укрытия, но Грилрүк раздраженно
вытолкал орка из-за ежа и, выждав пару
секунд, бросился вслеп за ним.

Двое орков пулей промчались по зоне
обстрела и приникли к прочной стене
бункера. Как только они оказались в
безопасности, болтерный снаряд пробил
канистру на спине Скоршлага, и
коммандос исчез во взрыве жидкого
пламени, обратившись в шатающийся
полыхающий факел. Какое-то время он
продолжал стоять, но еще одна очередь
повалила орка на землю.

Плохозуб вытянул из-за пояса стикк-
бомбу с деревянной ручкой, кивнув другому
орку сделать то же самое. Двое орков
стукнули гранатами о стену, активировав

их, и затем забросили в укрепление через
огневые щели для болтеров.

Стены бункера не выдержали мощи
взрыва, и строение, полыхая, буквально
обрушилось в себя. Двое орков отлетели
подобно тряпичным куклам, рухнув в
десятке метров от укрепления.

Грилрүк тяжело поднялся на ноги.
Похоже, он сломал руку. Другому
коммандос повезло еще меньше — его тело
висело на противотанковом еже. Какое-то
время капитан гладел на мертвого орка, а
затем перевел взгляд на дымящиеся
обломки бункера. Да, подумал Плохозүб, с
текбоями определенно нужно поговорить
насчет количества взрывчатки в стикк-
бомбах.

Грилрүк потряс головой, пытаясь
избавиться от звона в ушах, и принялся
искать фуражку, которую сдуло с него
взрывом. Неожиданно рядом с ним возник
Визгот, услужливо протягивая орку
потрепанный головной убор. Грилрүк
вырвал ее из рук гретчина и потопал к
искореженному укреплению. После
уничтожения цели коммандос по одному

вылезали из укрытий и шли к развалинам. Грилрүк протиснулся сквозь столпившихся орков, дабы первым увидеть, что осталось от бункера.

Бункер лежал в руинах, из разломанных каменных блоков по безумным углам торчала погнутая арматура. Тут и там среди кучи обломков виднелись останки солдат. Оглядев то, что осталось от стен, Грилрүк презрительно фыркнул. Стикк-бомбы разорвали их на куски, будто бумагу. Наверное, пусть все же мекбои оставят стикк-гранаты такими, как они есть (но, естественно, сначала дадут знать Грилрүку).

Почесав шрам, Плохозуб прислушался к бою. Земля дрожала под ударами мортир, которые обстреливали окопы. Грилрүк раздраженно хрюкнул — он много бы отдал, чтобы добраться до тех пушек, но знал, что впереди его ждала добыча куда крупнее. Воевода непременно должен был узнать о силе укрепления.

Грилрүк бросил взгляд на орков, а затем кивнул на мусор. Коммандос

перевбросили оружье за спины и принялись
откапывать изувеченные тела солдат.
Найдя очередной труп, зеленокожие
отрывали от них куски обмундирования,
после чего без всякого почтения
отбрасывали тела пехотинцев в сторону.
Вскоре Плохозуб убедился, что парни
раскопали из обломков всех, кого только
можно было найти.

На поле боя заревели сирены. Грилрүк
увидел, как вдалеке его командос под
обстрелом гаубиц начали отступать к
проволочным заграждениям.
Прищурившись, капитан увидел причину их
бегства -- за орками ехала пара танков, на
ходу обстреливая зеленокожих из основных
орудий. С появлением бронетехники даже
самые упрямые орки поняли, что окоп и
точно не удержат.

Грилрүк кто-то дернул за пальто.
Костлявые ручки Визгота были полны
собранными командос обрывками формы.
Грилрүк выхватил их у зрелчина и
внимательно осмотрел. У людей была
привычка носить цвета своих банг на
воротниках формы. Некоторое время

Назад Грилрүк понял, что если он хотел узнать о количестве солдат в каком-либо месте, судить стоило по разнообразию знаков, которые те носили на воротниках.

Он отдал строгий приказ всем Колмангос собирать края воротников убитых или людей. Когда выжившие орки доберутся до лагеря орды, у Грилрүка наверняка окажется целая коллекция обрывков, которую он позже изучит на досуге. Воевода определенно обрадуется, узнав, сколько у плоскогорья людей, а радость воеводы — ключ к успеху (как и к жизни).

Грилрүк крикнул парням отступать. Они выполнили то, за чем пришли сюда. Колмангос проверили на прочность человеческую защиту и собрали информацию о войсках. Именно этого и требовал от них воевода.

Лорд-генерал Ро Нагашита улыбнулся под маской противогаза, прочитав доклады с плоскогорья. Ночью разведчики орков попытались проникнуть на позицию. Защитники позволили пришельцам зайти

достаточно далеко, чтобы увидеть само укрепление, его ложные бункеры и осадные орудия, после чего гали отступить обратно к своим.

Но в докладах была одна интересная деталь — орки срывали с убитых солдат знаки на воротниках. Нагашиму это довольно сильно удивило. Неужели дикари пытались разузнать, сколько войск находилось на плоскогорье? От такой мысли Нагашиму разобрал стех. Если пришельцы проявят смекалку, то тем самым еще сильнее поведутся на его хитрость. Генерал собрал в крепости подразделения из десятка различных полков. Если орки разгадают значение знаков различия, то наверняка подумают, что там расположилась целая армейская группа!

Войска СНО Узанаги стояли наготове. Если орки собираются атаковать город-улей Ко, им придется пройти по равнине. Для того, чтобы избежать кажущееся неприступным плоскогорье, они будут вынуждены зайти в холмы, где солдаты наголову их разобьют.

От размышлений Нагашиму отвлек
разрыв снаряда. Со стороны равнины до
него долетели отголоски яростной
канонады. Он обернулся, услышав
тревожные вокс-переговоры и
коммуникационных терминалов возле
командного центра. Генерал побледнел,
когда понял, о чем шла речь.

Орки, десятки тысяч орков, целая
армия. Они хлынули на равнину океаном
мотоциклов и боевых вагонов, грубо
склепанных танков и грохочущих
титанических столп. Пришельцы
обрушились на равнину разрушительной
приливной волной. Но они не пытались
обойти плоскогорье. Орки посылали по
укреплению залп за залпом из грубых
орудий и ракетных установок, уничтожая
ложные укрепления генерала Нагашимы,
превращая в пыль напускную
неприступность бастиона.

Генерал Нагашима наблюдал, как в
пыльное небо над плоскогорьем
поднимаются клубы пыли. Его охватил
ужас.

Это невозможно! Все пошло

наперекос! Орки не могли знать, что бастион был всего лишь уловкой! Он все сделал для того, чтобы зеленокожие подумали, будто плоскогорье представляло собою крепость с огромным гарнизоном из СНО Узанаги. Орки проглотили наживку. Но всем законам логики по пути к городу улю и следовало обойти крепость под прикрытием холмов.

Вместо этого орки пошли напрямик к плоскогорью, невзирая на то, что именно здесь Нагашима сконцентрировал свои войска.

Вместо или из-за этого? От столь тошнотворной мысли колени Нагашимы подкосились. Потрясенный генерал рухнул в кресло, его голова упала на грудь.

Орки не были людьми. С его стороны было непростительной глупостью ожидать от ксеносов человеческого поведения. Они повелись на его обман, посчитав, что именно на плоскогорье генерал и сконцентрировал свои войска. Но вместо того, чтобы испугаться, орки решили испытать на прочность воображаемую позицию. Орки, неделями

опустошая изолированные поселения, жаждали настоящей драки и поэтому даже не пытались избежать крепости. Они ринулись прямо на нее, желая утолить свою ярость.

Генерал Нагашима слушал, как в вокзанах постепенно затихали паникующие голоса, когда чужаки штурмом брали укрепление. Офицеры Нагашимы уже выкрикивали приказы штабистам, пытаясь вывести солдат из окопов.

Слишком поздно — войска на плоскогорье было не спасти. Когда орки покончат с ложным укреплением Нагашимы, их не будет уже ничего отделять от миллиарда жителей Ко.

Ничего, кроме сожаления и стыда генерала, который повел их.

Посвященный

Марк Клэнхем

Переводчик: Dammerrung

Это было зрелище, которое немногие когда-либо видели -- вид изнутри Имперского линейного крейсера на поверхность планеты, не нарушаемый ничем, кроме слабого мерцания защитного энергетического поля. Мир внизу, окруженный яростно пылающим галом атмосферы, заполнял все поле зрения. Даже наиболее пресыщенные из людей признали бы это редкостным зрелищем, которое заслуживает хотя бы недолгого внимания.

Каспел пытался игнорировать его и старался держаться спиной к дыре, зияющей в корпусе корабля, насколько это было возможно. Не то что бы он страдал от головокружения -- само присутствие тира внизу его тревожило.

Будучи техножрецом Агентс

Механикус, служба во славу машин и Императора, Каспел никогда не ощущал чужую землю под своими ботинками и никогда не встречался с ксеносом лицом к лицу. Его воспитали на Марсе, родине братства, а позже он выполнял свой священный долг на технических палубах звездных кораблей Имперского флота. Всю свою жизнь он ходил по коридорам из священного металла, и хоть и гордился тем, что делал свой вклад в борьбу с врагами человечества, не имел никакого желания вступить в прямой контакт ни с чужаками, ни с их мирями.

У него было много работы. В корпусе имперского линейного крейсера «Божественная святость» имелась серьезная пробоина — результат удара нанесенного в бою поврежденным некронским кораблем, который разрушил часть технической палубы и парализовал одну из двигательных установок корабля. Битва продолжалась весь день, и огонь озарил небо, когда боевой флот собрал все силы, чтобы отбросить врага.

Человечество одержало победу, но в

то время, как остальной флот продолжил
теснить некронов, урон, нанесенный
двигателям «Святости», вынудил ее
висеть на орбите над ныне мертвыми
миром. Временные энергетические поля
сохраняли атмосферу и гравитацию в
открытых космосу отсеках, а между тем
капитан Рилк яро жаждал вернуться на
фронт, как только это стало бы
возможно, и в недвусмысленных
выражениях изложил это желание
Каспелу.

Каспел нашел эти страстные просьбы
ненужными и слегка оскорбительными —
он был техножрецом, и он бы восстановил
все системы в полном благословенном
порядке при помощи правильного ремонта
и ритуалов, так эффективно, насколько
можно. Разве он мог сделать больше или
меньше?

В восстановленной атмосфере Каспел
и его сервиторы могли работать быстро и
эффективно. Наиболее серьезный урон
пришелся на одну из двигательных
установок корабля, каждая из которых
представляла собой полный машин

шестиугольный корпус высотой с жилблок, тянувшийся по всей длине огромного помещения, что оканчивалось конусом маневрового двигателя в самой задней части корабля. Пластмассовая стена отделяла видимый конец установки от самого маневрового двигателя. Помещение полностью вмещало в себя двигательную установку, сверху и снизу от нее имелись технические ярусы, а с каждой стороны — проходные мосты.

Там и стоял Каспел, глядя вниз, в сторону оканчивающегося маневровым двигателем конца отсека. Слева от него зияла дыра в обшивке, справа бригады сервиторов методично устраняли повреждения, нанесенные двигателю. Разрыв корпуса простирался как вверху, так и внизу, и, чтобы добраться до поврежденного двигателя, сервиторам пришлось устроить целую оснастку из временных лесов — шатковую сеть проводов и трубчатых балок, с которой часто открывался вид в открытый космос.

У сервиторов не было самосознания, поэтому их не могла беспокоить иллюзия

бесконечного падения вниз. Каспел заходил на леса, только когда срочно требовалось его присутствие.

Работа сегодня шла хорошо. Сервиторы могли быть ненадежны, но под правильным наблюдением и с точными инструкциями, как обнаружил Каспел, их многочисленные руки — и другие механические конечности — легко управлялись с несложным ремонтом. Чувство открытости из-за разрыва в обшивке нервировало его, и Каспел ощутил облегчение, покинув двигательный отсек и вернувшись в более темные секции технической палубы.

В течение следующего часа Каспел бродил по темным коридорам и шахтам доступа, оплетавшим механизмы огромных двигателей, но большей частью на ногах, но периодически используя три механодендрита, присоединенных к его позвоночнику, чтобы забраться в труднодоступные места. По мере продвижения он отмечал ход выполнения работ и раздавал новые инструкции

технолатам, время от времени
останавливаясь, чтобы произвести нужный
ритуал или вознести молитву.

Срезав путь между двумя уровнями по
воздуховоду — при этом его
теханогендриты находили опору там, где
не стогли бы человеческие пальцы —
Каспел прочитал несколько
диагностических заклинаний, ритуально
прорабатывая процессы работы двигателя,
и произвел церемонии, которые вернули бы
каждую отремонтированную часть
обратно на связь.

Что-то было не так. Работа
продвигалась, но системы не отвечали, как
должны были — целые области, которые
должны были выйти на связь, все еще
молчали. Странно.

Каспел выпал из шахты и
приземлился на палубу — пластины пола
лязгнули под его весом. Коридор, в который
он попал, был, фактически, трубой,
облицованной по стенам и полу толстыми
плитами пластали. Более богатые
украшения в Утперском стиле были
прибережены для другого конца корабля.

где жили и работали офицеры. На технических палубах практичность стояла выше эстетики: трубы и кабели, словно нитки, уходили внутрь и наружу из стен, неподписанные двери вели в небольшие рабочие помещения, полные когитаторных терминалов и запасных деталей.

Каспел разгладил толстую красную мантию, которая покрывала его утилитарную кожаную спецодежду, и собирался следовать к следующей точке своего инспекционного маршрута, когда заметил руку, торчащую из ниши в стене дальше по коридору. Это была мясистая рука, завершающаяся простым клешнеобразным придатком.

Он приблизился и обнаружил одного из сервиторов, тяжело осевшего в нише, с головой, свешенной набок, пеной у рта и расширенными глазами. Не было ничего необычного в том, что сервиторы выходили из строя, теряли связность мышления, и их выбрасывали в костос, но в удивительном выражении этих глаз было что-то,

что заставило Каспела помедлить.

Он переключил зрение в аугментическом глазу на тепловое и рассмотрел сердце сервитора -- торопливо пульсирующую массу в груди, которая интенсивно накачивала кровь. Легкие также работали сверх нормы. Как будто бы... Каспел опустился на одно колено и перекатил сервитора на живот. Ручкой в перчатке он провел по имплантатам на задней части шеи -- механизмам, которые превращали выращенного в баке гуманоида в роботоподобное существо, способное выполнять простые задачи. Пальцы Каспела нащупали то, о чем он и подозревал -- аккуратный разрез был проделан в одном кабеле, и провода внутри поменяли местами.

Это изменение было простым, но специфическим -- оно отменяло действие нейроглушителя, который не давал сервиторам отвлекаться из-за физической боли. Кто-то очень точно изменил это бесчувственное существо, чтобы заставить его испытывать сильнейшие страдания. Каспел вырвал кабель, а затем

отсоединил еще пару связей, отрезав поступление энергии к мозгу. Сервитор какое-то время согрозался, а затем умер.

Поднявшись на ноги, Каспел поправил себя. Сервитор никогда не был живым. Как бы то ни было, о таком явном саботаже нужно было сообщить. Он попытался воксировать главе службы безопасности корабля, но ничего не услышал, кроме шума статики. Попробовал связаться с другими офицерами или выйти на открытый канал, но там был все тот же шум.

Нет, это была не совсем статика. Звучало это похоже на случайные помехи, но Каспел смог различить повторяющиеся паттерны. Этот сигнал давали намеренно, блокируя связь.

Кто-то изолировал технические каналы.

Каспел был технопровидцем, не воином. Хотя он и получил азы науки владения оружием, сперва на Марсе, а затем по пути на флот, эта тренировка нужна была лишь для выполнения базовых требований к любому подданному Бога-Императора — чтобы, оказавшись в

сражении, любой человек мог поднять оружие павшего воина и сражаться до последнего. Если бы корабль брали на штурм, Каспел имел достаточно квалификации, чтобы подобрать болт-пушечный пистолет и несколько раз выстрелить во врага.

Это... Каспел даже точно не знал, какого рода была ситуация, в которую он попал. Ему нужно было проявить осторожность и выяснить, насколько широко распространяется изоляция. Он нашел в алькове когитаторное устройство и запустил несколько простых программ диагностики. Не только связь между технической палубой и остальными частями корабля была блокирована, переборки между ними также были загерметизированы. Каспел попытался устранить эти препятствия, но обнаружил, что его выкинуло из нужного меню, а на экране замигал «шум».

Это мерцание помех означало только одну вещь: мусорный код, хаотические данные, введенные в когитационные системы корабля, чтобы вызывать нарушения работы, в данном случае

незримое блокирование связи на борту.

Дыхание Каспела участилось под маской: Агентус Механикус считали создание и использование мусорного кода мерзостью, серьезным преступлением против машинного духа. Каспел был технопровидцем, его призванием были машины и тяжелые механизмы. Он знал некоторые ритуалы и практики обслуживания когитаторов, но даже близко не представлял, как расстроить и вычистить мусорный код. Каспел не мог добиться ничего большего от когитатора.

Машинный дух «Божественной святости» был под угрозой осквернения, и, похоже, Каспел был единственным, кто мог попытаться его спасти.

Каспел ступал тихо, насколько мог, следуя по изогнутому коридору. В траектории ничего не было видно и почти ничего не слышно, кроме приглушенного бульканья густого охладителя, текущего по присоединенным к стене трубам, которые тянулись до самого генераториума. Охладитель вытягивал излишний жар из

генераториума, а затем нагревшаяся жидкость утекала к краям корабля, где близость к холодной пустоте космоса снова понижала ее температуру.

Каспел приближался к одному из тех мест, куда он установил работать сервиторов. Он мог слышать шипение сварочных аппаратов, что соответствовало задаче, поставленной Каспелом, но, тем не менее, он оставался настороже и еще более заметил свой шаг. В этом месте требовалась тяжелая работа, и различные инструменты были приставлены к стене, выстроенные по размеру, так что даже менее эффективные сервиторы могли понять, какой требуется. Каспел осторожно обошел сложенные друг на друга пласталевые панели.

Затем на краткий миг одна из сварочных горелок за углом зрелищно похлнула, и яркий оранжевый свет поглотил коридор впереди, отбросив на стену густую черную тень. Это были силуэты двух фигур — одна, приземистая, принадлежала сервитору, который висел,

сознавшись, как будто его приковали цепью за запястья, а другая была выше, неестественно тонкая — она стояла с расставленными ногами, подняв и вытянув одну руку с чудовищными остроконечными пальцами — или это были клинки? В те недолгие секунды, что коридор был освещен, высокая фигура взмахнула рукой, опустив ее прямо на живот другой. Затем источник света погас и тени исчезли, оставив лишь эхо звука раздираемой плоти.

Дыхание Каспела застряло в горле, ребризер его маски быстро заработал, нормализуя погачу воздуха. В голове стремительно сменялись мысли. Кем бы ни была эта вторая фигура, это был ни человек, ни сервитор. Ее пропорции, то, как она двигалась, все было просто неправильным. Чужим.

Каспел невольно сделал шаг назад, и позади раздался грохот металла. Он инстинктивно обернулся и увидел, что наткнулся на стопку панелей.

Всякое чувство облегчения рассеялось, когда он осознал, насколько громким

должен был быть этот звук. У Каспела едва оставалось время, чтобы оглянуться назад в коридор и увидеть стройную, поблескивающую фигуру, как будто вырезанную из теней, стремительно движущуюся к нему. Ее движения были грациозны, почти беззвучны, — ноги едва касались металлической палубы, — однако наделены ужасающей скоростью и силой. Фигура из теней подняла одну руку, обрушиваясь на Каспела, и он увидел, что та действительно носила нечто вроде снабженной клинками перчатки.

У Каспела не было времени, чтобы что-то сделать, он ступил назад и споткнулся. Механогендриты инстинктивно вытянулись позади, смягчая падение и подталкивая его, возвращая на ноги. Каспел не попытался встать или убежать, а перекатился вбок, к другому краю коридора.

Чужак — и это несомненно был чужак — что-то невнятно пробормотал от разочарования, когда Каспел уклонился от его первого удара, а клинки на руке широкоим взмахом прорезали стену.

проходя через пласталь, как через бумагу. Эффект мерцающей тени вдруг мигнул и рассеялся, как помехи на экране когитатора, и Каспел впервые смог как следует рассмотреть врага.

Перед ним стояло существо в хитиноподобном черном доспехе, с углубленными, мертвенно-бледными чертами лица. Длинный, жестокий рот был сведен в гримасе злобной досады, глубоко посаженные глаза расширены от ненависти.

Каспел никогда не видел одного из них раньше, но распознал, кем являлось это существо: эльдар. Когда высокий ксенос двинулся к нему с пугающей скоростью, Каспел схватился одним из механогендритов за охлаждающую трубу на стене и подтянулся, встав на ноги. Затем, секунду спустя, Каспел изо всех сил толкнул себя в сторону, и снова когтистая рука эльдара прошла через пустое место, где он только что стоял.

На этот раз, впрочем, эльдар прорвал не только стену — когти его руки вонзились в одну из труб с охладителем.

Из пяти глубоких разрезов на трубе высвободился жидкий затораживающий гель, накачиваемый под высоким давлением, и брызнул в коридор.

Эльгар закричал — нестройный, жуткий, нечеловеческий звук — когда в него на полной скорости ударила затораживающая жидкость. Он зашатался, водяные частицы в воздухе вокруг него стерзлись, и облако пара поглотило его.

Столь сильный холодовой ожог убил бы даже самого сильного из людей, однако Каспел не желал идти на какой-либо риск. Он подобрал один из гаечных ключей, приставленных к стене, и, держа инструмент обеими руками, размахнулся по широкой дуге и привел его в контакт с головой эльгара.

От удара она разлетелась дождем обледенелых фрагментов, которые застучали по полу и стенам, рикошета во всех направлениях. Выброс охладителя намертво заморозил всю голову, сделав ее хрупкой.

Безголовое тело эльгара тяжело

рухнуло на пол — в смерти вся его текучая грация исчезла. Кожистая перчатка и большая часть предплечья также разбились на замерзшие частицы и почерневшие куски, которые закрутились по полу.

Предохранители в охлаждающей трубе зашипели и закрыли поврежденную часть, переводя поток на дополнительные трубы. Температура в коридоре восстановилась до нормальной, дымка рассеялась.

Каспел упал на колени. Гаечный ключ в его руках казался тяжелее, чем вообще мог быть. Едва не попался. Он не был подготовлен, а вероятность того, что импровизация с охладителем сработает, была ничтожно мала. Мenee практически мыслящий человек сказал бы, что ему «повезло».

Опираясь на ключ, Каспел поднялся на ноги и взглянул сверху на безголовый труп эльгара. Значит, вот он, враг. Даже мертвый, безликий и недвижимый, он вызывал отвращение — от бледной обнаженной кожи до неестественного

блеска черной брони.

Каспел сказал себе, что нет смысла осматривать тело, что доспех слишком тесен, чтобы скрывать какое-либо оружие, поэтому разбитой перчатки, и что если бы даже у эльгара были какие-то планы, Каспел не смог бы читать на их языке. Но он знал, что это всего лишь оправдания — он не мог бы заставить себя прикасаться к телу, вступить в прямой контакт с пришельцем.

Он узнал этот черный доспех и его мерцающую защиту по рассказам и инструкциям. Эти «телные эльгары» были заняты Хаосом и совмещали способности и выучку своего воинского наследия с непредсказуемой жестокостью телных сил.

Каспел, напротив, не был воином, он был работником, обслуживающим машины. Любая попытка вступить в прямое противостояние с эльгаром закончилась бы поражением, и тогда «Святость», ее миссия, ее команда и ее машинный дух были бы обречены.

Ему нужно было убивать их иными

способами, использовать собственные
методы и машинерию, в которой он был
экспертом. Эти эльгары были
оскорблены для машинного духа
«Святости», и этот дух должен был
предоставить средства для их
уничтожения.

Если бы другие эльгары были
в близости, они бы уже атаковали. Каспел
чувствовал в себе достаточно
уверенности, чтобы пройти по коридору до
того места, где вынужденный сервитор
свисал с потолка. Каспел проигнорировал
его, подобрал брошенный сварочный
аппарат, который медленно проплавливал
дыру в полу, отключил его и отбросил в
сторону. Это устройство пригодилось
эльгару для попыток, однако требовало
слишком малого расстояния, чтобы
представлять какую-то пользу для
Каспела.

Он не мог рисковать, вновь используя
охладитель, потому что эти трубы
могли выдержать лишь определенное
количество повреждений, прежде чем
система начала бы давать сбои и

появилась бы угроза критического перегрева. Но были и другие механизмы, которые могли помочь.

Глубоко задумавшись, Каспел подобрал сварочный аппарат, который только что выбросил, и начал отвинчивать панель сбоку инструмента.

Генераториум был крупнейшим помещением на инженерной палубе, которое занимали генераторные блоки, монолитные структуры, выстроенные в линию в одном конце комнаты. Каждый приземистый блок был металлическим сверху и снизу, а посередине имел прозрачные панели, за которыми было видно, как курсируют мощные потоки раскаленной добела энергии, треща вокруг светящихся от нагрева элементов. В открытом пространстве перед блоками отдельно стояли когитаторные терминалы, показывающие поступление энергии, а клепаные колонны простирались от пола до потолка, укрепляя все помещение. Огромные кабели, покрытые мощной изоляцией, тянулись от блоков и

проходили в стены, полы и потолки, подавая энергию во все части корабля.

Другие терминалы стояли вдоль стен по обеим сторонам от блоков, а прямо напротив стену усеивало полдюжины вентиляторов с широкими лопастями, которые находились в просторных воздуховодах — все они пока что не работали, но могли вытянуть воздух из комнаты в считанные секунды, если бы это потребовалось. Каждый вентилятор был закрыт тонкой проволочной решеткой и установлен на высоте лица.

Генераториум не был тихим местом — непрерывающееся гудение энергии, заточенной в генераторных блоках, наполняло воздух. Каспел прошел внутрь через дверь в тени блоков, и, хотя мог услышать повышенные голоса поверх гудения, не мог различить ни слова.

Медленно продвигаясь вдоль блоков к этим голосам, Каспел начал различать слова. Было слышно два голоса, оба — тужские, но ни один не был человеческим. Они говорили на Имперском готике без

заметного акцента, и их речь была как-то странно неестественна, как если бы они выучили язык, ни разу его не слышав.

— Давай попробует снова, — сказал один. — Как восстановить погачу энергии? — голос был бесконечно утомлен, как будто разговаривал с ребенком или домашним животным.

— Скажи сейчас же, — потребовал другой, более резкий голос. — Тогда мы сделаем это быстро.

Послышался рваный, сбивчивый звук, а затем третий, человеческий голос слабо заговорил.

— Я сказал вам... я не знаю, — пауза, еще один надрывный вздох, — и если бы я знал, вы могли бы...

Тяжелый кашель оборвал оскорбление. Каспел узнал по голосу Валлона, одного из помощников капитана, который проводил большую часть времени, передавая приказы по «Святости». Без сомнения, он был послан вниз на инженерную палубу, чтобы проверить работу Каспела, только для того, чтоб попасться эльдарам.

Каспел не сомневался, что Валлон

говорит правду — если он сам не смог
разобраться с проблемой подачи энергии,
то не имеющий отношения к технике
офицер тем более не мог бы это сделать.

Когда эльгары поймут это, Валлон
умрет. Времени оставалось немного.
Каспел проверил небольшой мешочек с
жидкостью, привязанный к поясу, и
аккуратно отвязал его. Мешочек был
герметично запечатан, но его содержимое
было нестабильно. Он осторожно взял его
рукой в перчатке.

Подготовившись, он заглянул за угол.
В пустом пространстве перед блоками
стояло лишь двое эльгаров, возвышаясь над
Валлоном, привязанным к одной из колонн,
подпиравших потолок. Валлон, который
почти лежал на полу, с руками,
закрученными назад, за столб, с вызовом
смотрел на эльгаров снизу вверх. Его
униформа была разорвана спереди, лицо и
грудь были усеяны порезами и
кровопоотечениями.

Каспелу снова повезло, так как
эльгары стояли спиной к нему, повторяя
свои вопросы со все большей

требовательностью. Более лаконичный эльгар опирался на украшенный посох, в то время как другой был вооружен угрожающе зазубренным клинком. Оба носили ту же черную броню, что и уже уничтоженное Каспелом существо.

Он быстро изучил комнату, прикинув расстояние. Его технический ум быстро рассчитал, что требуется. Это было возможно -- едва-едва.

-- Скажи нам то, что мы хотим знать! -- прошипел эльгар с клинком. Он двинулся так, как будто хотел вонзить в Валлона свое оружие, но это было лишь притворство -- вместо этого он убрал клинок и ударил пустой рукой, понав ее тыльной стороной по лицу Валлона. Шипы на перчатке эльгара оставили неглубокие порезы на его щеке.

Каспел вышел из теней, настроив звук в воксе своей маски для наибольшего эффекта.

-- Спросите меня, -- сказал он, и его синтетический голос эхом разнесся по комнате.

Его слова имели ожидаемый эффект.

Эльдары резко развернулись, слишком хорошо натренированные, чтобы показывать удивление или досаду, или, возможно, слишком иные, чтобы хотя бы чувствовать эти вещи. Они не ответили, но отреагировали, направившись к Каспелу в тот же миг, как отметили его присутствие.

Но Каспел двинулся первым, побежав не к эльдарам, а к дальней стене помещения, где гряда ящиков лежала под огромными вентиляторами-экстракторами. Эта стена была несколько ближе к Каспелу, чем к эльдарам, поэтому он имел преимущество на старте.

Не оглядываясь, он продолжал бежать. Они должны желать взять его живым, узнать то, что ему известно, или, по крайней мере, он на это надеялся. Если же он был неправ, выстрел в спину свалит его довольно скоро.

Добравшись до ящиков, Каспел запрыгнул на один из них, который был лишь в треть его роста высотой. Когда он карабкался на следующий, эльдар с посохом

метнул свое оружие. Носох пробил лантию Каспела и воткнулся в один из контейнеров, едва не угодив ему в бок.

Ткань порвалась, когда Каспел забрался выше, и он обругал себя за то, что не бросил лантию раньше. Пока его пальцы искали опору, он при помощи механогендритов рванул тонкую защитную решетку с вентилятора. Она поддалась с первой попытки, заклепки вылетели и дождем посыпались вниз.

Горизонтальная шахта была вдвое выше человеческого роста, и три близко размещенных вентилятора отделяли Каспела от следующей решетки, за которой шахта резко опускалась вниз к следующей группе вентиляторов, а затем выходила в отводную трубу, выбрасывающую пары прямо в костос. У каждого из трех вентиляторов было по шестнадцать лопастей, и Каспелу приходилось осторожно маневрировать, чтобы протиснуться между ними. Пробираясь меж бритвенно-острых лопастей первого вентилятора, который располагался лишь чуть дальше начала

шахты, он остелелся глянуть назад. Вооруженный клинком эльгар был уже вблизи и готов ударить. Каспел убрал обутую в сапог ногу как раз перед тем, как меч опустился, и вкатился в промежуток между первыми двумя вентиляторами.

Каспел кое-как поднялся на ноги в этом узком пространстве и начал протискиваться меж лезвий следующего вентилятора. Он поскользнулся на промасленной, изогнутой поверхности воздуховода и, защищая себя, поднял руку, врезавшись в лопасть вентилятора. Лезвие прорезало один из рукавов его спецовки и слегка задело левую руку, пустив кровь. Он поморщился.

Впрочем, Каспел быстро собрался. Остался еще один. Он обернулся и увидел, как меченосец грациозно проходит между неподвижными лопастями первого вентилятора, изгибая свои тонкие конечности, как натренированный гимнаст.

Промежутки между вентиляторами были невелики, и Каспел оказался у последнего вентилятора сразу же, как

только прошел через второй. Подавив опасную спешку, он протиснулся между лезвиями. Один из механогендритов звякнул о лопасть, но он прошел.

Каспел встал спиной к проволочной решетке, отделявшей его от отвесно уходящей вниз трубы, в руке у него был мешочек с жидкостью. Эльдары уже почти что настигли его, меченосец уже проходил через второй вентилятор, а его товарищ следовал в шаге за ним.

Каспел швырнул мешочек между лопастей, и тот угодил в стену воздуховода прямо у второго вентилятора. Содержимое брызнуло в стороны, заливая все вокруг, и тут же вспыхнуло.

Каспел аккуратно сливал эту жидкость из сварочного аппарата, зная, что она весьма нестабильна, особенно в насыщенной кислородом среде. Эльдары слегка отшатнулись от огня, но не встревожились. Да и с чего бы? Они носили броню, а это было всего лишь слабое платя.

Однако слабое платя представляло опасность для чувствительных устройств боевого корабля, и на нем ителись

системы, чтобы бороться с ним. Когда в шахте вспыхнул огонь, вентиляторы ожожили без предупреждения, мгновенно перейдя из полной неподвижности в стремительное вращение.

Каспела сдуло назад, на решетку, и тройные лезвия взрызлись в двух эльдаров, разрезая и броню, и плоть, и кровь без всяких различий. Решетка прогнулась под его весом, но выдержала, в то время как струя воздуха и останки эльдаров понеслись по воздуховоду, прошли через проволочные ячейки, соскользнули вниз по шахте и вылетели в космос.

Пламя самодельного зажигательного снаряда быстро выдохлось, и вентиляторы прекратили движение так же резко, как начали. Каспел моргнул, вытирая кровь с линз своей маски. Не обращая внимания на останки чужаков, размазанные по воздуховоду, он начал осторожно пробираться назад в генераториум.

У Валлона было сломано ребро и, вероятно, проткнуто легкое. Это не помешало ему говорить, пока Каспел его

развязывал.

— Пришел вниз, чтобы найти тебя, — сказал он, разминая руки и вздрагивая от боли. — Потом их группа появилась из ниоткуда. Я думаю, их еще несколько, включая предводителя. Они связали меня и оставили здесь, чтобы поиграть попозже. Потом, когда у них появились проблемы с техникой, начали задавать вопросы.

Валлон кивнул на вереницу небольших черных устройств, стоящих у подножий генераторных блоков. Каспел не заметил их раньше — в их почти лишенной черт черноте было нечто, что заставляло взгляд ускользать от них в сторону. Пока Валлон медленно пытался встать на ноги, Каспел изучил одну из чужеродных машин.

Это была коробочка с выгнутыми краями, на вид как будто сделанная из некоего камня или кристалла. Зубчатый орнамент в верхней части мог представлять собой устройство управления или же инструкции. Полупрозрачные кабели змеились из механизма, одни присоединялись к

различным точкам генераторных блоков, другие -- к соседним машинам чужаков. Следуя взглядом за кабелями, он мог видеть, что некоторые из них ведут наружу, в коридоры корабля.

-- Я думаю, -- сказал Валлон, -- это для того, чтобы двигать «Святость».

-- Да, -- ответил Каспел, -- полагаю, ты прав.

Темные эльдары владели собственными способами перемещения, едва ли понятными другим видам. Возможно ли подобное устройство, подпитанное достаточным количеством энергии, перетаскивать в космосе целый линейный крейсер? Каспел не мог ответить. Что бы оно ни делало, оно являлось еретической технологией, не принадлежащей к священным машинам Императора.

Каспел решил не трогать эльдарский механизм, поскольку не знал, какие побочные эффекты это может вызвать. Лучше оставить его там, где он сейчас, и сперва разобраться с непосредственной угрозой. Если эльдарам удастся переместить «Святость» в паутину

нуждней, корабль будет обращен на их нужды или растаскан по частям, а его команду превратят в бездушных, сломленных рабов. Неподходящие судьбы ни для машины, ни для людей Императора.

-- Куда они пошли? -- спросил Каспел.

-- Вниз, к двигателям, -- ответил Валлон, который бросил попытки встать на ноги и привалился спиной к колонне. -- Я... -- он снова закашлялся, и из угла его рта брызнула кровь.

Каспел кивнул.

-- Отдыхай. Твои ранения не смертельны, но могут убить тебя, если перенапряжешься, -- он обхватил Валлона рукой и помог ему перейти через комнату и сесть в кресло перед компьютерным терминалом. -- Ксеносы отключили связь с остальным кораблем. Рано или поздно на мостике это поймут и прорвутся к нам. Когда это сделают, ты понадобишься и ты живым, чтобы давать указания.

Валлон кивнул. Его кожа была бледна и блестела от пота, но он оставался офицером. Он будет держаться.

-- Я найду ксеносов и сделаю то, что

должен, чтобы остановить их.

Валлон снова кивнул, затем показал в темный угол комнаты, неподалеку от того места, где он сидел связанным.

— Они отобрали мой болт-пистолет, прежде чем я смог его использовать, — сказал он и прервался, чтобы сделать еще один болезненный вдох. — Бросили его вон туда. Он церемониальный, но работает.

Каспел кивнул с благодарностью и последовал туда, куда указывал Валлон. Он нашел его пояс с кобурой, грубо рассеченный пополам, когда эльдары сорвали его с офицера, но болт-пистолет все еще был на нем. Оружие было тяжелым, тщательно отполированным, с вычурными узорами, выгравированными на стволе. Оно было явно декоративным — награда за какие-то предшествующие бои — но могло оказаться полезным.

Кивнув Валлону на прощание, Каспел проверил магазин пистолета и покинул генераториум. Следуя за энергокабелями чужаков, он направился обратно к двигателем.

Хотя технопробудцы были более близки к работе машин, чем люди, Каспел, тем не менее, понимал, что шокирован, и что если он хочет продолжать действовать эффективно, лучше всего продолжать двигаться, действовать, не задумываясь. Однако ему пришла в голову мысль о том, как быстро изменилось его восприятие.

С момента убийства двух эльдаров при помощи лопастей вентилятора он был покрыт их засохшей кровью. Час назад даже мысль о капле крови чужаков, коснувшейся его, была для него ужасным образом, который следует немедленно подавить. Стычки с эльдарами изменили это. Да, ксеносы были ненавистной мерзостью, но, сколько бы отталкивающими они не были, не надо было опасаться их физических отличий. Угрозой являлись не их кровь, плоть и кости, пусть они и были отвратительны.

Нет, тем, чего, как Каспел знал, стоило бояться, с чем стоило бороться, были темные намерения чужаков и способность выместить свою волю на

человеческой расе. Их действия на корабле это продемонстрировали. Лишь небольшая группа проникла на «Святость», но они осквернили все на своем пути, пытались убить верного офицера Имперского флота, замятали когитаторы мусорным кодом и опоганили драгоценный источник питания корабля своими гнусными машинами.

Это было тем, чему Каспел всегда учился, но чего он никогда не испытывал — даже малейшее прикосновение Хаоса или легчайшее соприкосновение с чужеродным мышлением оскверняло, и любое их проявление необходимо было уничтожать силой и огнем. Каспел выучил эти абстрактные уроки уже давно, но только сейчас он понял, что они основывались на конкретных фактах.

Небольшое пятно скверны, не будучи устранено, может подвергнуть опасности все.

Каспел остановился, как вкопанный, мысли стремительно опережали его. Конечно, этот простой урок... это был принцип, по которому люди Империи жили и умирали, но Каспел раньше не

сознавал, что это может относиться и к
затруднительному положению корабля.
Теперь все это обрело смысл; он мог
понять, в чем проблема.

Один из двигателей «Божественной
Святости» вышел из строя — не только в
плане работы, но и в отношении
диагностики. Когнитивные механизмы,
которые компенсировали каждую поломку,
интерпретировали повреждение
двигателя как нарушение подачи энергии
и попытались перенаправить огромное ее
количество от генератора, чтобы
устранить мнимую неполадку. Благодаря
этой нелепой ошибке остальные
двигательные установки не могли
получить достаточно энергии, чтобы
сдвинуть корабль с места. Это, конечно,
было проблемой, но вместе с тем не гало
эльдарской паразитической технологии
работать, как следовало.

Две проблемы, два источника порчи в
машине. Вычистить оба, спасти все
целое. Элегантная простота, которая
сошлась, как огромные шестерни, с
щелчком встающие на место. Каспел

инстинктивно, с почтением дотронулся до золотой шестеренки Агентус Механикус, свисавшей с цепочки на его шее. Как всегда, машина предоставила решение, и техножрецу пристало следовать ее указанию.

Каспел ускорил шаг. Он знал, где будут эльдары, и знал, как справиться с ними.

Каспел вновь оказался там, где начал день — в помещении, где находилась поврежденная двигательная установка. Энергетическое поле, благодаря которому атмосфера не улетучивалась через разрыв в обшивке, по-прежнему мерцало на месте.

Проникнув в комнату и пройдя под переборкой, которая могла быстро упасть вниз и запечатать этот участок в случае утечки атмосферы, Каспел расслышал высокие голоса эльдаров и лязгание их бронированных сапогов о леса. Чужеродные кабели тянулись дальше по проходу и исчезали справа, в бреши на боку двигательной установки. Тела сервиторов, которых Каспел оставил работать на

повреждениями двигателя, валялись по
всему проходу, стремительно разделанные
на части эльдарскими клинками.

Как Каспел и предполагал, эльдары
работали над ядром поврежденного
двигателя, за пределами его зрения.

Справа от Каспела возвышалась
огромная шестиугольная двигательная
установка, по своему столь же
угрожающее, как разрыв в корпусе слева от
него, --- неясно вырисовывающаяся
структура, в которой находились
трансформаторы и другие механизмы,
превращающие чистую энергию в
ускорение, необходимое, чтобы
перемещать крейсер в космическом
пространстве.

Каспел не мог рисковать, закрыть
переборку за собой --- частично потому,
что это отрезало бы ему путь к бегству,
но в основном потому, что тогда эльдары
бы узнали о его присутствии, что сделало
бы его работу гораздо сложнее.

Линейные крейсера собирались в
космических доках, обращающихся по
орбите вокруг некоторых миров-кузниц

Агентуc Механикуc. Корабли строилиcь c почтением, на протяжении многих лет, технопровидцы и другие агенты без усталости работали над ними в пустоте. Работа неизбежно сводилась к сборке различных частей — компоненты создавались на планете внизу, поднимались на шаттлах, а затем устанавливались на костяк растущего корабля. Под своей обшивкой корабль был не просто машиной, но множеством машин одновременно, собранных в гармонии как единая сущность. Много частей и одно целое.

Каспел знал, что то, что однажды было собрано вместе, может быть разорвано на части. Повреждение корпуса уничтожило многие точки поддержки, которые закрепляли двигательную установку на ее месте в структуре крейсера. По оценке Каспела оставалось пять балок-опор, которые требовалось развинтить вручную. Сами по себе они были огромны, но рычаги управления ими было достаточно легко сдвинуть.

Когда он ослабит эти пять креплений, все, что останется сделать —

это разбить одну из многочисленных плазменных капсул двигательной установки. Все помещение окажется изолировано и очистится от атмосферы, и, без удерживающих его на месте опор, двигатель выкатится наружу, в вакуум.

Каспел мог сбить капсулу из прохода одним выстрелом болт-пистолета Валлона. Затем у него останется пара секунд, чтоб отступить обратно в коридор, прежде чем переборки опустятся.

Каспел начал взбираться по боку двигательной установки. Наконец он добрался до большой балки, торчащей из стены и глубоко утопленной в самой установке. Каспел нашел у нее сбоку красный высвобождающий рычаг и сдвинул его назад до упора. Раздался низкий металлический скрежет, который, по счастью, не привлек внимание эльдаров.

Столкновение с кораблем некронов разрушило еще одну поддерживающую балку на направленной наружу стороне двигателя, в то время как на другой стороне оставалось еще две нетронутые опоры. Используя и человеческие руки, и

теханогендриты, Каспел влез на верхнюю часть двигательной установки, пересек ее и начал спускаться с другой стороны, пока не добрался до балки, параллельной той, которую он только что отсоединил. Он повторил тот же процесс с рычагом, а затем опустился на противоположный проходной мост. Так тихо, как мог, он побежал к тому концу помещения, где располагался маневровый двигатель, вскарабкался вверх и потянул высвобождающий рычаг с той стороны. Оставалось немного, а именно две вертикальные балки, которые спускались с потолка к верхней части установки. Каспел снова взобрался на ее вершину и медленно начал пробираться по ней. Поверхность была не плоской, и ему требовалось использовать теханогендриты, чтобы поддерживать равновесие.

Он достиг первой вертикальной опоры и потянул рычаг. Все, что нужно было сделать -- высвободить последнюю балку, вернуться к двери и выстрелить в плазменную капсулу.

Почти завершив свою работу, Каспел начал осторожно приближаться к последней балке, двигаясь назад по верху машины, прочь от маневровых двигателей. В это время голоса эльдаров стали громче. Он близился к тому месту, где удар по корпусу наиболее сильно повредил двигательную установку, туда, где работали эльдары.

Каспел достиг последней опоры и потянул последний рычаг. Почти что сделано.

Он оставался наверху установки, быстро, но осторожно двигаясь в направлении выхода. Там, где двигатель был поврежден, ему приходилось пробираться между временными лесами, обеспечивающими доступ к требующимся местам. Он взглянул вниз, в паутину лесов.

В самом сердце двигательной установки работало двое эльдаров, за которыми наблюдал третий, явно бывший их лидером. Как и Каспел, эльдары осознали, что поврежденный двигатель не только остановил корабль, но и не

позволял им вытягивать энергию из генератора, чтобы замаскировать «Святость» в паутину путей. Они, похоже, нашли собственное решение и устанавливали сложный механизм в сердце поврежденного двигателя, используя раскаленные догуба высокоточные инструменты.

Каспел содрогнулся от этого последнего преступления против духа машины.

Предводитель, который снял свой шлем, демонстрируя жестокие черты лица и глубоко посаженные черные глаза, явно был недоволен ходом работы его воинов-техников; с властным видом он расхаживал по брускам лесов. Он дернулся влево, вправо, а затем, по-видимому, закатив глаза, посмотрел вверх.

Взгляд эльдарского главаря наткнулся на смотрящего вниз Каспела. Чужак пролаял команду своим бойцам.

Отбросив осторожность, Каспел нырнул под леса и побежал по верху машины так быстро, как только мог, все время стараясь не отступить. Позади он

мог слышать металлический шум — кто-то взбирался по лесам.

Он достиг края машины со стороны обшивки, и оставалось лишь небольшое расстояние до двери, ведущей к грузовой частям корабля, когда раздался резкий звук выстрела, а следом еще один. Что-то ударило о потолок возле головы Каспела и разлетелось вдребезги, но второй выстрел оказался точнее. Тонкий осколок кристалла вонзился в плечо Каспела, пройдя до самой кости. Ошеломленный болью, он скатился с верхней части машины, пролетел оставшееся расстояние и тяжело рухнул на мост внизу.

Какая-то часть его разума напонила ему, что эльгар используют отравленное оружие, но это была наименьшая из тревог Каспела. При падении он сломал ногу, а рука ниже раны в плече полностью онемела. Он слышал вопли предводителя эльгаров.

Каспел перекатился на спину и посмотрел в проход. К нему бежал эльгар, подняв оружие.

Ему оставались секунды жизни.

Времени не было, не было спасения.

Каспел сунул здоровую руку под мантию, нащупал болт-пистолет Валлона. Он огляделся и засек местоположение серебристой сферы плазменной капсулы, расположенной чуть дальше на двигателе -- ее металлическое утолщение выгибалось на боку машины. Каспел поднял пистолет, и в то же время его механогендриты потянулись вбок, к двигательной установке, нащупывая и хватая трубы и стойки.

Время как будто замедлилось, эльдар заносил свое оружие, а Каспел целился. Он не был воином, но был технопровидцем, у него были острые глаза и ум, чтобы рассчитать траекторию. Каспел нагавил на спуск.

Плазма выплеснулась волной неуправляемой голубой энергии, поглотив ближайший отрезок моста, который разлетелся на части, вышвыривая эльдара через разрыв в обшивке. Энергетическое поле зашипело, когда эльдар пролетел через него наружу, в пустоту, но осталось целым. Хотя Каспел находился прямо за

пределами выброса плазмы, настил по
ним выгнулся, и он остался мешком висеть
на боку двигательной установки.

Освещение изменило цвет на темно-
красный, загудел клаксон. Каспел услышал,
как с грохотом падают переборки, отделяя
помещение от остального корабля.

Затем началось — вся двигательная
установка отсоединялась от «Святости», с
грохотом высвобождаясь и выкатываясь из
своей камеры маневровыми двигателями
вперед. При ее движении пластмассовая
стена, отделяющая установку от
маневровых двигателей, разлетелась в
кучья, и атмосфера начала
стремительно покидать помещение.
Каспел увидел, как предводитель эльдаров
поднялся из разрушенной части двигателя,
только чтобы его вытащило в костос. По
тере того, как установка двигалась
наружу, ломая все на своем пути, леса
поверх поврежденных участков раскололись
на тысячи осколков, рассеявшихся в
костосе.

Каспел не видел, как погибли другие
эльдары, но ему это и не нужно было.

Никто не уйдет живым.

Крепкая хватка механогендритов удерживала его, не давая улететь, когда двигательная установка наконец выскользнула из «Святости». Затем Каспел воспарил в пустоте, свободный от искусственной гравитации корабля, цепляющийся за испорченную машину.

Воздуха больше не было, с ним исчезла и передача звука, и он слышал лишь собственное иступленное дыхание, отзывающееся эхом внутри маски. Герметичная маска со встроенным ребризером позволяла ему прожить в вакууме немного дольше, чем его врагам.

Линзы начали замерзать, но Каспел оглянулся и к своему удовлетворению увидел, что с устранением поврежденной установки оставшиеся маневровые двигатели снова заработали, запустаясь в автоматическом порядке проверки. «Святость» вновь ожила, ее машинный дух был в безопасности, а команда могла присоединиться к войне на другом фронте.

Как бы то ни было, война Каспела закончилась. Хотя его аулетика

позволяла ему какое-то время жить в вакууме, она не предоставляла защиты скафандра. Он покрывался изморозью. Если он еще дольше пробудет в костической пустоте, наиболее уязвимые части системы жизнеобеспечения растрескаются.

Впрочем, Каспел подозревал, что не проживет достаточно долго, чтобы это увидеть. Выбродившись из хватки «Святости», двигательный блок начал подвергаться воздействию силы тяжести планеты внизу. Каспел обхватил механогендритами механизмы позади себя и посмотрел вниз, на планету.

Очень скоро он вспыхнет, как только двигательная установка войдет в плотные слои атмосферы, и сгорит вместе со всеми частями двигателя, кроме самых устойчивых. Но на секунду до того, как его зрение уничтожил слепящий свет вхождения в атмосферу, Каспел максимизировал возможности своих аугментированных чувств, позволив потоку сенсорных данных поглотить его.

На мгновение Каспел оценил вид

чужого мира. Огромные серо-коричневые континенты, пестрящие лесами и прожилками горных хребтов. Моря и озера фиолетово-синего цвета. Обрывки облаков в атмосфере. Беспорядочная серая масса некогда великих городов, давно покинутых тем видом, каким бы он ни был, который ходил по этой земле.

Идая к своему первому и последнему соприкосновению с чуждой землей, Каспел не чувствовал ни страха, ни ярости, только восхищение перед масштабом и сложностью мира внизу, перед бесконечно изощренными механизмами вселенной, превосходящими знания и ритуалы его науки, которые для него навсегда останутся чужими.

Лица

Мэтью Фаррер

Переводчик: Dammung, вычитка:

Дэн

В конце концов Джанн не смогла сдержаться и вернулась обратно. Сгорбившись, она прокралась в красноватую тень башни с ржавым посохом из скрученного металла в руке. Воющая и грохочущая буря прошла два дня назад, и, как бы Джанн не прислушивалась, все, что она могла услышать, — лишь тихий хруст песчаных наносов под ногами и собственное дыхание, сухое и напуганное. В этот час, под этим углом, башня действительно казалась лишенной света глыбой черноты на фоне кровавого неба. Ни движения, ни голосов. Даже металлическая громада трубопровода была совершенно безжизненна.

Во время шторма низко стелющиеся ветра разгладили землю, и перед южной

дверью не было иных следов, кроме следов Джанн. Выписывая зигзаги и шатаясь из стороны в сторону, они вели из небольшого штормового люка и исчезали за одной из опор гигантского трубопровода, в том месте, где она провела всю ночь, съезжившись и вздрагивая, оставленная на милость странных и грязных видений. Следы уже более мягких и медленных шагов вели назад из укрытия и стелились за ней — шагов тихих, пытающихся красться, хотя Джанн и знала, что от этого не будет толку. Она должна войти внутрь и найти их там — их всех. Она должна будет показать свое... лицо.

Она тихо направилась к люку, двигая перед собой посохом то в одну, то в другую сторону, пытаясь придумать, как бы лучше им взмахнуть, если один из них притаился прямо за входом. Там будет темно. Единственные части башни, которые когда-либо достаточно хорошо освещались, — это диспетчерская наверху и жилой этаж. На какое-то мгновение эта мысль почти что вызвала у нее облегчение. Она подумала о темных

комнатах и залах, о темной стране, которую она никогда не видела, и летела над ней в тихой вышине, и о чужих горах, залитых серебряным светом... но этот образ разбил и искажил мысли, и силы на миг покинули ее. Она чуть застонала и подняла лицо к небесам, но там не было белой луны, которая могла бы ей помочь. Там должна была быть белая луна. Джанн никогда не видела луны какого бы то ни было цвета, но там должна была быть белая луна.

Она отвела глаза от неба и на миг замерла, колеблясь, на входе. Казалось, будто она вот-вот придет к пониманию того, что с ней происходит, но она моргнула, вздохнула — и все это пропало, как

(лунный свет)

дым, уходящий сквозь пальцы, и Джанн обнаружила, что проходит внутрь через люк, тяжело дыша, широко раскрывая глаза, так крепко сжимая свой посох, что его потраченная коррозией поверхность върызалась в ладонь. Она подвинула его ближе к себе, как трость, на которую

опираются при ходьбе, и это ее чуть ободрило. Не драгоценная луна, но тоже неплохо.

Грохот машин, скрытых в мощном фундаменте башни, ритмично отзывался в стенах. Это был глубокий ритм, ритм для прогулки, для медленного променада, пока еще не настало время танца. Скрытое значение этой мысли бросило ее в дрожь, но шаги, как раз в такт машинам, начали ускоряться. В крошечных клетках, высоко на рокитовых стенах, горели огни аварийного освещения, красные, как кровь, стывающая с неба, желтые, как искры, взмывающие с наковальни. Джанн больше не знала, чьи это были мысли.

Вглядываясь в огни, она, как ей показалось, почувала движение где-то в полутраке, но проход позади нее был пуст. Джанн повернула свое

(вправду ли свое?)

лицо назад, в залитый красным светом коридор, и ускорила шаг.

Она нашла Галларди в машинном святилище, как и рассчитывала. Он разбил яркие бело-голубые прожекторы,

которые Токуин всегда оставлял включенными для освещения зала, и теперь работал при том же тусклом красном свете, как в коридорах, через которые прошла Джанн. Он распахнул жалюзи, через которые можно было упасть вниз, в подземный инженерный шум машин здесь был куда громче. Революционные Вишнево-красные терцали и энергопоглотители и изоляционные трубки, добавляя свой свет и жар. Воздух был чист, но чувства Джанн говорили ей о легчайшей примеси дыма.

-- Брат? -- прошептала она. Галларди стоял к ней спиной, его крупные плечи ходили ходуном, полное тело качалось и сгибалось там, где жир свешивался над поясом. С другой стороны доносился звон металла о металл.

-- Брат?

В шуме святилища, исходящем от механизмов внизу и полудюжины машин Токуина, он никак бы не смог расслышать ее шепот. Однако его тело дрогнуло при звуке ее голоса, и он обернулся. Добрый Галларди с мозолистыми руками и

мягким голосом, с которым они так любили смотреть на закат с крыши башни. Он пел с ней песни (но какие песни? Почему она не может их вспомнить?) и... и танцевал... под шестью белыми лунами...

Но белых лун не было. Джанн никогда не видела луну. Она всхлипнула и сделала маленький шаг вперед. Ей нужен был его друг, благословенно знакомый и родной. Его тонкие ноги, которых он так стеснялся. Его брюшко со старым змеящимся ширпотом, полученным от расплавленного припоя за годы до того, как они впервые встретились. Его седая, бритая голова и его... его...

...лицо.

В руке у него был молот, и он его поднял.

— Я не могу приветствовать тебя так, как мне хотелось бы, моя прекрасная сестричка, — сказал он. Двигались ли его губы? На один миг Джанн поверила, что двигались, а затем — что все-таки нет. — Ты — всегда желанный гость в моем доме. Ты здесь в безопасности и знаешь об этом. Но я должен работать.

Позади него раздался пронзительный свист. Оставшийся без присмотра пресс для резки стали перегрелся и пытался отключиться.

— Мы не в безопасности, брат. Ни ты, ни я! — теперь она могла говорить достаточно громко, хотя слова и казались ей странными — высокими, невучими, почти что чужими. — Это снова происходит. Я слышала, как они дерутся наверху, на рабочем ярусе...

Ее память как будто поплыла, разбиваясь на части. Сцена драки между ее товарищами исказилась и наложилась сама на себя, как на пикт-экране, пытающемся показать сразу с полдесятка изображений. Но каждое из этих изображений приводило ее в ужас. Она не хотела их видеть.

— Он знает! Он... — она загнулась на имени. Круссман. Он поднимался из каждого ее воспоминания, воняя дымом лхоты и кровью, стекающей по его комбинезону и капавшей с руки. Один лишь его вид отозвался в ее разуме убийственным воплем, и все же она запиналась на его

имени, потому что не могла вспомнить...

(Крусстан ерзал на краю водительского кресла в высокой, тесной кабине подъемного крана, глядя на них сверху вниз.

-- Поднимается легко, как сон! -- воскликнул он, перекрикивая шум двигателя и лебедки. -- Видно, какую трепку получила эта штука. Кто знает, как далеко ее тащило бурей, пока она не добралась досюда?

На его лице расплылась широкая радостная улыбка. Это был лучший штуртовой лом, который они когда-либо...

-- Крусстан, -- наконец выговорила она, хотя, как ей показалось, она снова искадила слово, сделав его каким-то коротким, гортанным. -- Он знает... о тебе. Он знает, что ты здесь. Он знает...

Знает, что ты сделал. Знает, где мы находимся. Знает, что он должен сделать. Знает, что должно произойти. Ни один из ответов, которые возникали у нее в мозгу, не имел никакого смысла. Откуда-то со стороны, казалось, слышались легкие, как дуновение ветра, шаги и тихий стех.

Если Галларди и услышал их, то не подал виду. Красный свет аварийных ламп горел ровно, но как будто мерцал на его (не его настоящем)

лице. Мужчина вновь взвесил в руке свой молот и отвернулся. Джанн пошла за ним по машинному святилищу, переступила через труп Токүина, не взглянув на него.

— Он был слишком силен для меня, — сказал Галларди голосом, хриплым от печали, и дал одной руке упасть, указывая на свою ногу. — Слишком силен. Я вплавил собственное дыхание в мою сталь, и чем это мне помогло? Нет, нет. Все кончено. Я отдал последний Сабиле, но этот путь — не мой. Кровопролитие — его путь. Его душа там. А моя — здесь. Она привязана к этому месту.

Джанн посмотрела туда, куда он указывал. Ее зрение поплыло и раздвоилось. Она видела босую, бледную ступню Галларди, торчащую из-под манжеты стандартных рабочих штанов ржаво-бурого цвета, и видела ногу толщиной с колонну, обвитую мускулами, тяжелой,

как наковальня, разогранную и скрюченную
из-за страшных ран, которые нанес
Крусстан, когда притащил сюда
покалеченного и лишенного сил Галларди и
связал его цепями.

Крусстан никогда не бывал здесь,
внизу. Это место принадлежало Токуину.
Оно было свято для него. Место, куда он
приходил молиться и отправлять культ,
куда Галларди пришел как мастер. Жанн
понимала, почему они боролись, но не
могла понять то, что видела сейчас.
Темнокожий человек с большим,
изуродованным шрамом животом был так
же истинен, как и все ее воспоминания, но
все же она знала хромого мастера
наковальни так же, как все сияющие
черты своего собственного

(но ее ли на самом деле)

лица. Она качнула посохом в одной
руке и протянула другую к нему.

-- Я бежала и пряталась, -- сказала
она. -- Я... я думаю, что спала. Думаю, что
видела сны. Сны о нас. Не знаю, видела ли
сны о тебе и о... нем... -- она указала на
тело позади себя, не в силах вспомнить

для технопродвигца, с которым жила и работала на протяжении двух лет, -- или запомнила ли их. Я видела, как ты борешься с ним...

(-- Галларди! -- закричал Токуин. Аугментика закрывала глаза и нос агента, но его рот оставался плотью, не речевым устройством, и в его голосе слышался мерзкий органический страх. -- Прекрати это! Прекрати то, что делаешь!

Он закашлялся и согнулся, когда кулак врезался в его живот, затем выгнул инкрустированную медью вспомогательную руку, растущую из основания его позвоночника -- выгнул, как хвост скорпиона, чтобы заблокировать направленный вниз взмах пневмозажима, который Галларди стиснул в другом кулаке. Зажим с лязгом отлетел прочь, и рука со змеиной скоростью метнулась к подбородку Галларди, но то был лишь толчок, не удар. Токуин не понимал то, что происходило, он не сделал ту вещь, которую сделали все остальные, ту, которую память Джанн не могла собрать воедино. Токуин не понимал

неправильность этого, не понимал, почему Галларди должен был принять руководство кузницей, чтобы всё не оказалось фальшью, с чем даже она, в некоторой степени, заставила себя притираться.

Токун вновь толкнул Галларди и вцепился в него, и тот на какую-то секунду забился в хватке восьми механических пальцев, стиснувших его челюсть, прежде чем врезать зажимом по тонким сочленениям руки и страхнуть ее с себя.

-- Ты помешался, Галларди! -- Токун был машинным затворником, не бойцом, и теперь он ковылял назад по мастерской, дергаясь от обратной связи с поврежденной рукой. -- Ты испорчен! Джанн! Вы все! Где Мерлок? Заставьте ее снова взять на себя командование! Вы все испорчены!

Он отступал все дальше в кузню, и Джанн хотелось остановить его, объяснить, насколько неправильно он все делает -- со своим чужим голосом и странным половинчатым лицом, -- но Галларди вновь приближался к нему.

-- Эти вещи -- они свели вас с ума! Галларди! Джанн, да приведи же его в

чувство!

Одна из механизированных гидравлических тележек ожила и покатилась вперед. Токун пытался управлять ею так, чтоб приводной блок оказался перед Галларди, а зубцы вилок попали ему под ноги, но тот крутанулся, обогнул тележку, словно в танце, качнулся в сторону, оттолкнулся от токарного станка и оказался рядом с Токуном.

-- Сними эту вещь, Галларди, она разрушает твой разум, Галларди, послушай...

И тогда она убежала прочь, ибо ее друг натеревался до смерти избить технопровидца, и она уже видела, как рычал Крусстан, рубя руку Хенга, в то время как Хенг ухмылялся и хихикал, глядя на него. Она знала, что Сабилан попытается сделать все так, как должно быть, и уже знала, что должно произойти, даже несмотря на то, что не понимала, что вообще происходит. Она закрыла глаза руками и медленно пошла прочь, а позади нее Галларди начал убийство.)

-- Нас двое, -- сказала Джанн. Она

неслышно ступала, медленно обходя
Галларди по кругу, а тот прислонился к
сварочному станку, свесив голову. Джанни
могла видеть пот и сажу, покрывавшие его
кожу, устало опустившиеся плечи. Должно
быть, он работал всю ночь, без сна. Она не
могла себе представить, насколько он
изможден — но ведь он не мог устать,
работая здесь, разве нет? Это было его
место, его кузня, он был единым целым с
ней. Как этот труд мог его утомить?

— Мы ведём войну сами с собой, —
продолжала она. Галларди не пошевелился.
Это была глупая фраза. Он знал, что они
воюют. Разве он не ковал собственными
руками оружия этой войны? Но это тоже
не имело смысла, ведь она помнила, что
Галларди завладел кузницей день-два
назад. Каждый ответ был неправилен,
каждый вопрос был неверен. Она
продолжала ходить по кругу
сосредоточенными, ритмичными шагами.
Это приносило облегчение, словно
возвращая все происходящее к привычному,
знакомому.

— Не между нами, но внутри нас. Ты

можешь почувствовать это? Две вещи в тебе? Ты видел это во сне? Ты чувствуешь, что ты... не принадлежишь себе? -- Она на три четверти прошла круг, и движение как будто помогало ей находить слова, так как мысли выстраивались в одну линию, подобно лунат в небе. Она вновь подумала о том, как Галларди корчился и бился, когда полубытый гругой протянул металлическую руку и словно подтолкнул его

(но оно не выглядело как его)

лицо, почти что толкнул его с черена. Это что-то значило. Она была уверена в этом. Она позволила глазам наполовину закрыться и начала кружиться, заткнув свой хоровод вокруг Галларди. Даже при том, что она осознавала, насколько нелепы эти движения, круги внутри кругов успокаивали ее, помогали мыслям течь плавно и спокойно в берегах, которые казались знакомыми.

Она открыла глаза, и зрение ее прояснилось -- лишь на момент, но этого

было достаточно. Галларди стоял посреди
бесстысленного хора лязгающих,
наращивающих число оборотов машин,
механизмов Токуина с рычагами,
заклинившими в рабочих позициях, с грубо
приклеенными или припаянными к ним
фрагментами металла или пластекового
мусора. Огун уже перегрелся и прекратил
работу, два других злоеце гребезжали.
Пол был усыпан инструментами и
обломками. Контейнеры и подвижные
толки, где Токуин с почтением размещал
свои инструменты и запасные детали,
были перевернуты и разбиты, и их
содержимое кучами валялось рядом.
Посреди всего этого находился Галларди,
полуголый, с тусклыми глазами, грязный,
как животное, стоящий у рабочего
постамента и с грохотом обрушивающий
свой молот, как будто он был старым
кузнецом из хибары на окраине улья,
обрабатывающим железный клинок.
Однако вместо молота он размахивал
одним из тех тяжелых инфразвуковых
жезлов, определяющих плотность, которые
они использовали, проверяя на прочность

сегменты трубопровода. У датчика на
конце (который в тусклом свете гля
неясного зрения мог выглядеть как
навершие молота) уже треснула оболочка
и были видны разбитые внутренние
детали, а на постаменте лежал не
раскаленный докрасна кусок металла, но
раздробленный вдребезги габаритный
фонарь с подъездного крана.

Галларди вновь опустил
импровизированный кузнечный молот, и
повсюду разлетелись осколки пластика. Из-
за своих размеров и веса он никогда не был
особо грациозен, но Джанн постоянно
восхищалась мощной, уверенной
расчетливостью, с которой он двигался.
Теперь его движения были пусты,
судорожны, не как у живого существа.
Женщина попыталась прочесть выражение
его глаз, но, едва бросив взгляд на его
(нет, пожалуйста, чем стало его)
лицо, она закричала, завертелась на
месте, снова взглянула, но не смогла
стереть из памяти то, что уже узрела, и
выбежала из кузни. Если бы он крикнул ей
вслед -- даже назвал ее имя, даже просто

закричал бы без слов — может, она нашла бы в себе храбрость, чтобы остаться, но на нее вновь налетела скользкая, калейдоскопичная дымка, рассеивающая и раздваивающая мысли, и, хотя Джанн сопротивлялась ей, где-то в этой дымке ей явилось знание о том, что это было предопределено, это было правильно. Галларди был прикован к этому месту. Ее видения не изменят этого.

(— Сложит ли это поднять? — спросил в ее памяти Галларди. Они стояли и смотрели на вещь, которую нашли. Сложно было не смотреть на нее. Ее форма была в своем роде приятна для взора, скользившего по мягким изгибам и изящным виткам. Джанн подумала о странных зубчатых контурах грибов, которые росли в прохладных туннелях под беспорядочной застройкой города-улья, где они отдыхали после вахты, а затем подумала об очертаниях мускулистых рук и плеч парня, с которым она пошла на свидание, когда последний раз была там. Это заставило ее покраснеть, но никто из остальных этого не заметил. Круссан и

Хенз тихо переговаривались, Галларди просто разглядывал вещь. Она была искусственной, но все искусственные вещи, которые когда-либо видела Джанн, отличались тяжелым, как кувалда, высокомерием Утперского дизайна — тупые углы, твердые поверхности. Здесь же Джанн не могла найти ни одной прямой линии или плоской грани. Она не решалась подойти к этой вещи ближе — никто не решался до тех пор, пока они не расскажут Мерлок, что нашли, — но села на корточки и наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть ее. Если это были рукояти управления, то вот это должно быть сиденьем, а если это сиденье, то те штуки за ним были подножками, как на их багги для подъемного крана, на которые можно было вскочить и ехать. А позади, под спутанной мерцающей тканью, чьи цвета как будто рябили и дрожали в уголке глаза... двигатель? Механизм? Или контейнер? Что-то вроде ящика, пристегивающегося к мотоциклу? Джанн подумала, не было ли там груза, чего-то, что перевозили на этой штуке. И как

горько ей было сейчас, что они не разбили ее, не подожгли своими факелами, не проехали краном взад и вперед по этим контейнерам, расколов их в щепы, прежде чем кто-то успел хотя бы открыть их и заглянуть внутрь.)

Зрение Джанн помутнело от слез, пока она бежала вверх по лестнице, и она неправильно оценила ширину выхода. Концы скрученного посоха врезались в твердую рату, и женщина налетела на него поперек талии, согнувшись пополам — она не поранилась, но застонала от неожиданности. Посох выпал из ее рук, и она, согнувшись, упала на порог, неуклюже поползла вперед, не подумав о том, чтобы пододвинуть его.

Когда она вспомнила о посохе, то прижалась спиной к сухой, гладкой стене, и кое-как взобралась на ноги. Это был складской уровень, лабиринт узких троп, петляющих между темных нагромождений тюков, металлических бочек и ящиков. Опираясь на тяжелую пластиковую оболочку, прикрывавшую кучу фильтрующих устройств, она

взглянула на Джанн.

Высокий, чистый стех донесся из
открытой красной двери, ведущей в
кузницу, а у нее не было посоха. Дыхание
застрало в гортани Джанн, но она заставила
себя пошевелиться. Ее руки шарили в
воздухе. Место было захлещено, поэтому
посох -- и так неважное оружие -- был здесь
просто бесполезен, но все же его потеря
казалась слишком большой утратой. Она
сказала себе, что это была всего лишь
ржавая, бесполезная палка, пригодная
только для Токуиновой печи, где
переплавляли металл, но чувство,
что она утратила часть себя, не покидало
ее, и она переместилась подальше от
двери кузницы. Нагроможденные груды на
груды ящики и бочки были сплошь в углах и
острых гранях, без успокаивающих кругов,
и она чувствовала, как в груди что-то
толкается и дергается, желая эхом
повторить стех, который она услышала.

-- Он должен сражаться сам, --
прошелестел голос Мерлок у ее плеча, и,
хотя Джанн попыталась было дернуться и
закричать от неожиданности, она стогла

лишь вздрогнуть и выдохнуть. Джанн повернулась в пол-оборота, и Мерлок вложила скрученную палку ей в руки.

-- Не нужно оставлять посох в траве -- так же, как и копье, моя маленькая двоюродная сестра, -- прошептала Мерлок. Ее голос двоился, отдаваясь эхом. -- Хорошо было бы, если бы ты бежала рядом, тлашая, если б ты осталась со мной. Зеленое и белое над деревьями...

С точки зрения Джанн в этой фразе не было смысла, но слова возымели некую странную власть над ней, и она запрокинула голову, как будто могла посмотреть вверх, сквозь толстые стены и крышу, и увидеть ночное небо, где горело зеленое и белое...

Но Мерлок уже шла прочь, она стремительно двигалась в узком пространстве между кучами запасов. Джанн улыбнулась, плавно скользя ей вслепую, воображая Мерлок ночной хищной птицей, с клювом острым, как копье, с когтями, рассекающими воздух, с глазами столь же острыми, как когти, вперившими взгляд в чуть подкрашенную зеленым темноту. Но

стех, донесшийся из-за двери в кухню, больше не покидал ее голову, и она поняла, что сама хочет застыть и тихо запеть, безая туда и сюда.

— Вперед же, вперед, сестра! — раздался хриплый шепот охотника, идущего по следу, и Джанн ускорила шаг, несмотря на то, что знала, что это всего лишь тонкий голос Мерлок, доносящийся с другой стороны ящика с гигиеническими принадлежностями. — Вперед, к Великому Каирну! Мы прикоснемся к камню на удачу и вернется, чтобы охотиться на них!

География этого места разворачивалась в уме Джанн с тихой уверенностью сознания, но, пробегая между полком, неловко задевая посохом коробки и оборудование, она все больше и больше понимала, что место, через которое она бежала, было подобно фантому. Ее разум продолжал танцевать вдаль, в каком-то огромном лесу (она была уверена, что это называется «лес»; их последний начальник, предшественник Мерлок, читал книги и рассказывал про леса), летя между стволами деревьев

вверх, в густые кроны, скользя вниз, в
поглесок, легкий, как лунный луч,
следующий за свирепым ястребом.

Все места в этом лесу были знакомы
ей, их имена для нее облагали значением
талисманов. Великий Каурн, Древо Рук,
Плачущая Река, Небесный Очаг.
Великолепные места, дикие места — и
Джанн закричала, ибо сейчас она выневала
свои мечты в небе над лесом,
сопровождаемая хором музыки ветра, и
сейчас она шла неверной походкой в тесной,
захлащенной кладовке, глядя, как впереди
крадется ее полная, невысокая начальница,
сжимающая глинный обломок от какого-то
ящика, как будто это было копье, радующаясь
безумной красоте — Джанн не могла
убедить себя в том, что на самом деле ее
видит, — стаясь в темноте, в то время
как ее друг шаркает туда-сюда по кузнице
с кровью Токүина на руках — побитый,
искалеченный и... скованный?

Снова появилась та странная,
призрачная уверенность.

Скован? Она не видела никаких цепей.
Галларди убил Токүина и завладел

кузницей. Почему ее разум цеплялся за этот образ побежденного и скованного мужчины?

Шлеп, шлеп, шлеп -- Мерлок дошла до конца прохода. Начальница скинула с себя рабочие ботинки и ходила босиком, оставляя кровавые отпечатки -- что-то поранило ее левую пятку. Она покрыла машинной смазкой знаки своего ранга на куртке, и грубые гирлянды из разорванной ткани перехватывали ее лоб и бицепс. Она потрясла копьем, зажатым в одной руке. Другая кисть, осознала Джанн, болталась на конце сломанной руки.

-- Это неверный путь, -- сказала Джанн, преграждая посохом проход. -- Мэл? Мерлок, вы хотя бы знаете, где вы? Вы узнаете это место? Узнаете меня?

Женщина остановилась, наткнувшись животом на изъеденный металл посоха, затем отступила назад и взвесила в руке копье. Джанн едва не передернуло, когда сломанная рука Мерлок ударилась об угол ящика, но начальница, похоже, даже не заметила. В темноте ее

(как я вообще могла подумать, что

это ее настоящее)

лицо выглядело бесстрастным — может быть, немного настороженным. Узоры вокруг ее глаз и на скулах изгибались, как густая летняя листва, как крылья сокола.

— Что за странные вопросы ты задаешь, двоюродная сестра! Ты снова видела сны? Надо было спросить меня прежде, чем ложиться спать. Здесь есть места, где спать небезопасно, а твои сновидения слишком ценны для любого из нас, чтобы так рисковать. Враги пробираются в дикие места, сестра. Держись ко мне поближе.

— Мерлок, послушайте меня! Где вы? Вы можете мне сказать, где вы? Описать, где находитесь? Вы знаете, что произошло с Галларди и Токүином?

— Я... — начала Мерлок и выпрямилась. Ее сломанная рука все еще безвольно висела, но другая воздела самодельное копьё в позу, которая вновь вызвала в Джанн сводящее с ума дежавю. — Я бегу по следу, как луна и как ветер, тлдевшая сестра. Я — звук моего рога, я —

полет моего коня. Когда ночи холодают, а зеленая луна выходит в молчании и одиночестве, тогда я иду под ней.

Иные голоса, иные звуки. Что-то мелькнуло перед зрением Джанн, как призрак гололитического дисплея мигнувшего спустя после выключения. Мерлок как будто бы стояла в центре большей фигуры, чего-то высокого, закутанного в звериные шкуры, поднявшего сухощавую руку -- и его или ее слова сопровождали отдаленные звуки рогов и быстрого дыхания. Мерлок пыталась придать своему голосу силу и логичность, но Джанн чувствовала, что слова исходят и от того, другого силуэта. Их ритм пробудил в ней желание попеть, танцевать по кругу с высоко поднятым посохом, а потом смеяться и прыгать, зависая в воздухе, яркая сиять с высоты...

Ощущение было, как будто ее встряхнули и разбудили прямо перед полным погружением в сон: Джанн вырвалась из грезы, отшатнулась от крошки и немедленно ощутила вину за то, что не поверила этому чарующему голосу.

Прежде чем вина стогла убаюкать ее и снова вовлечь под его власть, она скрипнула зубами, сунула глаза, почти зажмурившись, и нанесла неуклюжий удар наотмашь по сломанной руке Мерлок.

Начальница застонала от боли, зашаталась, но не упала, и обломок ящичка остался зажат в ее кулаке так же, как посох -- в руке Джанн. На мгновение в темноте позади послышалось что-то, что могло быть вздохом или стешком, но когда Джанн приподняла голову и прислушалась, оно исчезло.

-- Я ранена, но не настолько сильно, чтоб не могла сражаться или исцелиться, -- сказала Мерлок, наполовину согнувшись, припав на одно колено, баюкая свою руку. -- Но ты видишь, Джанн?

Джанн покачала головой, не понимая и сразу не распознав иля, которое использовала Мерлок. Она была уверена, что ее иля должно быть глинное, мягче, лежащимся на язык скорее как нежная колыбельная.

-- Видишь, да? -- продолжала Мерлок. -- Видишь, как все это неправильно? Мож

владения, мои охотничьи тропы. Я
забралась повыше, чтобы выслатривать и
ждать моих врагов, а ветвь сбросила меня.
Не выдержала мой вес.

Чувствуя головокружение, Жанн
подхватила Мерлок под здоровое плечо,
помогла ей подняться на ноги и вытянула
шею, чтобы проследить за взглядом
женщины. Первой мыслью было то, что
эта конструкция, конечно же, не
выдержала веса — она смотрела на рванный,
растянутый брезент, лежащий поверх
наставленных друг на друга бочек с
дистиллированной водой, и кто бы мог
подумать, что коренастое, негибкое тело
Мерлок позволит ей вскарабкаться туда
без неприятностей? И все же ей казалось
совершенно разумным, что Мерлок
говорила о куче бочек, как об огромном
дереве, которое нанесло ей личную обиду,
поглотив под ней ветвь и позволив ей
упасть. Пагение. Пагение и боль. Жанн
глубоко вдохнула, потрясла головой,
напомнила себе о своей цели.

— Посмотрите на нее еще раз,
Мерлок. Пожалуйста, мэм. Разве это то,

что вы думаете? Посмотрите на меня, вы увидите свою двоюродную сестру? Я думаю, что уже почти поняла, что такое с нами происходит, мэм, уже почти сообразила, но вы поможете мне наконец это понять?

Она слышала свой голос, нагтреснутый и утешающий, почти плачущий, но ей, похоже, удалось нарушить ход береговых измышлений Мерлок. В ней теплом расцвела надежда. Она посмотрела другой женщине в глаза и выдержала ее взгляд. Пусть больше шломяет ее, подумала Джанн. Пусть она думает! Пусть увидит это, глядя в мое

(но ведь это даже не мое)

лицо.

Долгую секунду висело молчание, а затем горло Мерлок начало издавать тихий звук. Джанн наклонилась, ожидая услышать слова, но это был лишь слабый стон на выдохе. Джанн продолжала смотреть Мерлок в глаза, пытаясь игнорировать то, что ее чувства говорили ей о лице этой женщины, пытаясь извлечь понимание из ничего, просто

сосредоточившись.

— Джанн? — голос Мерлок больше не
звучался. Теперь это был обычный голос,
голос, который был знаком Джанн, но
слабый и сбивчивый. — Джанн, это ты? Я
не узнаю тебя. Что с нами случилось? Что
случилось? Мне больно, Джанн. Больно. Я
слышу машины в кузне. Где Токун?
Джанн?

— Мы идем вверх от кузни, — сказала
ей Джанн. — Вверх, на самый высокий
уровень, где находится эта вещь. Я знаю,
что мы... не всегда были такими. Я вижу
во сне, какими мы были, прежде чем нашли
ее. Я думаю, если мы все пойдем к ней, мы
сможем понять больше про этих людей в
тех снах.

— Вверх, — сказала Мерлок все тем
же тихим, похожим на детский голосом. —
Мы пойдем вверх, — она попыталась
протянуть вперед сломанную руку, но та
не могла полностью распрямиться. — Ты и
я. Вместе.

Мерлок не ослабила хватку на копье,
поэтому Джанн взяла ее, как могла, под
сломанную руку и попыталась помочь ей

идти.

— Мы пойдём вместе. Ты и я. Вместе в темноте.

Крахтя, Джанн довела Мерлок до конца прохода и вывела в более просторное место, где им было удобнее идти бок о бок.

— Ты и я. Идём в темноте, и это для нас не первое такое путешествие, нет, — сказала Мерлок почти что со смешком, от которого кровь Джанн похолодела. Этот звук как будто эхом отозвался во тьме вокруг них. Джанн как будто слышала мягкие, быстрые шаги, сопровождающие эхо, но кто теперь мог сказать, что происходило вокруг, а что было призрачной пантомимой в её собственной голове?

(— Галларди, Клайд, принесите пару поршневых захватов, — сказала Мерлок. Её голос, который никогда не был особенно силен, боролся с резким ветром на крыше башни, но в нём все же было достаточно стати, чтобы пресечь споры. — Токуин знает, что у нас находка, но ему нужно провести какое-то богослужение внизу, прежде чем он сможет подняться и

посмотреть на эту штуку. Мы начнем сами.

-- Мэт, Джанн полагает, что там внутри определенно техника, -- сказал Крусман, -- и я согласен с ней. Смотрите, тот глинный изгиб имеет очертания капота над двигателем, и если под него заглянуть, то там будут, я уверен, механизмы.

-- Я думаю, вы правы, -- сказала Мерлок. Мимо прошли Клайд, Галларди и Хенз, толкая подставку большого поршневого захвата, установленную на грохочущих колесах. -- Но техника -- это единственная вещь, на которую он должен взглянуть. Если то, что вы считаете механизмами, -- часть таинств Механикус, тогда нам лучше всего с самого начала их заговорить. Но все, что здесь есть и не является машинерией -- законная добыча филиалов Гильдий. Бюджет достаточно благочестиво, если мы сделаем все по форме и возьмем себе то, что принадлежит нам.

Это было то, что хотел услышать Крусман, и они с Сабиллой даже

аплодировали, когда захваты установили
рядом с той вещью, что они нашли, вещью,
похожей на глинный радужный наконечник
стрелы, которая выглядела такой
тяжелой, а на подъем оказалась столь
легкой, со странными приборами
управления и поручнями. Никто из них не
обсуждал в открытую яркие, похожие на
самоцветы кристаллы, вделанные в ее
гладкие изгибы: большинство бригад,
обслуживающих трубопровод в глубокой
пустыне, разделяли огни и те же
негласные суеверия о том, что нельзя
торжествовать над добычей, пока не
подписаны призовые документы. Но Джанн
поймала себя на том, что изучает их,
пересчитывает и размышляет о тех
штучках, которые, как она теперь была
уверена, были контейнерами для груза.
Когда Клайд отогнал остальных и взялся
за рычаги управления, металлические
руки распрямились с шипением поршней и
трехпалые захваты медленно
разместились над крышками
вместилищ...)

Джанн не хотела больше думать об

этом. Не хотела видеть снов, не хотела
вспоминать. Разве не ее сновидение начало
весь этот раздор? Ей снилось восстание
(хотя в этом и не было смысла), ей снилась
война между ними всеми (но это ли в
действительности случилось?), снилось
кровопролитие, которое свершилось из-за
того, что она рассказала о своих снах,
пророчество и исполнение его в одном
замкнутом, сияющем круге, подобном
кролке полной белой луны. Но она никому
не рассказывала. И не она увидела эту
вещь, загнанную ветрами под трубопровод.
Кто увидел ее первым? Они проверяли,
выдержали ли новые крепления на пилоне
171 сверхскоростные ветра вчерашней
песчаной бури, и дрон Токуна заметил
нечто, что не смог идентифицировать по
своим каталогам изображений. Они пошли
охотиться за этой штукой. Но Мерлок не
пошла с ними. И разве не Мерлок была
той, кто охотится?

Мысль о ее спутнице на миг вернула
сознание Джанн обратно. Мерлок все еще
бормotala себе под нос.

— О, мы бежали вместе, а призраки

тели в водонагах — ты помнишь? У
раздоры, когда вражда затаилась между
твой и моей черновласой любовью, и ты
всегда была спокойным голосом. Ты позвала
меня, когда появилось горящее железо в... в
дыму... и ты была звездой, по которой мой...
той посох, моя охота, мои грузы...

Та хрипая, гортанная нота вновь
прокрадывалась в голос Мерлок, как
охотящаяся кошка, незаметно
пробирающаяся сквозь чащу, но в то же
время она запиналась, искала слова, как
будто каждая тропка мыслей вела ее в
темноту. Это было в войне неправильно.
Мерлок была начальницей станции,
отдающей приказы, она должна была быть
тверда. Мерлок была единым целым со
своим дотом, быстрой, как ноги, бегущие в
диковой ночи, уверенной, как удар
охотничьего копья или пике сокола. Она
должна быть тверда, без всяких колебаний,
прячущихся за выражением ее лица.

Джанн все еще пыталась понять, что
значит эта мысль, когда взглянула вверх и
увидела фигуру, наблюдающую за ними.
Она держалась в свете, падающем в

лестничный колодец с жилого яруса, и там, где свет попал на нее, она как будто осыпалась перекрещивающимися искрами и нитями. Существо сделало полшага к ним, словно в танце, и вся его кожа растрескалась, загрожала и задвигалась, сияя разными цветами. На мгновение представление прекратилось, существо согнуло изящную ногу, чуть-чуть приподняло голову и лениво кубыркнулось назад в темноту.

Джанн стояла, тяжело дыша, ее голова звенела, как задевая струна, но мыслей не было. Сердце готово было забиться сильнее при виде этого создания, но кости хотели похолодеть от страха. Мерлок все еще мешком висела на ее руке, борточка, и из кузни донесся взрыв смеха и скрежещущий, отдающийся эхом грохот.

Джанн сдвинулась с места. Она забыла о том, чтоб поддерживать Мерлок, просто потащила женщину в неуклюжем полубега среди извивающихся, хихикающих теней. Мерлок загнулась у подножия лестницы, но потогла себе, опираясь на копые, и стогла удержат

темн. Взбираясь вверх, Джанн бросила
взгляд через плечо и увидела, как ее
начальница тяжело дышит в двух
ступенях позади, наклонившись вперед для
бега так сильно, что согнулась почти
вдвое. Фуражка Мерлок давно потерялась,
а коса расстрепалась, так что черные
пряди свисали на лицо, и Джанн резко
развернулась, чтобы снова смотреть на
ступени, радуясь, что не увидела

(я даже не могу вспомнить ее
настоящее)

лицо Мерлок в более ярком освещении
лестничного колодца. Ни один из разумов,
буйствующих в ее голове, не мог
предсказать, что они увидели бы без
милосердного полутрака затемненных
нижних этажей.

Свет становился ярче по мере того,
как они преодолели крутой поворот и
вскарабкались по второму пролету.
Дуговой светильник над дверью в жилой
ярус был поврежден — у Мерлок так и не
дошли руки, чтобы заставить Токүна
найти время для его починки — и поэтому
они вошли в разгромленное общежитие.

наполненное мигающим светом и плачет.

Плачущий голос принадлежал Клайду, и, встатриваясь сквозь мерцание и мигание света, падающего сверху, Джанн смогла его разглядеть. Он сгорбился в гнезде из спутанных штор и постельных принадлежностей, выгранных из отделений спального отсека и теперь забивавших собой проход. Посреди всего этого Клайд стоял на коленях, наклонившись к одному из сорванных карнизов для штор и приложив одну руку к лицу. Это была столь классическая поза скорби, что выглядела неестественной, как будто Клайд был центральной фигурой в одной из ярко освещенных «живых картин», которые актеры изображали перед храмами в ночи священных праздников.

При этом образе разрозненные мысли Джанн словно зацепились друг за друга и задвигались в согласии. Озарение было столь же мимолетным, как яркий лунный луч, копьем пронзивший облака, но столь же сильным. Она стряхнула со своей руки Мерлок и побежала по проходу настолько быстро, что как будто парила над

лүсором и обломками, и упала на колени у ног Клайда.

-- Клайд? Клайд, это я, -- хотя если бы ее спросили, кто это -- «я», она бы ответила с трудом. -- Клайд, все в порядке. Тебе не надо горевать. Мы не... не такие. Мы не... -- Это казалось таким ясным в тот сияющий, залитый лунным светом момент, но сейчас она едва подыскивала слова. -- Мы не те, кто мы есть, Клайд. Я думаю, что поняла. Я видела нас во сне, как... -- и голос застрял в ее горле, потому что она хотела сказать «нас самих» и хотела сказать «других», и оба этих слова были верны -- и ни одно из них не было верным.

-- Ты не понимаешь, -- сказал ей Клайд. Голос его был искажен -- грудной, урчащий, каким Джанн его знала все те годы, что они работали вместе, а не чистое контральто, которым, как она полагала, он должен был быть на самом деле. -- Он ушел, он... -- и тело Клайда начало сотрясаться, уже не в плаче, но в более глубоких спазмах. Он начал кричать, выплевывая слова почти что в визге.

— Умирающий-умер-он мертв-он все же умрет-он умирает!

Джанн пыталась удержать руки мужчины, тихо спеть ему нежные лунные песни, чтобы успокоить, и все же она не понимала. Он ушел, чтобы умереть. Кто ушел? Джанн не могла сконцентрироваться на имени — два различных звука скользнули в ее голову и тут же исчезли — но она знала, что он был (поборником-сыном-учеником-подчиненным-последователем) Клайда, и знала, что, кем бы тот ни был, он ушел на смерть. Он ушел сражаться. Он уже был мертв, и его оплакали. Он лежал, умирая, его раны были смертельны, а кровь — ярко-красного цвета, как луна, что начала прибывать по его смерти, чей свет оросил зеленую и белую луны и потопил в себе их красоту.

Он был всем этим, во всех этих состояниях, всегда идущий навстречу своей судьбе, всегда лежащий сраженным, лежащий мертвым. Во всех своих состояниях он был вне времени, как та сцена, которую они разыгрывали сейчас — скорбящий Клайд, Мерлок, нависшая над

нити с поднятым копьём, Джанн, стоящая на коленях и успокаивающая, рассказывающая о снах. Даже несмотря на то, что она боролась со слезами горя и страха, форма, принятая всеми тремя, казалась столь верной, как будто она совершала движения танца, для которого была избрана, еще когда ее собственная мать лишь ждала появления на свет.

Она, кажется, услышала легкий вздох узнавания откуда-то со стороны, но не могла разглядеть никого, кроме них трех.

Она снова взглянула на Клайда. Тот затоптался в зеленую штору и разорвал перед своей блузы так, что ее края теперь выглядели так же, как грубые гирлянды из рваной ткани, которыми украсила себя Мерлок. Он сбросил с себя металлический кошелек, знак статуса, и электротатировка, окружавшая его бычьей шею, символ посвященного Механикус мирского ремесленника, заметно светилась. Ее твердые геометрические очертания вступали в резкое противоречие с заостренными линиями его черт, изящных даже в

глубоком горе. Это было не
принадлежащее Клайду
(не больше, чем это -- мое)
лицо, но наконец-то Жанн подошла
к пониманию того, как так могло быть.
Она поняла, что вновь говорит, даже
не зная, есть ли у Клайда и Мерлок
достаточно разума за тем, что скрывают
их

(я почти могу вспомнить их)
лица, чтобы понять ее, но позволяя
словам изливаться из нее, подобно лунному
свету. Она говорила о том, как Галларди
забрал машинное святилище у Токуна из-
за шагов и песен, которые позвали его к
кузне. Она говорила о своих озаренных
лунной снах, превращавшихся в пророчества,
когда она рассказывала о них, и ее пальцы
скользили по изящно пересекающимся
кругам, вдавленным в ее странную,
хрупкую кожу. Она говорила о
воспоминаниях, которые видела во сне, и о
сновидениях, которые не могла полностью
вспомнить, о незнакомых, неуклюжих
существах, которыми они все когда-то
были, и их грубых именах (Галларди,

Клайг, Мерлок, Жанн — что это, как не хрюканье и гогот животных?), о злобной, низменной башне, которую они называли домом. Она говорила о храмовых «живых картинах», мистериях и лифических танцах, о празднестве Алисии Доминики, когда Святая встает перед королем с ликом, подобным солнцу, порой, чтобы обратить свой меч против предателя, порой, чтобы взмолиться за своих обреченных детей; о «Житии Махария», которое ее братья изучили до последнего слова, о генерале, что вел войну в небесах; о песни девяности девяти мечей и великом раздоре эпоху назад, когда рука убийцы сокрушила героя-мученика и размазала его кровь, столь яркую и алую; об историях шести великодушных воинов, что вышли живыми из этого великого бедствия, готовые передавать дальше свет своего знания.

Это были хорошие истории, сильные истории, и они пели в ее крови, танцевали так же, как она в своих воспоминаниях танцевала под светом луны, под звуком барабана и цимбал — даже несмотря на

то, что помнила, как все они плакали,
были и дерзано пытались плясать на
крыше башни, когда нашли
(я не хочу даже думать о них)
лица, взломали замки и нашли их, и..
Теперь всхлипывала уже Джанн, не
замечая удивленных взглядов остальных —
это была не ее роль, это были не ее па. Но
она кое-как погнулась и отбросила
скрученную палку прочь. У нее не было
посоха, не было ожерелья из лунного камня,
у нее едва ли оставалась собственная
личность. Но мере того как истории и
танцы кристаллизовались у нее в голове,
она чувствовала, как ее «я» разбивается на
фрагменты и ускользает. Джанн хотела
рассказать им, хотела прокричать им об
этом, но тяжесть понимания была
слишком велика, и все, что она могла —
это плакать над тем, что с ними
случилось. Она встала на ноги и
перескочила через Клайда лотаными
прыжком сломанного существа, которым
она стала, и побежала к ближайшей
лестничной площадке, все еще всхлипывая.
Позади нее Клайд и Мерлок заключили

друг друга в неуклюжие объятия, но Жанна не видела и не хотела их видеть. Теперь она понимала. Надежды не было.

Освещение рабочего яруса было отключено, и навстречу ей светили только приборы и устройства наблюдения. Она чувствовала, как обрывки ее разума извиваются и тянутся в двух противоположных направлениях, и на мгновение она прервала свой спотыкающийся бег, уставившись на чистую пластиковую конторку, за которой она сидела, сосредоточенно изучая метеорологические таблицы и карты дюн. Края воспоминаний вновь легко коснулись ее. Вот она сидит за этим столом с красными глазами, зевая, пока Мерлок настаивает на том, что маршрут для профилактического обхода должен быть готов к началу утренней смены. Вот она за столом, в пятнадцатиминутном перерыве, с кружкой горькой выпивки в руке, задыхается от слеза, в то время как Галларди и Крусман исполняют одну из своих коротких песенок, издевающихся над гильдийскими контролерами. Вот она

глядит на погодные авгуры и говорит Мерлок, что да, теперь они могут отправляться, можно двигаться безопасно, и продумывает маршрут туда, где приборы показали нечто, поднесенное бурей к самому трубопроводу.

Она не могла вынести эту мысль, мысль о том, что какое-то ее действие могло повести к тому, что произошло. Джанн тяжело привалилась к дверному косяку, подняв руки, чтобы заслонить стол и связанные с ним воспоминания, и, когда она опустила их, на столе было нечто, наблюдающее за ней.

Страх перед ним сочетался и смешивался с чувством того, что оно ей знакомо, так, что она не могла их различить. Она сглотнула и осознала, что делает шаг вперед, протянув в утиротворяющем жесте руку, которую ее страх затем стиснул в кулак. Высокое существо на столе, украшенное бахромой и увенчанное гребнем разных цветов, которые крутились и смешивались с воздухом вокруг нее, встало в позу и передразнило ее движения, а затем оно из

многочцветного превратилось в бесцветное, шагнув назад со стола и исчезнув из глаз, оставив ей лишь призрак стеха.

Это был не мираж, отрешенно подумала она, и не воспоминание. Что-то действительно было здесь, рядом с ней, возможно, оно все еще здесь. Что-то, что...

...но она обнаружила, что прогнала эту идею прочь прежде, чем та смогла вызвать какое-то напряжение в ее разуме.

За ними наблюдали, ничего более. Никто не делал это с ними. Они сделали это сами.

(Они молчали, один за другим спускаясь с крыши, и каждый нес один из своих странных новых трофеев. Их болтовня прекратилась уже после крика Крүссмана, но теперь молчание было почтительным, а не удивленным. Джанн подумала о давящей тишине, овладевшей толпами, наблюдавшими, как серые и белые знамена разворачиваются на шпильях улья через день после Дня Десятины. Размышляя о сером, белом и тишине, она почувствовала, как пустые глаза наблюдают за ней с той вещи, что она

тащила -- она знала, что это глупо. Слова
Крусмана -- «Здесь полно лиц!» --
вероятно, нервировали ее больше, чем она
сознавала.

И действительно, будучи разбитыми,
эти ящики оказались наполнены лицами.
Они были развешены, как картины, на
внутренней поверхности своих
контейнеров, и каждое было окутано
тканью меняющихся, рябщих цветов, --
Джанны никогда раньше не видела ничего
подобного. Некоторые куски ткани опали
при падении машины и разрушении
вместилца, явив взгляду то, что было
под нити. Не осознавая того, Джанна
потянулась к одному из них -- маске,
которая должна была туго охватывать
голову глинное и изящнее, чем у нее. Ее
черты выглядели необычно, стилизованно
и были размещены под таким углом, что
носитель маски, должно быть, всегда
казался чуть поднявшим лицо к небу.
Стилизованные серебристо-серые завитки
обратляли фарфорово-белое лицо, и в его
чуждых чертах все же читалась ласковая
и мудрая безмятежность, от которой

Джанны захотелось вздохнуть.

Она поймала себя на мысли и отступила назад, а затем огляделась и поняла, что все они отреагировали одинаково.

— Хорошо, найденное делится поровну, — сказала Мерлок из-за их спин, стараясь говорить по-деловому. — Все мы знаем правила.

И, как предписывали правила, Мерлок имела право выбирать первой. Она протянула руку и отцепила темно-зеленую маску, строгую и мужественную, с похожими на листья узорами на скулах и краях, разделенных таким образом, который, видимо, должен был вызывать мысль о растрепанной груше. Клайд протолкнулся следом, когда она отошла. Одна из этих грушек очень понравится сынишке его брата, пробормотал он, как будто ему нужно было оправдание, и потемделил секунду, прежде чем выбрать маску настолько же бледного и нежного зеленого цвета, насколько темна была маска Мерлок, осыпанную золотой пылью по краям и с единственным темно-синим

кристаллом-слезой, поблескивающим под
одним глазом. Джанн, равная Клайду по
рангу, поспешно схватила бело-серебряное
лицо. Оно, похоже, не нагревалось от
тепла ее рук и, несмотря на всю свою
легкость, не давало себя согнуть или
растянуть. Галларди взял маску
великолепного оранжево-красного цвета,
которая словно излучала собственный свет
и пульсировала, испуская желтые искры,
когда он поворачивал ее из стороны в
сторону. По краям цвет тускнел,
становясь черным, как железо, и Галларди
объявил, что он весьма доволен.

— Я, пожалуй, даже надену эту штуку
в мастерской, — широко улыбнулся он, — и
посмотрю, что скажет Токун.

Хенг пожаловался на то, что
останется последним, но Крусман
расхохотался и похлопал его по плечу,
разрешив ему быть следующим. Хенг
отошел от ящика с не слишком
счастливым видом, сжимая в пальцах
маску — яростную, грозно хмурившуюся,
чьи черты, на удивление Джанн, все же
каким-то образом оставались женственными.

Сабилла, погрузившись в размышления, держал в руках золотистую маску, очертания глаз и рта которой говорили о Джанни о молодости и решимости.

Крүссан был самым отчаянным. В задней части имелось три отделения, запечатанные так, что клещами их было так просто не открыть. Крүссан и так, и сяк изучил вмятины на корпусе рядом с ними и нашел способ вытащить то, что было внутри. Это была маска цвета старого, заржавевшего чугуна, покрытая грубыми узорами, которые могли быть потеками ржавчины или высохшей крови, представлявшая собой оскал такой неистовой злобы, что, когда Крүссан ее поднял, воздух вокруг нее как будто потемнел и остальные люди отшатнулись, словно их ударили. Какую бы шуточку тот не собирался отпустить, она утерла и соскользнула обратно в его горло.

Выражение лица этой маски напугало их всех, и, когда вновь поднялся ветер, и Мерлок предложила пойти вниз, они, не сознавая того, держались от

Крусстана как можно дальше. Он все еще улыбался и помахивал этой штукой перед собой, но Джанн могла поклясться, что она делает это через силу. Она ушла, чтобы сесть рядом с Сабиллой за пультом управления, где они налаживали канал связи с депо, и сидела у вокс-терминала, снова и снова крутя белую маску в руках.

Когда начались крики, Джанн ни секунды не сомневалась в том, что стало причиной. Крусстан не выдержал. Он надел свою маску.)

И Джанн вновь бежала, поднимаясь по ступеням вверх, на крышу, где странный транспорт все еще висел в хватке подъемного крана, хлестаемый ветром. Оба осколка мыслей, мечущиеся в ее голове, теперь кружили вокруг того воспоминания. Та вещь, которую они нашли, потерпевшая крушение машина и два контейнера, которые они не открыли. Солнечный свет, королевская власть, золотой меч. Наверняка там была помощь?

Она забыла о последних трех своих сослуживцах, но ненадолго. На крыше башни, на посадочной площадке, среди

лебедок и подземных кранов, Крусман и Сабилла сошлись в битве.

Джанн поняла, что несколько не удивлена. Это была лишь еще одна часть безумной фантастагории, даже при том, что она была так же неизбежна, как наступление ночи. Джанн кивнула себе, ныряя в укрытие под порталом подземного крана. Это было так очевидно. Все вело к этому.

В правой руке Крусман сжимал нож для резки кабелей, с которого сорвал защитный каркас. Намеренно ли, случайно («намеренно», — прошептал разум Джанн, все это было намеренно), он порезал и левую руку: лагерь блестела красным, и при каждом движении с нее неизменно капала кровь. Она ахнула от этого зрелища, не в силах отвести взгляд от кровоточащей руки; тощей водителем размахивал ею, выбрасывал ее вперед, словно угрожая, и театрально поднимал над головой, уравновешивая размахистые удары своего резака. Она знала, что увидит это, и должна была быть к этому готова — теперь всякий раз, как она

дугтала о Крусстане, казалось, будто окровавленная рука сжимает ей сердце. Но, конечно же, рука кровоточила из-за Сабилы, и, конечно, Сабилы был все еще жив?

И да, он был жив и сражался, хотя должен был знать, что он все равно что мертв с тех самых пор, как оставил плачущего Клайда внизу. Перебираясь из укрытия в укрытие, Джанн наблюдала за циклическим процессом их сражения. Двое кружились то вперед, то назад по широкому кругу посадочной площадки, и резак Крусстана взлетал в воздух, сталкиваясь с глинным керамитовым стержнем, который Сабилы взял из кузницы Галларди и которым атаковал Крусстана, словно мечом.

Резак зазвенел о стержень, и, хотя на звук удар казался несильным, Сабилы упал на одно колено. Крусстан запрокинул голову и завопил, вознеся зажатый в обеих руках резак над головой, и этот звук пронзил Джанн мучительной болью до самого сердца.

Она проползла меж баков

орнитоптерного топлива, а затем
стрелой бросилась за стойку подъемного
крана и выглянула из-за нее. Сабилла вновь
был на ногах и принял боевую стойку,
высоко, с вызовом подняв свой
импровизированный меч — Круссман же
воздел окровавленную руку и завыл. Вызов,
поражение, один меч, кровавая рука —
безвременный и вечно обновляющийся цикл,
нерушимый, как превращение лета в зиму.

Они вновь сошлись в схватке, когда
Джанн побежала по краю посадочной
площадки — Сабилла двигался
стремительно и отточенно, даже
несмотря на то, что его тонкие руки
грозили от изнеможения, Круссман же
отбивался, и в его движениях сквозила
дикая, яростная грация хищника. Теперь
Джанн могла видеть грубую фигуру,
которая престыкалась и сутулилась
позади Круссмана, пока тот ревел и
атаковал. Хенг следовал за Круссманом,
как тень, неуклюже сгибаясь, хватая
пальцами воздух и ударяя кулаком и
культей то туда, то сюда в маниакальный
унисон со столкновениями оружия. Всякий

раз, когда Сабилла падал и простирался на
полу, Хенг издавал визгливый,
пронзительный смех, который заставлял
Джанин поглубже забиться в укрытие. Она
знала, что произойдет, если Хенг
повернет свое

(но теперь я знаю, чье на самом деле
это)

лицо к ней и посмотрит на нее. Она
узнает ее имя, он опознает ее, захихикает
и окликнет, и с того дня каждый путь, на
который она ступит, будет вести вниз, и
каждый день тени будут придвигаться к
ней все ближе, и ночь придет, скользя
мягкой, как бархат, чешуей. В последние
мгновения, прежде чем ей удалось
оторвать взгляд и снова поползти прочь,
Джанин увидела, что Хенг тоже ранил
себя. Его толстые оголенные предплечья
были испещрены кровопотоками,
изборождены там, где он вонзал ногти в
собственную кожу, и следы зубов виднелись
на плоти его запястья под кюльтей,
оставшейся там, где Крусман отрубил
ему кисть. Это задело струну понимания
внутри нее, пустило в разуме волну

узнавания, словно звон серебряной музыки
ветра; но некоторые раны кровоточили, и
это было неправильно — настолько же
неправильно, насколько правильной была
вечно обновляющаяся битва между
Крусманом и Сабиллой. Дрожа, Жанна
прокралась к крану.

Оно было там. Лицо, которого они
еще не видели. Она была уверена, что в
нем был ответ. Теперь в ее разуме
всплыло половинчатое воспоминание о нем,
похожее на теплый свет солнца и голос ее
деда, мягкие, не имеющие значения слова
утешения для маленькой заплаканной
девочки, которая поцарапала ногу. Она
знала, что оно должно быть здесь. Она
могла чувствовать его.

Крусман снова взвыл позади нее, и с
его воем смешались два других — крик
неподдельной боли Сабиллы и вопль злобного
разочарования Хенга. Все, чего хотел
Крусман, — это завершить жизнь Сабиллы,
ибо всем, что понимала натура Крусмана,
было завершение, но каким-то образом все
трое осознавали, что такой конец был бы
плох, он бы бросил их всех на произвол

судьбы. Джанн знала причину, но едва ли могла бы поведать ит ее, даже если бы у них оставалось достаточно разума, чтобы выслушать. Эта мудрость была ее, а не их, и это тоже было частью цикла. Под ее руками оказались неровные перекладины лестницы подъездного крана, и она с крихтением подтянулась. Ее рефлексы как будто принадлежали кому-то другому, старше, чем она, но легче — легкому, как лунный свет.

Джанн тяжело вздохнула, добравшись до транспорта и положив на него руки. Ей было печально смотреть на столь униженную машину, как будто она глядела на красивую расцветную птицу, съжившуюся на земле с покалеченным крылом, и в душе она оплакивала ее, несмотря на то, что странное ощущение, исходящее от корпуса, отталкивало ее кожу. Она провела пальцами по высокому выступу спинки, по отделениям, разорванным уродливыми металлическими руками, и нашла последние два, те, в которые они не смогли пробиться.

Пальцы дотронулись до них — и мысли как будто тоже коснулись. Она не могла сказать, что помнила, как открывала их, или как думала о том, чтоб их открыть, или воображала это, или представляла во сне. Позади, на посабочной площадке, Сабилла вновь закричал — это был задыхающийся, предсмертный крик. Голос Круссмана был сорван — его голосовые связки превратились в лохмотья; голос Хенга был подобен кошачьему вою в ночи. Джанн едва ли их слышала. Здесь было спасение. Ее чувства уже тянулись к голосу, который она должна была услышать. Голос солнца. Голос отца. Голос короля.

Отделение раскрылось под ее пальцами. Джанн ощутила рвотный позыв и закричала, осознав, что она не мертва, но проклята, отравлена, изъедена, осквернена. Все, что оставалось от нее, сгнило в один миг. Тело словно утратило силу, лишилось костей. Она мешком осела вниз и упала бы, если бы ее туловище не застряло между двух балок.

Джанн ощутила невероятное желание

и бесконечное презрение. Она была парализована и телом, и разумом, и лишь всепронизывающий страх ругнулся каскадом на нее. Лицо на дне отделения удерживало ее, пронзало ее насквозь, как будто она была стрекозой, насаженной на тонкое жало. Она даже не могла ощутить в нем усилие или волю — что-то в ней самой делало ее беспомощным перед ним и крепко удерживало на месте. Слезы заполнили ее глаза, зрение раздвоилось и помутнело. Это не помогло. Хватка этого лица на ее разуме не исчезла — холодная, как железо, прочная, как шелк. Только когда она окончательно потеряла равновесие и упала на металлический настил у основания крана, расстояние увеличилось и ослабило его власть.

Все еще полужа на полу, Джанни дотянулась до опоры, чтобы попытаться встать на ноги. Она не знала, что делать, не могла придумать подходящих слов или плана. Образ того чудесного голоса и прикосновения солнца на плечах — он ушел, исчез без следа в бездне, открывшейся перед ее разумом. Пытаясь увеличить

дистанцию между собой и ужасающей, всепоглощающей тишиной, что как будто изливалась из-под поднятой крышки, она заставила себя встать на колени и начала сдвигаться назад, к посадочной площадке. Что бы с ней ни сделал Круссман, она бы приняла это почти с благодарностью. Все, что угодно, лишь бы избавиться от памяти об этом лице.

Она остановилась, когда увидела, как они вышли из теней.

Шестеро из них сформировали полукруг, который стремительно приблизился к Круссману. В то время как усталость брала верх над водителем, и он начал шататься, делая то один, то другой неверный шаг, шестерка двигалась с волнообразной легкостью — шаг вперед, шаг назад — ни разу не разбив свой порядок. Кровожадный рев Круссмана теперь был не более чем гребезжащим стоном, но в нем все еще оставалось достаточно ярости, чтобы управлять мышцами: он воздел резак, готовый вогнать его в череп Сабилы, что лежал, упирая, у его ног. Возможно, он не видел этих фигур, возможно, ему не было

до них дела. В любом случае, он ничего не
мог сделать. Полукруг разомкнулся, три
искрящихся фигуры метнулись в одну
сторону, три в грациозном унисоне — в
другую, и в центре прохода, который они
образовали, явилась другая фигура,
скачущая и кубыркающая в воздухе,
закатанная в оттенки красного и ярко-
золотого, что испускали искры и брызги в
ранних вечерних сумерках. Она
приземлилась на кончики носков и
закружилась в пирюэтах, завертелась
колесом вокруг грязного, ослабевшего
Крусмана. Фалды глинного плаща
взвились вокруг нее, превратившись в
синие, пурпурные, серебряные, зеленые,
разлетающиеся во все стороны осколки и
тонетки света. Высокий гребень
серебристых волос — или перьев, сложно
было разобрать — поднимался из ее
капюшона и опускался вниз между
лопатками, и Джанн могла слышать
тихий шелест, с которым тот метался
из стороны в сторону.

Яркая фигура замерла в позе
фехтовальщика над Сабиллой, и миг спустя

ослепительные искры, что вихрем
крутились вокруг, слились с ней в одно
целое. Джанн могла разглядеть ее
стройные конечности, увенчанный гребнем
капюшон, очертания плаща и маски. Одна
тонкая рука была поднята, удерживая
резак от смертельного удара. Она смутно
осознала, что шестеро других незнакомцев
эхом повторяют эту позу с совершенной,
гармоничной точностью.

Пришедший последним чужак на
мгновение замер в этом положении, и
внезапно его лицо, а затем и все тело
вспыхнули золотом, испуская глубокий,
великолепный свет, подобный свету солнца,
от которого сердце Джанн на миг забилося
сильнее от надежды, которую она не могла
понять или описать. Но затем его цвета
потонули в черноте, пронизанной
скручивающимися алыми прожилками,
бүдто трещинами в корке лавового
потока, и его поднятая рука мелькнула,
сделав три кратких, точных движения. В
первый раз с тех пор, как лица сломали их
всех, Крусман как бүдто заговорил или
попытался заговорить -- но теперь, со

столь иззяцно вскрытым горлом, он не мог вытолкнуть ни слова. Он рүхнул котом, ноги его подогнулись, а рүки распались на части там, где их рассекла сияющая фигура.

Хенг, стена и напевая вполголоса, попытался ползком үбратиться подальше от убийцы Крүссмана, и фигура распрямилась в свой полный, пүгающий рост, глядя ему вслеп. Его товарищи приблизились, теперь двигаясь низко, припадая к земле, почти что на четырех конечностях, и приглушив цвета, так что, выстроившись по обеим сторонам от своего предводителя, они выглядели почти как крылья, сотканые из тени. Джанн наблюдала, как из дымчатосерого их цвет превратился в грязно-белый, как у старых костей, а лица размылись и превратились в маски визжащих старых ведьм, вырывающиеся из-под гриб алых волос. Завывая, они двинулись вперед, попятам Хенга, схватили его за ноги и пригвоздили их к месту, схватили за запястья и также пригвоздили, үдерживая его, извивающегося и задыхающегося, пока предводитель пришельцев, все еще

закнутанный в угольно-черный и дыльно-красный, вновь не выбросил руку вперед. На сей раз вместо искр света руку окружали пляшущие крапинки черноты, клубящиеся, как частицы пепла, падающие вниз после страшного пожара, и по мере того, как дергалась рука, тело Хенга согрознулось, закровоточило, умерло, выпустило еще больше крови и наконец развалилось на куски.

Маски, горе, безумие, смерти — от Джанн уже мало что осталось, но где-то в руинах ее прежней все еще сохранялась жажда жизни и способность ощущать страх. Она поднялась на ноги, повернулась, чтобы сбежать и спрятаться, прежде чем они обратят на нее внимание.

Оно стояло прямо за ней. Подняв глаза, она встретилась взглядом с темнотою под его капюшоном.

В ней не было кошмара, который была та простая маска. Темнота под глубокой складкой ткани была костосом. Безучастностью. Ее глаза и разум не могли найти в ней точки опоры.

Джанн стояла, совершенно не

сдвигаясь. Ее мышцы расслабились, словно понимая, что все это наконец-то подходит к завершению.

Мантия существа в капюшоне зашелестела, когда оно сделало шаг к ней. Оно держало руки перед собой, сложив по складкам мантии на груди. Кисти рук были пятипалыми, изящными, длиннее, чем у человека, и сейчас они поднимались, чтобы сдвинуть капюшон.

«Нет», — хотела сказать Джанн. Ничего, кроме «нет». Это было все, о чем она могла думать. Но капюшон упал назад.

Джанн смотрела на свое собственное лицо, и оно заставило ее заплакать. Прекрасное девичье лицо, приподнятое, чтобы наблюдать за белой луной, со священными кругами, сияющими на коже. Огня из рук Джанн поползла вверх, недоумевающе оцупывая очертания ее собственного лица.

Затем лицо напротив начало изменяться. Оно растянулось, деформировалось. Оно стало шаржем на само себя, преувеличенной карикатурой с гротескными глазами, скошенными

скүлами, сүжающимся побородком и
высоким лбом, которые пародировали
черты принадлежащего Джанн... ее
собственного...

...лица.

Ее рүки стиснулись по бокам головы.
Фигүра напротив не пошевелилась, но
черты ее лица вновь начали меняться.
Теперь это было звериное лицо, морга
животного-вредителя. Грубое,
тарашащееся, с неүклюжими, мясистыми
чертами, мутными глазами, дряблым
ртом. Отвратительное лицо. Чуждое
лицо. Лицо, которое она носила всю свою
жизнь.

Пальцы Джанн принялись за работу.
Она вонзила их в себя, пүстив кровь
грязными, обломанными ногтями.
Нащүпала потнүю, неровнүю кожу, на
которой пальцы скользили, и гладкүю,
холоднүю кожу, которүю не үзнавало ее
осязание. Впилась в нее и сгавила, и яркая
толния безүмия рассекла ее изнүтри.
Пальцы словно проникли в самүю плоть, и
она чувствовала, как череп беззвүчно
разделяется на күски. Мысли клубились и

кружились, вихрем вылетая из нее в прохладный воздух, как мотыльки. Она чувствовала, что раскалывается, распадается на части. Было ощущение трескающихся костей, разрываемых тканей, но не было ни звука, ни крови, ни физической боли.

Белая маска тихо упала к ее ногам.

И теперь не осталось чувства родства с этими чужаками, в них больше не было ничего знакомого. Воняло кровью и потрохами оттуда, где мертвым лежал бедный, любезный, неторопливый Хенг, и разрубленное на куски тело вечно торговавшего Крусмана, а она стояла здесь — и как ее теперь звали? Как ее звали?

Она согрознулась и упала назад, перекадилась, по чистой случайности вновь оказалась на ногах и побежала, визжа и воя, без единой сохранившейся крупицы разума. Она бежала, и в ней не было ничего, кроме тилосердной, ревущей, совершенной пустоты, и без унес ее прочь от пришельцев, прочь от подъездного крана, к самому краю крыши. Перила были невысоки, и она налетела прямо на них.

Джанн все еще дергала конечностями в полете, пытаясь убежать, но он глился лишь секунду, прежде чем его прервала утрамбованная земля у подножия башни.

Тихо, без спешки, они собрались на крыше. Они прошли вверх через убогие, неряшливые помещения, где жили животные. Они двигались процессией, высоко и угловато поднимая ноги, будто яркие птицы, бредущие по воде, двигаясь в точной последовательности поз, одновременно осторожных и полностью расслабленных. В полутраке мягко поблескивали их разноцветные одежды и маски. Никто ничего не говорил.

Они сделали круг по крыше, потом круг стал спиралью, ведущей их в центр, а затем они разбили спираль и разошлись узором, образующим огненную руну, руну утраченной славы и мечты о возрождении; в ее перекрещении был Эаллех.

Эаллех нес в руках яркую маску, Маску Огня, лик Ваула. Эаллех изучал искусство создания оружия, и мифы об искаленном боге кузни ители для него

великое значение. Единственно правильным было то, что именно он должен был забрать маску у Галларди, чей труп теперь лежал возле тела Токуина, посреди затолкших машин.

В следующее мгновение трупная разъединилась и вновь собралась вокруг Люзаэль, которая несла темно-зеленую маску, взятую с тела погибшей под ее клинками Мерлок. Люзаэль преданно читала самые ранние, самые искренние истории своего народа, истории об отцах и предках. Она уже овладела духом Уши, исполнила ее роль, спела песни скорби и выучила замысловатые ката клинков, которые символизировали слезы Матери Урожая. Теперь она завершала изучение этих циклов историй тем, что брала роль тужи Уши, молчаливого Курноуса, бога охоты, чей лик был запечатлен в Маске Охотника, заставившей Мерлок красться по темным путям с копьем в руке. За ней, двигаясь с прекрасной синхронностью, явилась Мелеху, что провела так много времени за костяной маской, танцующая в свите Нисшеи как шут смерти. Настало

время уравновесить роль смерти ролью
дарительницы жизни — мостом в нее гля
Мелеху была священная скорбь Уши, и
поэтому она взяла Плачущую Маску у
Клайда, лик богини урожая, оплакивающей
своего погибшего поборника и потерянных
детей.

Вслед шуту смерти протанцевала
Нисшея, и брат ее Эгреах танцевал с ней.
Прежде, когда она шла в танце огненных
призраков вслед Ваулу, он был ее зеркалом,
водяным духом, танцующим по следам
Уши. Теперь, когда оба они были избраны
для более великих ролей, он вновь
уравновешивал ее — она приняла роль Уши,
а он стал Эльданешем, величайшим
героем смертных эльдар, воителем,
которому улыбалась Уша, который
встретился на битву с кроваворуки
Кхейном и встретил предсказанную
смерть. Ускүсно, элегантно, ни разу не
нарушив всеобъемлющий ритм, Эгреах
опустился, подхватил Маску Героя с тела
Сабилы и с гордостью поднял ее вверх.
Другие, что были до него,
интерпретировали Эльданеша как

обреченную жертву и даже как злунца, но Эгреах почитал его как воина, чья отвага была возвеличена тем, как он погиб.

Шеагореш продолжал нести стражу над трупами двух мон-ки, а остальные разорвали круг и вновь сошлись вокруг него, сливаясь с теми членами труппы, что высоко подняли церемониальные маски -- каждый арлекин подобрал подходящую маску и изменил цвета своего гатэди в соответствии с ней. В считанные мгновения Маску Огня окружило оранжевое мерцание; Плачущую Маску -- нежный золотисто-зеленый цвет рассвета над сагами; Маску Охотника -- темные, сумеречные оттенки зеленой луны, тема Курноуса; Маску Героя -- яркое золото и серебро.

И явились другие, быстро взобравшись по лестницам или высидевшись из укрытых завесами воздушных саней, которые тихо заняли места по краям здания. Когда Дэрестель спустилась по изогнутому носу своих саней и мягко ступила на крышу, Шеагореш поднялся и отступил назад, приглушив свои цвета в

согласии с ее. На протяжении многих странствий Дэрестель танцевала по следам Эльганеша, находя способы иначе интерпретировать его историю в каждой мистерии, которую они разыгрывали, и в каждой войне, в которой бились. Она учила саги об Эльганеше под руководством Утеомтеля, Великого Арлекина ее старейшины, который пал от рук зеленых тварей под лесными шпильями Тоурилла. Она взяла частицу его имени, чтобы продолжить его историю. Со времени той войны ее дух отрачился. Ее выступления стали грубее, в них сквозил гнев. Лишь на последнем привале труппы она подошла к Шеагорешу и формально отказалась от Маски Героя. Теперь для нее настала пора взять новую роль, отразить историю ее жизни под новым углом.

Шеагореш поклонился, когда она прошла вперед, беззвучно, двигаясь так, как будто она уже была в доспехах, и склонилась к труппе Крестмана. Она вновь выпрямилась, держа в руках Маску Крови, пощерившееся лицо Каэла Менша Кхейна, Бога с Окровавленными Руками.

повелителя убийств, чья ярость пронеслась через небеса, погубив Эльданеша и приковав искалеченного и обессиленного Ваула к его наковальне. В тишине и безмолвии она унесла маску прочь. При каждом представлении лифические роли переходили от одних членов труппы к другим, но всегда был кто-то один, превосходящий иных в какой-либо роли, определявший ее, и новое сердце в изображении Кхейна означало перемены.

Шагореш повернулся к основанию крана, туда, где стояла Джанн, глядя на ту, что была ему ближе, чем могла быть любая любовница или сестра. Умоэльль не взяла себе маску — будучи Тенью Провидцем труппы, она носила Зеркальную Маску, и будет носить ее до самой смерти. Однако, проходя рядом с ней, он увидел, что Умоэльль подобрала Лунную Маску с того места, где ее уронил последний из воров-животных. Это было лицо Лилеат, богини-девы, сновидицы и прорицательницы, чьи символы — белая луна, посох, замкнутый круг и музыка ветра. Ее капюшон вновь был брошен

вперед; проходя мимо, он мог видеть, как на Зеркальной Маске то высвечиваются, то пропадают многие лица. Он знал, что, по крайней мере, одно из них будет его.

Не было никого, кто мог бы носить Лунную Маску — пока еще не было Абхораан, которая играла эту роль с тех пор, как много лет назад присоединилась к труппе в драконьих стенах, была одной из тех, кто погиб, когда их воздушные сани не смогли обогнать бурю.

Скоро они исполнят элегию в память Абхораан и ее товарищей, и Шеагорешу придется решить, какую форму она примет, какое представление, какие элементы они почерпнут из великих мифов, чтобы изобразить эту трагедию и вплести ее в полотно своих живых историй, чтобы дать ей смысл и завершение. Это была задача, от которой он не ждал удовольствия, но у каждого рассказа есть свои скорбные песни и свои пляски триумфа, и тот рассказ, который являлась его жизнь, не был исключением.

Вокруг него двигались силуэты. Его арлекины прыжками поднимались на

полост и двизались к потерпевшим
крушение воздушным саням, готовые по
сигналу высвободить их, чтобы забрать с
собой. Их цвета и лица менялись, отражая
те роли, которые каждый арлекин
чувствовал нужным играть в этой задаче
и на этой сцене в повествовании его
собственной жизни. Шеагореш поднял руку,
призывая к тишине, и их фигуры застыли,
а цвета приглушились.

Последнее запечатанное отделение
раскрылось, как цветок, от его
прикосновения, и он запел глубокую,
резонирующую песнь — единственную
непрерывную ноту, исходящую из глубин
его груди. Те, что были вокруг,
подхватили песнь, и их цвета ярко
вспыхнули в салюте, когда он вынул
Солнечную Маску, лицо Азурiana, Короля-
Феникса, Монарха Небес, учителя шести
великих Лоргов-Фениксов. Шеагореш взял
ее, подержал в обеих руках и медленно
шагнул вниз с возвышения. Пояс включился
по велению мысли, и он почувствовал, как
его вес полностью исчез; он вытянулся и
развернулся в падении, держа маску над

собой, и опустился легче перышка на
рокритовую поверхность, преклонив одно
колени, опустив голову, но с гордо
расправленными плечами — одновременно
присягая маске на верность и утверждая
свое право на владение ей.

Он остался, где приземлился,
приглушив свои цвета и лишив лица
выражения. Осталась лишь одна маска,
которую следовало забрать.

Все вокруг него преклонили колени.
Цвета исчезли, обратившись в черный и
оттенки серого, лица словно утратили
черты. Джетбайк — тускло-серый, как
призрачная кость, которой придали форму,
но не цвет, — украшенный лишь черной
пеленой, окутывавшей его хвостовую
лопасть, подплыл к затершей в молчании
трупне, и с него спустилась Шейл'элмен.

Ее лицо было в тени, как у Утоэлле,
но, в отличие от той, она не сделала ни
движения, чтобы убрать свой жесткий,
конусообразный капюшон. С него каскадом
ниспадали волосы, черные, как костос, и
белые, как тратор, и цепочки из белого
серебра оплетали ее руки и свешивались,

позванивая, с кончика каждого пальца. Крылья из прозрачной кости, выступающие из ее плеч, уловили ветер; раздался стонущий свист, от звука которого каждый арлекин согрознулся и закрыл глаза.

Шейл'энтен не смотрела ни на одного из них. Ее походка была ровной, а трагичное выражение не менялось. Она шла с внимательным спокойствием осужденного, идущего к эшафоту. У подножия крана она удлинила шаг в прыжок, и с помощью пояса, лишившего ее веса, взмыла вверх и встала на поперечину рядом со вскрытым контейнером. Остальные арлекины крутанулись на месте, показав ей спины, и она протянула руку внутрь и достала маску, на которую лишь мельком взглянул последний мон-ки.

Эта маска не хлурилась и не скалилась, в ней не было искусных изменений размеров или черт лица. Это был лик эльдар, образцовый, лишенный пола. В глазах не было выражения, не было его и в очертаниях рта. Это было безликое лицо, более безликое, чем серые капюшоны.

которые надели на себя арлекины вокруг. Это было лицо, что могло прикрывать собой любой кошмар, который только мог представить себе глядящий на него.

Шейл'элмен, Солитер, взяла Агскую Маску и, как Шагореш до нее, спрыгнула с платформы; плащ взвился за ней, бросив тень ужаса в сердце каждого эльдар. Она приземлилась напротив Великого Арлекина, и оба они шагнули вперед, танцевали и закружились вместе, и ни один из них не подавал виду, что признает существование другого. Наполовину завершив круг, каждый оказался на том месте, где момент назад был другим, и точно в один и тот же миг они подняли свои маски и надели их на себя. Солнечная Маска и Агская маска, Азурисан и Слаанеш, два лица, которые роющиеся в земле паразиты не испачкали своим прикосновением.

Затем, стремительно, как тень, Шейл'элмен исчезла — одним прыжком вскочив на свой джетбайк, она стрелой пронеслась над платформой и пропала в ночи; крылья за ее спиной пронзительно

взвыли во встречном потоке ветра. Тогда Шеагореш подскочил в воздух, запрокинув голову и широко расставив руки. Явился свет — прекрасное сияние, источаемое Солнечной Маской, разогнало тьму, наполнило цвета арлекинов радостью и жизнью, и те начали резвиться и плясать.

В тот миг каждое изменчивое фотозографическое лицо стало той маской, которую они носили под любой грузой — Маской Арлекина, Смеющегося бога Цегораха, обманщика, что знает секреты. Все лица были разными, ибо каждый арлекин изображал его, ведущего в великом танце, по-своему, но, едва черты Цегораха проступили на каждом из лиц, каждый арлекин разразился смехом. Кто-то издавал грубый хохот простака, услышавшего неуклюжую шутку, кто-то — элегантный смехок принцессы, любящейся проделками своего шута. Был радостный смех облегчения от того, что странник избежал беды, и смех болезненный, набрасывающий плащ веселья на глубочайшее горе. Воздушные сани и джетбайки сорвались с мест и начали

вигаться пересекаясь крѳгами, и яркие
стеющиеся фигуры подскакивали вверх,
чтобы ухватиться и оседлать их,
оставляя за собой пестрые,
переливающиеся, мозаичные следы в
воздухе.

Стех зазвенел с вершины башни, как
колокола, и повис позади колонны
джембайков и воздушных саней, как струя,
остающаяся за кораблем. Далеко в
пустоши, дальше, чем когда-либо заходили
тонки, они проскользнут в Паутину и
вскоре будут дышать ароматным воздухом
божественного мира, наполненным запахами
пряностей и цветов, танцевать в теплой
воде на тонком коралловом песке, где
волны стеются под корнями мангровых
башен, а луны пляшут и вращаются над
головой.

Они будут оплакивать своих
мертвых и разыгрывать величайшие из
легенд: Сновидение Лилеат, Покров Уши,
Войну в Небесах, Гибель Эльданеша,
Нагение. Рассказывая истории, они вновь
освятят драгоценные ритуальные маски,
сердце трүнны, и затем снова отправятся

В путь, бродить от коралловых океанов до великих, полных вздохов травяных морей. Они найдут лагерь своих сородичей, прокрадутся меж их шатров и привязанных драконов, поразят и очаруют их тенью и слухом, а затем явят себя, выйдут на свет и будут танцевать для них. Возможно, они расскажут огню из великих историй, возможно, огню из меньших, а возможно, какую-то из самых юных -- о Поглотителе или о звериных войнах у великих Врат.

А быть может, в этот раз их танец расскажет новую историю. Историю о бродягах и путешественниках, чьи старые пути распались, вынудив их покинуть безопасную Паутину и сделать быстрый, тайный переход через мир похрустывающих дюн и кровавых, безлунных небес. Историю о чудовищной буре, которую не смогли обогнать даже эти легконогие странники. Историю о поиске того, что забрала у них буря, того, что было им более дорого, чем черты собственных лиц. Историю об уродливых выскочках-животных, которые коснулись

того, что не должны были даже видеть историю о наказанной дерзости, справедливом воздаянии за кражу, святотатстве, обернувшись против себя же. Историю о том, как великие легенды пытаются играть сами себя даже через столь низменные подобиya разума.

Такова сила легенд. Такова сила масок. Это была история, которую Шеагореш даже не мог представить, когда покинул свою старую труппу и создал новый набор великих масок, чтобы заложить основу для другой, но теперь, когда они прожили ее, история была частью их собственной, и они будут рассказывать ее, истолковывать по-новому и танцевать для себя и для других все последующие годы.

Взвился ветер, пыльные облака и ночная тьма опустили занавес над пустыней. Тусклые аварийные огни мерцали в коридорах башни, контрольные счетчики искрились на панели управления, безответно кричала вокс-тревога. Ничто не двигалось, и 347-ое юго-восточное Дено Обслуживания трубопровода постепенно

поглотила пустынная ночь.

Единство

Джеймс Гилмер

Переводчик: Dammung, вычитка:

Дэн

Черная птица удобно устроилась на подбородке трупа. Она снова клюнула, оставив на лице имперского гвардейца новую рану прямо под левым глазом, и Тэм почувствовал, как рука Гесара сжимается на его запястье и заставляет опустить пистолет.

-- Без шума.

-- Мы не можем вот так его оставить. Это неправильно.

Астартес встал перед Тэмом и пристально посмотрел на него. В сражении Гесар потерял шлем. Корка крови, запекшаяся вокруг раны на подбородке, треснула, когда он заговорил.

-- Неважно, кем он был при жизни. Теперь он мертв, мы -- нет. И мы будем двигаться дальше во имя Императора и

Срона. Твоя задача — выжить и убить
ксенообразь, которая сделала это. Ты
будешь выполнять свой долг, а не стрелять
в птицу из-за того, что она оскорбляет
тебя, следуя своей природе.

Астармес из Гвардии Ворона был
резок, но прав. Они бежали уже несколько
часов и, должно быть, находились за
линией наступления воинов огня — если
уже не людской пехоты и штурмовиков-
кротов. Полк Тэла был разбит в сражении
за центральную станцию связи, а
Астармес отступал, когда Тэл спустился
со своей снайперской позиции и встретился
с ним.

— Простите, господин, этого не
повторится. Мы приближаемся к фермам.
Может, фермеры дадут нам укрытие, или
можно просто его захватить.

Тэл знал, что ему надо просто
оставаться рядом с костическим
десантником. Если он во что-то и верил,
кроме Императора, то это было святое
возмездие, которым являлись Агентус
Астармес. Костические десантники,
живые инструменты Императора

Человечества, всегда поддерживали
обычных людей в тяжелую минуту. Гесар
выведет его отсюда живым. Того, кто мог
бы выстоять против ангелов смерти
Императора, попросту не существовало.

— Фермеры могут прогаться, или же
их заставят рассказать о нашем
месторасположении, капрал. В этот раз
на стороне тау были человеческие
солдаты — не забывай об этом.

Империя Тау была совокупностью
множества рас, управляемой разделенными
на касты тау, которые послали свою
собственную касту огня сражаться плечом
к плечу с представителями иных народов,
включая наемных предателей-людей. Для
Тэма это была первая встреча с ними и
другими членами их союза. В общем-то,
для Тэма это было первое сражение с
какими-либо ксеносами, и он считал, что
ему весьма повезло выжить и найти
Гвардейца Ворона, который на ходу
строил планы либо отступления, либо
ответного удара против орды
захватчиков.

Гесар указал большим пальцем куда-

то за трүн гвардейца, привалившегося к дереву.

— По крайней мере, он выполнял свой долг до самого конца. Отсюда уходит кровавый след. Судя по цвету и запаху — нечеловеческий.

Гесар переступил через трүн, и черная птица улетела, когда он замаяхнулся на нее квадратным болтером. Тэм знал, что она вернется, но все равно это был правильный жест. Гвардеец был мертв уже какое-то время, поскольку глубокие борозды в груди не дытелись на ветру, и лицо давно стало фиолетовым от холода.

— Крутская гончая. Одно из созданий крутов — они направляли этих тварей на нас перед станцией связи. Я видел, как четверо людей из твоего полка пали от одной из них, прежде чем я вознал болт в голову твари.

Гесар пнул трүн, который нашел. Тот был слегка припорошен снегом, но Тэм мог видеть густой серый мех на спине существа. Высохшая кровь покрывала торгую и когти. Тварь была здоровенная,

наверняка больше человека, хотя Астармес все равно был крупнее, и по кровавому следу Тэм мог определить, что она уползла утирать после того, как гвардеец всагил в нее несколько очередей.

— Мы все еще не видели тел солдат из твоего полка, — Гесар кивнул на тело мужчины. Они не нашли ни одного выжившего из тех, кто дрогнул и побежал, когда их оборона была прорвана у станции связи с орбитой. Это был первый труп имперского гвардейца, на который они набрели.

Опознавательный знак солдата был символом Имперской Гвардии Короны — винтовки, перекрещенные за волчьим черепом. Знак Тэма изображал крылатый меч, обозначавший Третий полк Сантуласа.

— Господин, мы видели множество следов схваток и мертвые тела, начиная от тау и заканчивая крүтами и предателями. Где же, черт возьми, наши люди?

Гесар покачал головой в ответ и провел рукой по коротко стриженным

белым волосам. У Астармес была та же кожа альбиноса и глаза, подобные темной гальке, как у всех Гвардейцев Ворона, которых Тэм видел на рисунках и пиктах. На каждом месте сражения Гесар делал одно и то же — исследовал местность, тихо ругался под нос и снова срывался с места.

Было тяжело не отставать от Астармес. Тэм даже подумывал о том, чтобы бросить свою снайперскую винтовку после первого часа бега, но все же оставил ее. Это была прекрасная вещь. С ложей, покрытой молитвами к Золотому Трону и неприличными стихами, с телескопическим прицелом, — когда-то он каждый день молился, чтоб его назначили снайпером и дозволили им пользоваться, — с чудным штыком для работы в ближнем бою, который его отец сам выковал еще на Сантуласе.

— Нам надо двигаться. Если мы доберемся до ферм, то сложем найти там ответы. Тау не истребляют, но обращают тех, кого могут. Если не добровольно, тогда они могут использовать другие

методы, чтобы перевести население на свою сторону. Мы либо защитим этот мир, либо очистим его от предателей и ксеносов, даже если придется убивать их по одному за раз.

Тэм знал, что лучше не сомневаться в словах космогесантника. Астартес не только был его наилучшим шансом на выживание в этом мире, но он бы также убил Тэма, если бы решил, что гвардеец колеблется в исполнении своего долга.

То немногое, что Тэм знал об этом Гвардейце Ворона и его ордене, он почерпнул из слухов, которые начали просачиваться сверху и распространяться среди солдат после того, как Астартес появился в их лагере. Гесар был отрезан от своих боевых братьев и направился в другую сторону, чтобы попытаться удержать станцию связи. Затем настало кровавое утро битвы между тау с их энергетическим оружием и человеческой пехотой, и тогда вопросы и сплетни уступили место импульсным вспышкам и болтерным снарядам, сотрясающим морозный воздух.

Люди, воевавшие на стороне тау, носили синее и золотое, что не слишком отличалось от цветов, в которые была окрашена броня воинов огня. Их называли «Гесвеса», как Тэм услышал из вока-передатч, которые транслировали эти перебежчики перед высадкой. «Люди-помощники» на языке тау, предатели, которые найдут лишь смерть от рук тех, кто верен человечеству и Божественной Милости Императора.

Импульсные винтовки, которыми пользовались воины огня, стреляли дальше, чем большая часть гвардейского оружия. Они держались поодаль, обстреливая станцию из глубины леса.

Первыми явились Гесвеса. Две волны разбились об оборону Имперской Гвардии, удерживавшей позицию вместе с Гесаром. Тэм слышал его голос, раздающийся в вокасе на полной громкости, до тех пор, пока не ударили круты-штурмовики.

Даже выше, чем Гесар, одетые в звериные шкуры и вздымающие над собой ружья, которыми они размахивали, словно дубинами, эти двуногие существа были

весьма опасны в ближнем бою. Тэм снял нескольких, и все они в его прицеле выглядели по-разному. Все, что он мог о них сказать --- они были высокие, долговязые и быстрые.

Гончие неслись в первых рядах. Эти твари подняли вой, похожий на волчий, и пересекли расчищенное от деревьев пространство прежде, чем Тэм смог взять в прицел хотя бы одну из них. Смертоносные проворные, с глиняными мордами и жуткими зубами, они оказались среди солдат прежде, чем кто-то успел достать пистолеты или прилкнуть штыки.

Тэм знал, что Гесар утратил свой шлем примерно в это время. Секунду назад он был во главе строя, а в следующее мгновение Тэм уже слышал рев пилотеча и призывы к Кораксу, примарху Гвардии Ворона, доносящиеся с места сражения.

Гесар потратил какое-то время после битвы, счищая кровь гончих с пилотеча, но его черно-белая броня все еще была запятнана кровью и отмечена следами ногтей.

Сами же круты, свирепые двуногие,

явились следующими. Траг
крупнокалиберных пуль разбил строй, и
гончие, что рыскали среди них, расширили
прорыв еще больше, и тогда круты
налетели на позиции людей. Это были
жилистые, мускулистые твари, и они
вертели ружьями, словно палицами,
разбрасывая в стороны всех гвардейцев у
себя на пути. Тэм не мог нормально
прицелиться, когда они вступили в
рукопашную. Ему удалось убить
нескольких, но часто это случалось уже
после того, как гвардеец падал под ударом
приклада, раскалывающего его шлем, или
от кривого ножа, пробивающего
бронезилет.

Большая часть крутов несколько
походила на птиц. У них были острые,
вытянутые черты, и, хотя Тэм слышал
истории о ксеносах и их внешнем виде,
круты нервировали его. Увидев крутов
мельком, можно было принять их за людей
— лишь до тех пор, пока не разглядишь
лица. Некоторые были птицеобразными,
некоторые почти что обезьяноподобными,
но среди них не было двух одинаковых.

Тэм мог поклясться, что у большинства были черные омуты вместо глаз, но он помнил, как один из них посмотрел прямо на его укрытие узкими кошачьими глазами. Зеленые пятна на фоне ступлой кожи и черные зрачки.

Ему пришлось спрыгнуть со скалы, которую он использовал для засады, когда эта тварь послала в него шквал ружейного огня. Так он и начал свое собственное, личное отступление из битвы за станцию связи.

Он не гордился этим, но мог слышать, как рушится строй позади него. Котиссар все кричал, требуя соблюдать дисциплину и угрожая застрелить любого мужчину или женщину, кто побежит, пока его голос не прервался воплем и завыванием гончей.

Все, на чем сосредоточился Тэм — знакомый звук болтера Гесара. Среди других звуков битвы его ни с чем нельзя было спутать. Он спустился вниз с гряды, мимо нескольких других людей, бегущих в поисках укрытия. Круты окружали здание станции, а обороняющиеся рассыпались и

отступали. Он увидел, как крут подскочил
ноги гвардейца, и едва не побежал прочь.
Крик этого человека заставил его
вернуться; Тэм вытащил пистолет и
принял позу для стрельбы, которую сотни
раз отрабатывал на тренировках. Двойной
выстрел свалил первого крута, но два
других оказались слишком близко, и он мог
полюбоваться, что почувствовал, как их пули
пролетели рядом с ним в холодном воздухе.

Обоих сразили болтерные снаряды,
выпущенные сзади, — похоже, что и он, и
Гесар выполняли тактический отход. С
точки зрения Тэма, не особо он был связан
с тактикой, но гвардеец не собирался
спорить с бронированным и обозленным
костическим десантником. Строй был
разорван настолько, что сплотить его
заново не представлялось возможным, и
прежде чем Тэм осознал это, они уже
вместе продвигались сквозь лес вниз по
склону горы.

Потом они отсиживались в штольне
у подножия горы так долго, как могли.
Ветер доносил грохот ружей и шипение
энергетического оружия, иссушающего

воздух, но им попадались лишь места отдельных схваток, и все тела на их пути были одеты в форму армии тау.

Гесар становился все более раздраженным по мере того, как они продвигались сквозь лес. Не слишком помогало и то, что наступала ночь, и лес начинал редеть. Вскоре они выйдут из-под этого укрытия и попадут в сельскохозяйственные угодья, которые покрывали всю Коруну. При таком холоде они едва ли смогут прятаться среди растений, и это означает, что им придется совершить переход через открытое пространство, при том, что кругом враги со значительно лучшими ауспикати, чем у лишившегося шлема костического десантника и снайпера Имперской Гвардии.

-- Мой прицел приспособлен для ночного видения, если оно понадобится.

Гесар кивнул и снова двинулся вперед широкими шагами. Там видел: тот раздражает нас их находками и явным отсутствием тел имперцев.

-- Извините, господин, но вы же не

думаете, что наши люди смогли
отбиться, да? Вы думаете, они в плену
или сдались?

Тэму было дьявольски сложно
удерживать темп, в котором двигался
костический десантник, и он не
представлял себе, как человек в столь
тяжелой броне мог перемещаться
настолько быстро и тихо. Это было
противоестественно, даже более, чем то,
что Астарес ни разу не остановился,
чтобы поесть или попить. Тэм
перехватил глоток из фляжки и съел
батончик из рациона, пока они
останавливались на местах схваток. Гесар
как будто продолжал двигаться на чистой
ненависти.

-- Везде кровь. Человеческая кровь.
Даже там, где нет тел, и ее слишком
много, чтоб обычный человек мог уйти с
такой кровопотерей. Твой полк хорош --
для Имперской Гвардии -- но никто не
может быть настолько хорош. Кровавых
следов от раненых тоже нет.

И это была правда. После первых двух
мест, где происходили стычки, Тэм

дугал, что, возможно, имперцы унесли
раненых с собой. Но невозможно, чтоб они
смогли или вообще были способны унести
каждого раненого с поля боя, откуда
солдаты отступали, преследуемые врагом,
у которого были твари вроде крүтских
гончих.

— Твой полк был разбит на
противоположном гребне и у станции
связи с орбитой. Полк Корүны должен был
находиться на равнине, среди ферм. Если
нас отрезали, то мы бы уже наткнулись на
тау. Мне нужно понять, куда они ушли.

Гесар заметился, когда они вышли на
более открытое пространство. С каждым
шагом лес становился все реже. Совсем
скоро они выйдут на опушку леса, а солнце
только начало садиться.

— Стой здесь, — Гесар остановился
едва ли не быстрее, чем Тэм мог это
заметить. Моментом ранее он двигался,
весь — пластины брони и решимость, а в
следующий миг он был неподвижен, как
смерть, и вдвое более страшен. — Мы не
можем пересекать открытые поля в
сумерках. Подождет час или два, тогда ты

стожешь применять ночной прицел, чтобы
смотреть, не преследуют ли нас.

— Господин, несмотря на силу духа,
благословляющего эту винтовку, я боюсь,
он не столь силен, как ауспики вашего
шлема или войск тау. Если у них есть
тепловизоры или другие хитрые приборы,
они нас тут же обнаружат.

Аспидно-черные глаза задержались на
нем, и Тэм подумал, что костический
десантник был самой смертью.
Единственным цветом, выделавшимся на
белом алебастре его кожи, была тонкая
красная линия — порез на челюсти,
который раньше был открытой раной.
Тесар заскрипел зубами в гневе.

— Ты будешь следовать приказам,
гвардеец, и не станешь заставлять меня
повторять дважды.

Тэм быстро кивнул. Последнее, чего
бы ему хотелось, это привести Астартес
в ярость. Среди них редко можно было
встретить того, кто хотя бы захотел
заговорить с простым солдатом вроде
Тэма, но чтобы Астартес замедлялся,
чтобы тот попевал за ним, или позволял

ему говорить с собой так, как говорил он...
Тэл намеревался оставаться либо позади,
либо бок о бок с костическим десантником,
пока они не доберутся туда, где бы ни
находился его полк, или пока они не смогут
выбраться с этой планеты. Он также
собирался сделать все, чтобы Тесар
оставался в хорошем расположении духа.

— Да, господин. Вы думаете, в этом
секторе все еще есть имперские войска?

— Мы узнаем, только если найдем
ферму и выясним, есть ли у них какая-то
связь с остальным миром. Это аграрная
планета: здесь большую часть года почти
ничего нет, кроме навоза и растений.
Холода, как правило, длятся лишь
несколько недель. Большая часть
фермеров их пересидживает и ждет, когда
снова можно будет сажать. Тау
поглощают своих врагов, втягивают их
внутрь своей империи, а тех, кто не
присоединяется по доброй воле,
заставляют служить своей цели, своему
крестовому походу во имя Великого Блага.

— Они транслировали передачи о нем
перед тем, как приземлились. Это

религия?

Гесар уселся на бревно и стал проверять запасную обойму к болтеру. Губы его двигались, беззвучно читая литанию, и он убедился, что оружие все еще действует безотказно. Под кожей перекатывались желваки — Тэм понял, что мужчина скрежещет зубами, подавляя гнев.

— Это, скорее всего, их система убеждений. Синеножие ксеносы всегда делают вокс-трансляции. Они клянутся, что не причинят вреда, и проповедуют нечто вроде терпимости. Они отравляют уты своей чужацкой ложью и пытаются обратить слабых духом в свою веру, на благо пришельцев. Порой трусы и предатели вносят свою лепту, и тогда уты и моих братьев просто появляется больше целей для стрельбы.

Гесар вытащил кусок ткани и стал вытирать болтер. Творя молитву о верной руке, он несколько раз проверил ход патрона в патроннике.

Тэм должен был признать, что не столь же пламенно чтит Имперу, как Гесар, но ведь все избранные для службы в

Агенту́с Астарте́с с радостью посвящали
себя Императору. Тело, душа и все, что
есть между ними, преобразались, дабы
создать гибельных ангелов
человечества. Взгляд, который бросил на
него Гесар, как будто видел насквозь
каждую мысль.

— Гвардия Ворона опустошает тебя,
опустошает и заново наполняет Волей
Императора. Она даровала мне
уверенность. Эти твари говорят на нашем
языке, набирают людей с десятков миров и
платят ксеносам-наемникам, чтобы те
воевали за них.

Тэм заговорил, когда Гесар вознал
обойму в гнездо и прикрепил болтер к
поясу. В слабом свете костический
десантник слился с фоном и стал подобен
одной из множества теней среди деревьев.

— Скоро уже появятся звезды,
господин. Как только солнце зайдет, я
смогу подобраться к кротке леса и
посмотреть.

Тэм мог с тем же успехом
разговаривать с гранитной статуей.
Костический Десантник представлял

собой образец терпеливости и скрытого насилия. Он смотрел мимо Тэма, и то, что он видел в темноте, не было тем, чем Тэм хотел бы встретиться лицом к лицу.

-- Ты показал себя достойным слугой Императора. Собери все силы и мужество. Не позволяй ксеносам схватить тебя. Если это произойдет, то лучше нам обоим умереть, чем позволить себе угодить в их лапы.

Тэм бы яростно сопротивлялся, если бы дошло до этого, но так говорили, что любой, кто сложит оружие, будет с радостью принят как солдат, который будет воевать за нечто большее.

-- Вижу, что ты думаешь. Даже при самом слабом освещении я могу видеть почти так же хорошо, как этот прицел. Усо своим шлемом мог бы видеть лучше, чем прицел. Я знаю, что у тебя на уме. Ты не хочешь бросать оружие.

-- Я не трус, господин.

В тусклом свете выделялись зубы Тесара. Над горами восходила восковая луна, и желтый свет придавал бледному

лицу Астартес призрачный облик мертвой
головы.

-- Я говорю не о смелости; в тебе
хватает стали, но ты не знаешь, что
сделают эти ксеносы. Тау распространяют
ложь, но я слышал, чем они платят
крутам. Люди, служащие им,-- предатели,
а тау столь же подлы, как любые другие
чужаки, но круты -- нечто иное.

-- При всем уважении, господин, они
утирают, как все остальные. Мне все
равно, пошлют ли они за нами псов или
явятся сами во всем своем урогстве. Я буду
стрелять во всех, кто не носит имперской
формы.

-- Ты еще не понял, да? Я говорю о
самоубийстве не из страха. Нет большего
греха, который я могу измыслить, чем
позволить себе понасться этим тварям.
Ты не имеешь представления о том, что
такое чужак. Есть причина тому, почему
мы не терпим их существование. Они даже
отдаленно не напоминают нас, они не
думают так, как мы, и, сколько бы
предателей не шагало в их рядах, их не
заботит ничто человеческое.

Гесар говорил так тихо, как мог, но Тэм без проблем расслышал угрозу в его словах.

Гесар покачал головой и вздохнул. Холод продолжал усиливаться, и Тэм подумал, нет ли подогрева в броне костического десантника, и насколько хорошо она защищает его от стихий.

Должно быть, когда Гесар поступил на службу, костические десантники закачали в его вены теплоноситель. Тэм слышал массу историй о том, что входило в процесс создания Агентус Астармес. Они были воплощенной Волей Императора, и что бы не сделали апотекарии с их телами, дабы сделать их заступниками человечества, это сделало костических десантников чем-то большим, чем просто людьми.

Они сдерживали Хаос за пределами Империи. Они встречались лицом к лицу с ксеносами, мутантами и любыми предателями или безумцами, достаточно глупыми, чтобы отвергать власть Верховных Лордов и Волю Императора. Тэм допускал, что, вероятно, Астармес не

слишком высоко ценил простых ребят, служащих в Имперской Гвардии снайперами, но у Гвардейца Ворона не было особого выбора спутников на этой загаданной планете.

Тэм оперся спиной о дерево и сполз на землю. Он поднял ружье и начал проверять режим ночного видения, когда Гесар вновь заговорил.

-- Предатели -- вот от кого меня тошнит. Эти изменники -- просто изгубительные солдатики, которых гонит на войну синяя лрразь. Их речи о единстве -- ложь до последнего слова; они бы принесли в жертву любого человека, которого нашли, если бы это что-то значило для их Великого Блага.

-- Они говорят, что хотят также уничтожить лутантов и проклятых. Может, с ними и можно поддерживать какие-то отношения?

-- Тот, кто соблазнен чужими, встретит возмездие Императора, -- автоматически ответил Гесар, произнеся заученные наизусть слова, и Тэм подумал, не слишком ли он его задел. -- Не потерпи

чужого, капрал. Если бы ты видел хотя бы толику того, что видел я среди звезд, то, возможно, понял эту истину.

Он был в немалой опасности, просто говоря с одним из Астармес, но позволять себе болтать языком перед ним -- совсем иная вещь. Он видел холодную ярость в аспидно-черных глазах Астармес и решил, что лучше всего будет попробовать его успокоить.

-- Я не соблазнен ни чертовыми ксеносами, ни этими глупцами. Просто слышал то, что они передавали -- все остальные тоже наверняка слышали. Не скажу, что надо пожать им руки и разойтись, но зачем мы льем кровь на пустыни полями?

-- Их сюда пригласили.

Этому понадобился миг, чтобы понять, что сказал Гесар. Империю Тау пригласили. Люди предложили целую планету в качестве дара гостеприимства, а тау их поблагодарили и отправили армию, чтобы забрать ее.

-- Твой полк направили сюда, чтобы обеспечить то, что регулярные войска

Корюны сохраняют верность Императору и человечеству. Весьма вероятно, что кто-то из твоих братьев из Гвардии Корюны стал изменником, и если это так, нам придется долго добираться до костюпорта, занятого ксеносами и предателями.

В голосе Гесара не было обвинения. У Космического Десанта были свои еретики и искаженные варпом органа, и Тэм задумался, случалось ли Гвардейцу Ворона сражаться в прошлом с бывшими братьями — хотя он должен был быть безумцем, чтобы заговорить об этом с Астармес. Тем не менее, трудно было отстираться с мыслью о том, что Имперская Гвардия бросила оружие или обратила его против своих же.

В прицеле Тэма ночь из бледно-желтой перекрасилась в пятнисто-зеленый, и ему хватало рассеянного света, чтобы увеличить дальность обзора до максимума. Если они намерены выдвигаться, то это можно было сделать в любое время.

— Господин, я подготовил прибор ночного видения. Я могу выбраться на

чистое место и осмотреться, но вам, пожалуй, стоит оставаться позади. Любопытный охотник может обнаружить вас раньше, чем вы засечете меня.

Тэм дважды бы подумал насчет того, чтоб посмотреть в прицел на костяк гесантника. Было неразумно тыкать оружием в его направлении. Не сейчас, когда Астартес был на пике ненависти и готов устроить настоящее побоище.

— Так, двигайся на опушку и проверь, хорошо ли видны поля. Недалеко от крошки леса должно быть несколько ферм. Я смогу увидеть тебя при свете луны. Просигналь, если все чисто.

Тэм кивнул и пошел прочь. Было нелегко продвигаться даже через негустой лес, пользуясь одним лишь прицелом ночного видения, но вскоре он вышел на чистое пространство и увидел голые поля, простирающиеся впереди.

Он слутно расслышал слабый шум, который могло издавать животное, но Тэм знал, что это Гесар подходит к крошке леса. Есть звуки, которые нельзя

полностью замаскировать, и
бронированный сапог, ступающий на
кустарник, издавал один из них.

Тэм несколько раз повел прицелом по
сторонам. Он заметил лишь источник
света, располагающийся где-то в
полукilометре от него. Через прицел он
выглядел как вкрапление белизны, резко
контрастирующее с зеленой статикой,
заполняющей обозримое пространство.

Дом фермера? Это было
единственное, что могло находиться на
таком расстоянии, как предполагал Тэм.
Дальше на юге виднелось что-то еще, что
могло быть silосной башней.

Точнее сказать в таких условиях
было невозможно. Тэм родился на
неразвитой стороне Тантүласа, и подобная
темнота была почти родной для него — с
прибором ночного видения или без.

Он помахал Гесарү, и звук стучащих о
замерзшую землю сапогов начал
приближаться, пока он не почувствовал,
что костюгесантник встал слева от него.
Он даже не слышал, как Гесар дышит, но
чувствовал, как он возвышается над ним.

Тантұлас обладал более высокой гравитацией, чем Корұна, и Тэм ощущал это с каждым проделанным шагом. Он также знал, что его рост, небольшой в сравнении с ростом гвардейцев Корұны и в особенности космического десантника, вызвал полную каску шток и с полдюжины драк с тех пор, как низкорослые тантұласцы высадились на Корұне один стандартный месяц назад.

— Мы будем на виду по пути к толпу амбару.

— Это что, амбар?

— Используй разум так же, как свой прицел. Это не главное строение. Десятки подобных амбаров стоят по краям полей — это хранилища и загоны для животных.

— Да, господин. Нам бы не помешала пара приборов тепловидения, чтобы можно было поглядеть, не видно ли тепла тел, но той прибор ничего такого не засекает. Что, пойдём через поле?

— Мы ничего не добьёмся, просто стоя здесь. Если нам встретятся враги, тебе придётся использовать свой прицел, чтобы находить для меня цели. У моего

шлема было тепловидение, но то, что от него осталось, лежит позади, у станции связи. Когда закончатся последние две обоймы для болтера, нам придется бороться холодным оружием и гранатами против один лишь Император знает чего.

— Хорошо, выдвигается, как я скажу. Раз, два, три... все, пошли!

Тэм чувствовал, что давит сапогами неиможенно многочисленные скрученные растения, жмущиеся к замерзшей земле. Звук того, как Тесар двигался через поле, было невозможно скрыть, однако мягкий хруст ног бронированными сапогами оказался не таким громким, как он опасался. Он постоянно крутил головой, осматривая поле и двигаясь прямо к строению.

Когда они приблизились, стало еще более очевидно, что это просто амбар. У откуда-то до Тэма донесся тихий гул охлаждающего оборудования.

— У них тут холодильный работает посреди зимы?

— Подумай, капрал. На некоторых из этих ферм есть скот, поэтому они могли построить холодильные установки, чтобы

сохранять мясо свежим сразу после забоя, в начале холодов.

Это было разумно. Двое имперцев медленно подошли к главному входу. Лестница в один пролет вела к небольшой двери рядом с широкими воротами — судя по виду, в них наверняка могли проезжать транспорты.

Тэм осторожно дотронулся до дверной ручки. К его удивлению, она легко повернулась в руке.

— Мы зайдем внутрь, господин?

— Стоит исследовать, капитан. Похоже, что внутри горит свет. Возможно, тебе стоит вооружиться пистолетом на случай, если завяжется ближний бой.

Тэм перебрал снайперскую винтовку через плечо и осторожно вытащил пистолет. Затем он медленно открыл дверь, и, хотя свет был слабый, перед глазами заплескали зеленые вспышки.

— Так, ближайшие несколько минут я без ночного зрения, — пробормотал он себе под нос, и по резкому вдоху понял, что Гесар тоже на это отреагировал.

Затем его зрение прояснилось, и он увидел тела.

Это был огромный холодильник, и с потолка на крюках, которые обычно занимали освеженные туши животных, висела по меньшей мере сотня солдат Имперской Гвардии.

Даже в морозной дымке холодильного помещения Тэм мог разглядеть следы пульс-зарядов, пуль и тупого оружия, убивших многих из них. Сморщившиеся раны резким контрастом выделялись на более темной коже имперских гвардейцев Сантуласа.

Он посмотрел по сторонам, но большая часть тел, которые еще были одеты, носила форму его полка. Некоторые уже были полностью обнажены, но более низкий рост, более крупные мускулы и темная кожа выдавали в них его братьев и сестер, а не полк Коруны.

— Что это, господин? Что они творят, черт возьми?

— Я слышал истории о крутах. Не только их гончие любят немного перекусить поверженной добычей. Это их

рук дело. У них сделка с тау. Эти ксеносы платят им плотью и кровью. Как я и подозревал, капрал.

Двое имперцев медленно пробирались по месту бойни. Тэм увидел врезанные в пол отводные желоба, куда могла стекать кровь. Неудивительно, учитывая количество трупов. То, что было в желобах, стесалось с изморозью в розовую кашицу.

— Это и есть их Великое Благо? Они отдают тела наших ребят этим тварям? Какого черта?

— Полни свое место, капрал, и ожесточи свое сердце. Едва ли это худшее из того, что я видел от ксенотрази, хотя мысль о предателях, которые наверняка им помогали, вызывает у меня отвращение.

Тэм высмотрел что-то впереди: у дальней стены выстроился ряд столов, на которых лежали куски мяса. Глаза зафиксировали их очертания, но в них было что-то такое, что не позволяло мозгу поверить в то, что он видел.

— Они содрали с них кожу... срезали

одежду, а потом содрали кожу. Эта штука там, та штука на столе, это...

Тэт отвернулся и согнулся в приступе тошноты над сточным желобом. Его желудок скрутило спазмом, и в конце концов он смог выгавить из себя лишнюю каплю желчи и несколько кусочков батончика из рациона. Лучше себя чувствовать он от этого не стал.

-- Мы ничего не можем сделать для них, капрал, мы должны двигаться дальше. Похоже, что губернатор этого мира заключил сделку с тау, и, судя по всему, силы планетарной обороны обрушились на тел своих людей, когда они отступали к фермам. Я вижу на этих телах следы от имперского оружия, но не от крутского, и на них нет ожогов от импульсных винтовок воинов огня.

Немыслимо. Солдаты Имперской Гвардии Коруны нападают на полк Сантуласа из засады, когда те бегут от станции связи, и помогают крутам схватить их. Все, кто оказывал сопротивление, наверняка были убиты, как тот корунский солдат, которого они

нашли в лесу. Или же это было что-то вроде случайной атаки по своим -- гончая просто ошиблась.

В любом случае, утешаться было нечем. Албар был полон трупов, и Тэмуротчаянно хотелось отыскать способ их спасти. Самое малое, что он мог сделать -- это не дать крутам до них добраться.

-- Может, взорвет здание? Окажет ли последнюю милость, мой господин? Есть тут места, куда можно прикрепить гранаты так, чтоб снесло весь этот проклятый албар?

Гесар покачал головой и показал в сторону двери болтером.

-- Мы добыли то, что мне нужно было знать. Единственное, что мы можем сделать -- доставить эту информацию в нужные руки. Если Корона пала, здесь еще могут оставаться верные люди, и мои боевые братья все еще здесь. Гвардия Ворона рождена для этого. Коракс хранит меня, мы можем найти выживших и рассказать им об этой мерзости, и мы очистим эту планету от ксеносов, даже если я должен буду сделать это в

одиночку!

--- Подождите, господин, мы же не можем просто оставить эти тела. Это неправильно. Какого дьявола крутам нужно от трупов? Если они хотят мяса, так могут просто взять животное на ферме, зачем им нужно было освежевать и разделать целый полк?

--- Гравитация.

Двое имперцев разом повернулись на звук голоса. Он исходил из глубины здания, и Тэм заметил, что некоторые тела слегка покачивались, как будто что-то проскользнуло мимо них.

--- Назови себя! Я -- представитель Империи и Трона, и я приказываю тебе назвать свое имя!

Нечто, похожее на слух, донеслось сверху, и внезапно половина всех светильников в здании отключилась. Было недостаточно темно для того, чтобы пригодился прибор ночного видения Тэма, но по всему помещению протянулись длинные тени.

--- Полк Тантуласа... их тела приспособлены к миру с повышенной

гравитацией, и все они наделены прекрасным зрением. Вот почему среди них так много снайперов.

Остальные огни вдруг погасли, и Тэм легко, отработанным движением вскинул винтовку, включив большим пальцем прибор ночного видения.

--- Береги глаза! Химический свет! --- Гесар сделал движение, и Тэм увидел столбюжины зеленых палочек, которые вылетели из руки десантника и упали перед ним полукругом. Свет, который они испускали, был достаточно слаб, чтобы мешать прибору Тэма, но, как он подозревал, его было достаточно, чтобы Гесар мог нормально видеть. Позади них также слабо мерцал красный аварийный свет над выходом из здания.

--- Береги боеприпасы и продвигайся к выходу!

Тэм уже двигался так медленно, как мог, поводя винтовкой из стороны в сторону, но все, что он мог разглядеть в темноте, -- трупы, свисающие с потолка.

--- Тау многому бы вас научили, если бы только вы приняли идеалы Высшего

Блага и единства! То, что вы видите — это те, кто умер от ран или отказался сдаваться!

Тэм попытался отследить, откуда исходит голос, который звучал, как человеческий. Кажется, он слышал и другой голос, но тот говорил нечеловеческим языком. Гесар, Видимо, увидел или услышал что-то, потому что вынул очередь, за которой последовал пронзительный вопль и тихий скүлящий звук, который постепенно замер, завершившись предсмертным взвизгом.

— Очень, очень хорошо, костический десантник. Ты сам по себе станешь неплохой наградой. В тебе набито столько чудных органов. Столько генетических чудес, доставшихся тебе от твоего Императора. В твоей крови таится немало находок. Я хочу, чтобы ты знал, что только самые лучшие воины заберут твою плоть. Твое тело станет почетной наградой для всех, кто сражается.

— Капрал, подготовь взрывчатку. Я слышу, как они движутся вокруг нас. Они набросятся в любую секунду... За Трон и

Императора!

Еще одна очередь болтера, и на этот раз Тэму удалось мельком разглядеть крута, в которого попал Гесар. Взрывчатые снаряды разорвали одно из свисающих сверху тел, но сквозь зеленый фон прицела Тэм видел, как голова крута превратилась в липкую кровавую массу.

Затем круты ринулись в атаку. Тэм вновь услышал звук болтера, а потом — щелчок опустевшей обоймы.

— Перезаряжаю! Прикрой меня! Быстро! Быстро!

Гесар переместился вперед Тэма и теперь стоял на одном колене. Пустая обойма лягнула о металлический пол, и пока Гесар вбивал в болтер последнюю обойму, Тэм стрелял поверх него.

В первой волне было, по меньшей мере, полдюжины крутов, и последняя очередь Гесара записала на его счет двоих. Еще трое повалилось под выстрелами Тэма, водившего винтовкой из стороны в сторону. Их чуждые лица заполнили прицел, и зеленая поволока ночного видения сделала их еще более кошмарными.

Тэм больше указывал, чем стрелял, и вдруг над Гесаром возник круг, готовый ударить своим ружьем, как глубиной. Очередь болтера сняла его, словно цветную бумагу.

-- Назад! Назад ко входу! Двигайся!

Тэм повернулся, следуя приказу Гесара, и увидел, как дверь распахнулась и в проходе вдруг показался ствол импультной винтовки.

Лицо, появившееся в его прицеле, было человеческим, и палец Тэма все жал и жал на спуск, и когда винтовка защелкала, лишившись последнего заряда, все, что оставалось в прицеле, -- темное пятно на стене.

-- Враги у входа! Господин! Гес'веса у двери!

Тэм повернулся и увидел, как пуля попала Гесару в шею. Костический десантник поднимался на ноги, и из его болтера вырвался очередной снаряд, когда вдруг его голова странно дернулась, и Тэм ощутил, как что-то теплое брызнуло ему в лицо.

Тэм прокричал имя костического

десантника, но тот лишь хрипел, подняв одну руку к шее. Пламя, вырвавшееся из дула болтера, оставило следы, тающие в зрении Тэма.

Если они доберутся до двери, у них будет шанс. Тэм сорвал с пояса одну из своих гранат и швырнул ее в открытый дверной проход. Если там были еще предатели, то сейчас они получат неприятный сюрприз.

Как только он услышал, как граната ударяется обо что-то снаружи, он двинулся вперед и попытался подхватить Гесара под локоть, чтобы оттащить его к двери. Болтер рывкнул в последний раз, а затем щелкнул, опустошенный.

Снаружи раздался грохот взрыва, за ним — крики. Тэм все еще старался как-то поднять Гвардейца Ворона, чтоб хотя бы попытаться дотащить его до двери. Они все еще могли с боем вырваться наружу. Все лучше, чем висеть раздетым догола, точно разрубленная туша.

Гесар что-то яростно прохрипел, и Тэм поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть крута, готового вот-вот ударить

крючковатым разделочным ножом.

Тэм ударил винтовкой вперед и попал прямо под челюсть чужаку, имеющему странное волкоподобное обличье, отличное от остальных, которых он видел. Клинок легко проник в плоть. Прежде чем он смог вытащить его, крүт схватился за ствол и вырвал оружие из его рук.

Гесар оставил попытки подняться на ноги и вытащил ценной меч, готовый сражаться, даже стоя на коленях. Тэм достал свой пистолет и всадил несколько зарядов в силуэты, движущиеся за границей сияния, испускаемого хитическими светильниками. До него донеслись глухие шлепки снарядов, попавших в мертвую плоть, но все же он был вознагражден слышавшимся из темноты стоном и еще чем-то, что он считал ксеносским ругательством.

Затем все вокруг исчезло во вспышке света -- снова включились лампы. Он был слишком ошеломлен, чтобы целиться, но Гесару удалось сделать выстрел в сторону одного крүта, который воспользовался моментом для атаки. Ценной меч под

идеальным углом врезался в тело прямо наг грудиной и глубоко взрылся в него. Костический десантник навалился на меч всей своей силой и массой, проведя зубчатое лезвие вниз, через раздробившуюся ключицу, прямо в сердце крута.

Гесар все еще пытался высвободить клинок, когда справа, вертясь волчком, появился еще один крут. Тэм не успел воспользоваться пистолетом, и приклад крутского ружья врезался в череп Гесара наг ухом. Деревянная ложа треснула, и по лицу Гесара полилась кровь.

Тэм опустошил свой пистолет в обезьянью торгу крута и нажал на кнопку, выбрасывающую обойму, одновременно шаря по поясу в поисках новой. Он знал, что итэ никак не добратся до двери, и понимал, что, даже если удастся это сделать, там будет еще больше дожидających их солдат.

Оставалось только одно. Последняя осколочная граната. Тэм не знал, сколько она может уничтожить, но был вполне уверен, что на близком расстоянии эта штучка превратит его в кровавые ошметки

и наверняка убьет Гесара.

— Господин, прости меня Император, они не заберут вас. Обещаю, они вас не достанут!

Это было все, что он мог сделать для Астартес, который так долго сохранял ему жизнь. Тэм надеялся, что, если Император направит их в лучший мир, ему зачтется этот последний акт отваги.

Едва только он нацунал гранату, пуля разбила головку его плечевой кости. Он перестал чувствовать левую руку, и она бессильно повисла вдоль тела.

Гесар упал назад и повалился на ноги Тэмю. Тот понял, что костический десантник тяжело контужен. Если он и не был уже мертв, то до этого оставалось немного времени, учитывая, сколько крови он потерял. Это было слабым утешением, но Гесар не хотел, чтоб крутам досталось его тело.

Тэм отбросил пистолет и потянулся здоровой правой рукой к гранате, но вдруг над ним возникла тень, и в руке вспыхнула боль — сильный удар приклада отбросил

гранату и сломал ему пальцы.

Он невольно закричал и посмотрел вверх, в кошачьи глаза крута. Они были зеленые и узкие — те же глаза, что глядели прямо на него у станции связи.

Крут говорил на грубом языке, которого Тэм не понимал. Он состоял из жестких, взрывных слов, странных пауз и звуков, перекатывающихся глубоко в горле твари. Затем к голосу крута присоединился человеческий, и над ним появился мужчина в наряде сине-золотого цвета, какие носили люди-изменники. Он смотрел на крута почти как на божество.

— Ты хорошо сражаешься. Тау любят своих таленьких человеческих помощников, но те, что живут здесь, слишком слабы. А у тебя сильное мясо, хорошие кости и очень хорошие глаза.

Это был тот голос, который они слышали раньше в здании. Похоже, это был переводчик крутов — он внимательно слушал и повторял все, что говорил его хозяин, в то время как крут, топая, бродил вокруг Тэма и рассматривал его.

— Изменник... Ты предал нашего

Императора и свой народ. Ты хуже, чем
лутанты, которых родит варн. Демон ---
это мерзость, лутант --- искаженное
существо, но ты проклял сам себя... ради
чего?

Предатель явно был с Коруны, и Тэм
подумал, не носил ли он форму имперского
гвардейца, прежде чем перейти на сторону
крүтов. Нельзя было сказать, насколько
далеко и глубоко зашла его измена.

--- Ты не видел великоления единства.
Ты не понимаешь... не можешь понять
величие Высшего Блага, превосходящего
нашего мертвого Императора. Тая
показали нам истины, которые тебе
неведомы, крүты показали нам блаженное
единство.

Гесар захрипел, и его рука слабо
приподнялась, будто ища оружие. Тэм
показалось, что он расслышал проклятие,
грожащее на губах Астартес. Затем он
увидел, как другой крүт подошел и
спокойно вонзил клинок ему под подбородок,
и рука Гесара упала, более не шевелясь.

--- Зачем? Зачем ил тела?

Крүт как будто внимательно изучал

его. Тэм огляделся и увидел, как сильно
крүты разнятся по росту, в окраске, во
всем. В них, как в горниле, сплавлялись
воедино самые различные физические
характеристики, даже более
разнообразные, чем у множества людей,
рассеянных среди звезд.

— Кровь расскажет. Крүты ищут
лишь единства, и твое мясо говорит
крүтам, какими они должны быть. Они
предлагают дар единства и становятся
сильнее. Они прирут твою плоть в
единство и слогут лучше сражаться при
низкой гравитации. Они будут лучше
видеть. Им нужно свежее мясо. Их
единственное постоянство — в переменах.

— Мы солдаты, а не вещи,
штатные на фабриках!

Предатель продолжал переводить
слова вожака крүтов, а ксенос
рассматривал Тэма своими чуждыми
кошачьими глазами.

— Таков путь всего, что состоит из
плоти. Тау не тревожит, что происходит
с мертвыми, и они никогда не проверяют,
переживут ли люди ранения, поэтому мы

получает столько тел, сколько требуется, и это делает нас сильнее. Их это не беспокоит, потому что служит Высшему Благу.

Крут наклонился поближе и вытащил узкий нож из закрепленных на руке ножен. Он аккуратно провел его кончиком по лицу Тэма, пока острие не остановилось под правым глазом.

-- Ваш Император и его жрецы наполняют этих огромных воинов механизмами и органами, делающими их сильнее. Их мясо сильно, но крутам нужны все виды плоти, иначе они придут в упадок. Ты спасаешь их расу. Ты должен гордиться. Вместо того, чтоб погибнуть внустую во имя мертвого Императора, ты станешь одним целым с крутами, и в этом единстве ты даешь им силу и поможешь выжить, чтобы продолжать освобождение.

-- Нет... пожалуйста, не делайте этого!

Узник снова начал переводить речь крута, и Тэм заметил, что мужчина начал пятиться назад, подальше от

ксеносов, которые собирались вокруг него. Взгляд его был опущен вниз, и было слышно, как он на мгновение потерял голос.

— Ты будешь жить, человек, — разве это не то, что любит твой народ? Разве не поэтому они расселяются по звездам? Разве не поэтому ваш Император вложил свои органы и влил свою кровь в костических десантников? Ты будешь жить вечно, как часть народа крутов, и однажды человек посмотрит на одного из нас и увидит твои глаза... такие хорошие глаза.

Тэт кричал, пока приклад ружья не врезался ему в лоб. Он слутно ощущал грубые руки и лапы, тянущие за одежду и стаскивающие ее.

Кажется, он на какое-то мгновение увидел свет и почувствовал, как кто-то дергает его веки, и подумал о черной птице, клюющей безымянного гвардейца в лесу, а потом, когда ножи опустились, все поглотила тьма.

Ядро

Аарон Дембски-Боуден

Переводчик: Dammerng, вычитка:

Дэн

Оно знало себя лишь как Старейшее.

Это было больше, чем имя, -- его место в творении. Оно было самым старым, самым сильным и свирепым, и оно отведало больше всего крови. Прежде чем стать Старейшим, оно принадлежало к низшей породе. Эти слабые существа были сородичами Старейшего, однако сейчас оно держалось вдали от них, пытаясь утихомирить голод, который никогда не исчезнет.

Старейшее дернулось во сне, который не был до конца ни сном, ни оцепенением, но неким неподвижным состоянием, переходящим из одного в другое. Мысли его текли вяло, инстинкты и неясные ощущения медленно ползали позади закрытых глаз. В глубине разума Старейшего перешептывались сознания его сородичей.

Они говорили о слабости, об отсутствии добычи, и поэтому эти шепотками можно было пренебречь.

Старейшее не способно было видеть сны. Вместо того, чтоб спать и грезить подобно человеку, оно лежало без движения в глубокой темноте, не обращая внимания на мысленные импульсы своих слабых собратьев и позволяя собственным сонным мыслям вращаться вокруг ненавистного голода, что пробирал его болью до самого нутра.

Добыча, было в его медлительном, жаждущем разуме.

Кровь. Плоть. Голод.

Полубоги шли через тьму, и Септим следовал за ними.

Он все еще не понимал, почему хозяин приказал присоединиться к ним, но его долгом было подчиняться, а не задавать вопросы.

Он был одет в потрепанный скафандр, жалкий в сравнении с боевыми доспехами Астарте, полностью скрывающими тела полубогов, и следовал за ними по наклонной палубе десантно-штурмового корабля вниз, в темноту.

— Почему ты идешь с ними? — затрещав в воксе женский голос. Чтобы ответить, Септим должен был переключать каналы вручную при помощи частотной шкалы, встроенной в маленький прибор управления скафандром на левом рукаве. К тому времени, как он нашел нужный канал, женский голос повторил вопрос более обеспокоенно и вместе с тем раздраженно.

— Я спрашиваю, почему ты идешь с

нити?

--- Не знаю, --- ответил слуга. Он уже был позади Астармес и практически бежал трусцой, чтобы не отставать от них. При всей своей пользе фонарь, закрепленный сбоку шлема, испускал лишь слабый поток света в направлении его взгляда. Луч цвета тусклого янтаря вырывался вперед и пронзал тьму, давая столь слабое освещение, что от него практически не было толку.

Световое пятно скользило по изогнутым арками стен из неотполированного металла, по покрытию палубы; всего через несколько минут оно озарило первое тело.

Хозяин и его братья уже прошли мимо, но Септим заметил шаг и опустился возле трупа на колени.

--- Поторопись, раб, --- сказал по vox сумрадин из них. Они спускались все глубже по темным туннелям. --- Не обращай внимания на тела.

Септим позволил себе последний раз взглянуть на тело --- человеческое, тужское, затороженное в камень в

лишенной тепла телноте. Он мог лежать мертвым неделю, мог и сотню лет. Все процессы разложения остановились, когда корабль лишился энергии и оказался открыт космосу.

Словно вторая кожа из хрустала, все кругом покрывала изморозь, от стен до палубы и измученного лица мертвого мужчины.

--- Поторопись, раб, --- снова позвал его рыкающий, низкий голос.

Септим поднял глаза, и слабый луч света протянулся во тьме. Он не видел ни хозяина, ни его братьев. Они ушли слишком далеко вперед. Уща их взглядом, он наткнулся на нечто куда более неприятное, однако не сказать, чтоб неожиданное.

Еще три трупа, также окутанные изморозью и окоченевшие, как и первый, накрепко примерзшие к металлическому полу коридора, ставшего их могилой. Кончиками пальцев в перчатке Септим прикоснулся к ближайшей обледенелой ране, и на его лице появилась гримаса, когда он ощутил изломанные кости и

красную плоть, непогатливую, как камень.
Он почувствовал, как палуба дрожит
под грохотом шагов. Корабль пребывал в
вакууме, поэтому шаги приближающегося
полубога беззвучно сотрясали пол. Септим
снова поднял голову, и луч фонаря осветил
госпехи мутного, мертвенного синего
цвета, как у порченого сапфира.

— Септим, — произнес в воке
возвышающийся над ним госпех. В темных
кулаках он сжимал тяжелый болтер,
массивный и древний на вид, слишком
большой, чтобы его мог нести человек, и
украшенный побелевшими черепами,
свисающими на цепях из полированной
бронзы. Дуло оружия было выполнено в виде
черепца, широко распахнувшегося челюсти,
будто ствол высывался из визжащей
части скелета.

Септим хорошо знал это оружие, ибо
это он ухаживал за ним, чинил его и
показывал почести обитающему внутри
духу машины. Раб поднялся на ноги.

— Простите меня, лорд Меркуциан.

Раскосые глазные линзы воина
рассмотрели его спокойным, внимательным

взором.

--- Что-то не так?

У голоса Меркүциана, была особенность, которая отсутствовала у большинства остальных, и ее можно было услышать даже через вокс. В нечеловеческой глубине и резонансе этого голоса можно было уловить измененные акцентом гласные. Благородное произношение Меркүциана указывало на то, что в юности он получил широкое образование, а также украшало его ностратский.

--- Нет, господин. Ничего особенного.

Мне стало любопытно, вот и все.

Воин повернулся обратно в коридор.

--- Подожди, Септим. Держись рядом.

Дополнительный груз тебе не мешает?

--- Нет, господин.

Септим солгал, но не слишком. Он тащил на плече тяжелый контейнер с боеприпасами вдобавок к кислородным баллонам за спиной. Она была плотно набита лентами со снарядами к огромной болтерной пушке, которую сжимал в перчатках Меркүциан. Воин и

сам нес два таких же контейнера, пристегнутых к поясу.

В воксе затрещал еще один голос, также говоривший на ностратском, но каждый слог у него будто оканчивался острым лезвием.

Септим довольно хорошо знал акцент бандитов улья. Он и сам ему выучился, естественным образом переняв интонацию, когда хозяин научил его этому языку. Большинство полубогов разговаривали подобным образом.

-- Потерпитесь, вы оба, -- пролаял голос.

-- Мы идем, Ксарл, -- ответил Меркүциан.

Воин пошел впереди, опустив громадное оружие, беззвучно стуча сапогами по палубе. Он перешагнул через трупы, не удостоив их вниманием.

Септим обошел их, отметив, что каждый был начисто выпотрошен страшными ударами. Он видел подобные раны и прежде, но только на голоэкранах, во время биологических демонстраций.

Следуя за Меркүцианом, раб повернул

реле на запястье.

--- Генокрады, --- прошептал он в личный канал.

Женщину на другом конце звали Октавия, так как она была восьмым в работ, так же, как Септим был седьмым.

--- Будь осторожен, --- сказала она со всей серьезностью.

Септим поначалу не ответил. Тон Октавии указывал, что она знала, насколько безумны эти слова, учитывая, что оба они существовали лишь как пешки Повелителей Ночи.

--- Они сказали тебе, зачем мы здесь? Я не верю в байку про тародерство.

--- Ни слова, --- ответила она. --- Они ничего мне не говорили с тех пор, как мы покинули Море Душ.

--- Раньше, на «Завете Крови», мы все время грабили костические скитальцы. Но крайней мере, когда нас не рвали на куски имперские орудия. Но здесь как-то все иначе.

--- Как это --- иначе?

--- Хуже. Для начала, этот больше, --- Септим снова посмотрел на наручный

хронометр. Он пребывал на скитальце уже три часа.

Тремя часами ранее корабль, больше похожий на зловещий клинок, переместился в систему, покинув объятия Варна в вылеске плазменной дымки и пламени двигателей.

Корабль был темен, как зимнее небо в полночь, его бока украшала блестящая чеканная бронза, подобная той, что защищала тела древних героев Терры во времена невежества и безбожия, когда люди еще не потянулись к звездам.

Это было творение воинственной красоты — бронированные ребра, готическая архитектура хребта — воплощенной в гладкой и хищной форме. Зазубренное копьё цвета черной синевы и золоченой бронзы, пронзающее пустоту. Вблизи не было действующих сугуб, принадлежащих Империи, ксеносам или кому-либо еще, но если бы они были — и обладали при этом возможностью пробиться сквозь защищающий от атак криптографический туман,

создаваемый темным кораблем — то они бы узнали этот корабль по имени, которое он носил во время Ереси Гора, десять тысяч лет назад.

В то темнейшее из времен этот звездолет парил в небесах Святой Терры, над пылающей атмосферой. Пламя миллиона кораблей расцветило космос, когда они яростно сражались друг с другом, в то время как планета под ними, колыбель человечества, горела.

Он был там и поражал корабли, верные Золотому Трону, и они рушились с орбиты, разрывая окутывающие Терру облака и подобно молотам врезааясь в города Императора.

«Ашаллиус С'Вейвал» — так он назывался на мертвом языке мертвого мира. На имперский готик это можно было примерно перевести как «Эхо Проклятия».

«Эхо Проклятия» призраком плыл вперед на слабо горящих двигателях, с толчаливой уверенностью рассекая кость. На его мостике люди работали вместе с существами, что уже на протяжении многих поколений не были людьми.

На троне из черного железа и полированной бронзы в центре обильно украшенного помещения восседала некая фигура. Астарес был облачен в древний доспех, чьи части за долгие годы были собраны более чем с дюжины погибших воинов и восстановлены с большим почтением. Лишенные челюстей череп свисали с наплечников на цепях и гремели с каждым движением воина и с каждым содроганием корабля, которым тот командовал. Лицом, что он являл миру, было глухое забрало в виде черепа с выжженной на лбу одинокой рунной, взятой из мертвого языка.

Вокруг фигуры на троне кипела деятельность. Офицеры в старой

униформе Имперского Флота, с которой были сняты знаки отличия, работали за различными консолями, столами и экранами конструкторов. Пожилой человек за широкой рулевой консолью передвинул тяжелый стальной рычаг в фиксированную позицию и посмотрел на экраны перед собой, читая рунический текст, что набегал на экран бесконечными волнами. Для несведущего человека столь бурный поток сведений не имел бы смысла.

— Переход завершен, мой повелитель, — крикнул он через плечо. — Все палубы, все системы стабильны. Восседающий на троне силуэт в маске склонил голову в медленном кивке. Он все еще чего-то дожидался.

На мостике зазвучал голос — женский, молодой, однако пронизанный усталостью — доносящийся из динамиков в пастях гомоликих горгулий, украшающих металлические стены.

— Мы это сделали, — выдохнул голос. — Мы на месте. Так близко, как я только смогла.

Наконец силуэт, восседающий на

троне, поднялся на ноги и заговорил впервые за несколько часов.

— Прекрасно, — голос его был глубоким и нечеловечески низким, однако в нем чувствовалась на удивление мягкая нота. — Октавия?

— Да? — снова спросил женский голос, слабым ветром проносящийся над мостиком. — Мне... мне нужно отдохнуть, господин.

— Тогда отдыхай, навигатор. Ты хорошо поработала.

Некоторые из людей, обслуживающих мостик, обменялись нервными взглядами. Этот новый командир не походил на прежнего. Приспосабливались к нему медленно, так как большая их часть служила Возвышенному — или даже худшим хозяевам — на протяжении многих лет. Всем им было непривычно слышать похвалу, произнесенную в их присутствии, и прежде всего она вызывала подозрение.

Из ниши в западной стене зала донесся голос мастера-наблюдателя. Хотя он был человеком, голос был механическим, ибо половину его лица, горло и туловище

заменяла негоровая и грубая бионика. Аугметик, служившую ему вместо человеческой плоти, он заработал при падении Вилатуса, пять месяцев тому назад.

-- Аусник ожил, господин! -- крикнул он.

-- Просветите же меня, -- сказал облаченный в доспехи командир. Он пристально смотрел на оккулус, однако огромный экран в передней части мостика оставался полумертвым, ослепленным чудовищными помехами. Его это не беспокоило -- он привык к статическому шуму после путешествия в варне. Оккулусу всегда требовалось какое-то время, чтобы перенастроиться и восстановиться.

Порой он видел лица в сером шторме беспорядочных сигналов, проносящихся по сверкающему экрану -- лица павших, потерянных, забытых и проклятых.

Они всегда вызывали у него улыбку, даже когда кричали надрывным голосом белого шума.

Мастер-наблюдатель заговорил, глядя на показания аусников, занимающие

четыре мерцающих экрана, каждый из которых показывал цифровые данные обо всем, что окружало корабль.

— Если лететь на трех четвертях полной скорости, через пятнадцать минут и тридцать восемь секунд мы приблизимся на расстояние, достаточное для запуска десантных капсул в указанную цель.

Командир улыбнулся за забралом. Кровь отца, Октавия. За это надо хвалить только твои умения, подумал он. Вырваться из Моря Душ так близко к движущейся цели. Для столь юного навигатора она была необычайно талантлива — или удачлива; она научилась тчаться по тайным тропам Эмпирея с помощью упорства и природного чутья.

— Есть ли сигналы от кораблей поблизости?

— Нет, господин.

Пока все шло хорошо. Командир кивнул влево, где управляли защитными системами офицеры в потрепанной униформе и сервиторы, способные концентрироваться лишь на назначенных

задачах.

-- Включить «Вопль», -- приказал он.

-- Да, хозяин, -- отозвался один из офицеров. Этот человек, аколит из числа Механикус-отступников, обладал дополнительной парой многосуставчатых рук, тянущихся из силового ранца за спиной. Они управляли другой консолью рядом с той, на которой он работал своими биологическими пальцами.

-- Значительный выход плазмы, -- нараспев произнес аколит. -- «Вопль» может работать еще два и пятнадцать сотых часа, прежде чем придется отключить подаватели распознавания ауры.

Этого времени будет достаточно. Командир отключит «Вопль», как только убедится, что эта область пространства будет полностью безопасна. До тех пор он натеревался наполнять пространство вокруг «Эха Проклятия» ужасным шумом на тысячах частот и бессловесными машинными криками. Любой корабль на расстоянии, достаточно, чтобы выследить «Эхо» при помощи сканеров,

обнаружат, что его ауспики неспособны найти какую-либо цель среди заглушающего поля, а вокс-каналы забиты бесконечным статическим ревом.

«Вопль» был самым последним изобретением техножреца Делтриана. Невидимость от имперских сканеров имела свою пользу, однако она жадно высасывала энергию, необходимую для питания других систем корабля. Когда «Вопль» работал, пустотные щиты истончались, а носовые пушки отключались полностью.

-- Всю оставшуюся энергию на двигатели, -- командир все еще смотрел на забитый помехами оккулус. -- Подведи нас ближе к цели.

-- Повелитель, -- сглотнул мастер-наблюдатель. -- Цель... она огромна.

-- Это корабль Механикус. Тот факт, что он велик, меня не удивляет, и не должен удивлять тебя.

-- Нет, господин. По расчетам она значительно больше, чем корабль соответствующего типа и назначения.

-- Уточни, что значит «огромна», --

сказал командир.

— По показаниям ауспиков, это образование размером примерно с Ятус Секундус, господин.

Возникла пауза, во время которой на мостике воцарилась практически полная тишина. Самым громким звуком были хриплые вдохи и выдохи командира, доносящиеся из вокс-динамика его шлема. Команда еще не очень хорошо знала нового повелителя, однако все они могли легко понять по отрывистому дыханию, что Астартес вот-вот выйдет из себя.

— Мы вышли из варна, — прошипел командир сквозь стиснутые зубы, — чтобы найти корабль, слившийся с костическим скитальцем. А теперь ты говоришь мне, что приборы ясновидения показывают, что этот скиталец размером с небольшую луну?

— Да, повелитель, — съежился мастер-наблюдатель.

— Не увиливай, когда говоришь со мной. Я не убью тебя за неприятные известия.

— Да, господин. Спасибо, господин.

Следующую фразу командира прервал оккулус, который, наконец, сфокусировался заново. Он очистился от помех, и искажения исчезли.

В отдалении, с переменчивой ясностью, экран демонстрировал массу слипшихся, раздавленных костических кораблей, как будто бы сросшихся вместе по воле некоего равноправного и безумного бога.

И она была -- как и сказал в сердцах командир -- размером с небольшую луну.

Один из Астартес, стоявших у трона, шагнул вперед, поднимая скрытое телным шлемом лицо к оккулусу.

-- Кровь Гора... В нем должно быть не меньше двух сотен судов.

Командир кивнул, не в силах отвести взгляд. Это был крупнейший дрейфующий скиталец, который он когда-либо видел. Возможно -- он был в этом почти уверен -- даже крупнейший из тех, что когда-либо видел любой человек или Астартес.

-- Просканировать это месиво, найти остатки исследовательского судна Механикус, -- прорычал он. -- Надеюсь, оно

находится во внешнем слое кораблей.
Аколит, отключить «Вопль». Рүлевые,
подвести корабль ближе.

Приглушенное «Есть, господин»
донеслось от главного рүлевого.

— Подготовить Первый Коготь к
высадке, — приказал командир остальным
Астартес. Сев обратно на металлический
трон, он вперил взгляд в огромное
образование, постепенно заполняющее
оккулус. По мере приближения становились
видны детали — смятые очертания,
искореженные шпильки.

— И передайте Люкорифу из Кровавых
Глаз, что я хочу немедленно с ним
поговорить.

Когда существо, более не
приспособленное для ходьбы по земле, не
использовало когти, они, подводя его,
сжимались и стесняли движения. Оно
вошло в зал, пьяно покачиваясь, движения
прерывались спазмами конечностей и
порожденным порчей тиком усиленных
мышц. Эта дерганая походка не имела
ничего общего с трусостью — она

полностью объяснялась тем фактом, что зверя пленили, заставили вести себя, как одного из бывших собратьев -- заставили ходить и говорить.

Подобные движения уже давно были чужды этому созданию, если не совершенно ненавистны. Оно ходило на четырех конечностях, сгорбившись и осторожно крадучись, стуча по полу когтями на руках и ногах. Цилиндрические турбины двигателей на спине существа качались в такт его неуклюжей походке.

По закрытому шлемом лицу существа сложно было сказать, что оно сохранило связь со своей кровной родней, война и варп изменили его, создав нечто, исполненное куда большей ненависти. Не было ни рунических знаков, ни черепа, нарисованного на благословенном керамике. Вместо традиционных знаков Легиона узкое забрало демонстрировало тирю лик воющего демона, чья зарешеченная пасть была раскрыта в скорбном крике, глящемся с тех пор, как утер его бог-отец.

Искаженное лицо быстро повернулось,

чтобы осмотреть каждого Астартес, резко дергаясь вправо и влево, как голова ястреба, выбирающего добычу. Сервоприводы и волоконные жгуты — шейные суставы его доспеха — уже не двигались плавно, с тихим урчанием, но издавали резкий лай при каждом злобном рывке его головы.

— Почему позвал? — требовательно спросило существо голосом, который мог бы исходить из скрипучего кривого клюва пустынного стервятника. — Почему позвал? Почему?

Талос поднялся с командного трона. Первый Коготь зашагал вперед вместе с ним. Пятеро других Астартесов приблизились к сгорбленному существу, держа оружие так, чтоб можно было сразу за него схватиться.

— Люкориф, — произнес Талос и склонил голову в знак уважения, прежде чем отдать честь, приложив кулак к обоим сердцам. При этом перчатка и предплечье накрыли ритуально изуродованного имперского орла, распростертого на его груди.

-- Ловец Дүш, -- из легких существа
вырвался стешок, звучащий излишне сухо.
-- Говори, пророк. Я слушаю.

Вскоре «Эхо Проклятия» поплыл
ближе; чудовищный скиталец затмевал
корабль размером и полностью накрывал
тенью, отбрасываемой им от света
далекого солнца.

Две капсулы, вращаясь, будто
сверлили пустоту, вырвались из ниш в
брюхе корабля и врезались в более рыхлый
металл оболочки скитальца. Два сигнала
запульсировали на панели коммуникации
на мостике «Эха». Первый звучал мягко,
его оттенял треск вокса. Второй говорил
коротким, резким шипением.

-- Говорит Талос из Первого Когтя.
Мы внутри.

-- Люкориф. Девятый Коготь.
Внутри.

Уже десять часов внутри, семь часов с тех пор, как он последний раз говорил с Октавией. В корабле, через который они двигались, действовала искусственная гравитация и рециркуляторы воздуха, что немного скрашивало положение.

Септим знал, что лучше ему не говорить Астармес, что он голоден. Они были выше таких вещей и не намеревались обременять себя проблемами смертных. Среди его экипировки имелись таблетки обезвоженного рациона, но они лишь немного притупляли голод. Первый Коготь двигался по темным коридорам с нейтральным упорством, в пугающей безмолвии. Часом ранее Септим рискнул остановиться, чтобы помочиться на переборку, и ему пришлось совершить краткий забег, чтобы догнать их.

По возвращении его приветствовал лишь рык одного из членов отряда. Облаченный в древние доспехи, с кровавым отпечатком руки на забрале, Узас

огрызнулся на приближившегося человека.

По меркам Узаса это было почти что радушное приветствие.

Они пробилась сквозь четырнадцать кораблей, хотя и было невероятно сложно понять, где заканчивается один и начинается другой, или что они на самом деле движатся через оторванный отсек деформированного судна, которое уже миновали.

Большую часть времени они проводили, ожидая, когда сервиторы закончат резать — резать загражденные переборки, резать слятые стены корабельных корпусов, прорезать искореженный металл, чтобы достичь пространства, по которому можно было двигаться дальше.

Два сервитора трудились с бездумным прилежанием, их действия были полностью подчинены успешному знаками контрольному планшету в подобных руках скелета руках Делтриана. Дрели, пилы, лазерные резаки и плазменные горелки раскаляли воздух

вокруг пары бионических рабов, прорезающих себе путь сквозь очередное препятствие в виде искореженной стены.

Техножрец наблюдал за ними изумрудными глазами — самоцветами, превращенными в многослойные линзы и вставленными в глазницы перестроенного лица.

Делтриан сконструировал собственное тело согласно высочайшим стандартам. Эскизы, придуманные им в процессе конструирования своего облика, по меркам человеческого ума были ближе к искусству, нежели к инженерному делу. Таковы были усилия, необходимые, чтобы жить вместе с Астармес на протяжении веков, когда ты не наделен бессмертием, каким одаряла их обусловленная генетикой физиология.

Техножрец понимал, что вызывает у человека тревогу. Он хорошо знал, какое впечатление его внешний вид производил на неузментированных смертных. Уравнения его разума, имитирующие биологический ход мысли, не находили ответа на то, как устранить этот

неприятный эффект, и он не был уверен, что это -- технически говоря -- было ошибкой, нуждающейся в исправлении. Страх можно было использовать, собирая его урожай с других. Этот урок Делтриан выучил благодаря сотрудничеству с Повелителями Ночи.

Техножрец удостоил человека кивком. Этот слуга был из избранных и заслуживал толики уважения, будучи мастером, ухаживающим за доспехами и оружием Первого Когтя.

-- Сентим, -- сказал он. Человек вздрогнул, в то время как сервиторы продолжали работу.

-- Досточтимый агент, -- в свою очередь склонил голову раб. Коридор, в котором они находились, был низок и чрезвычайно тесен. Воины Первого Когтя занимались своим делом, патрулируя близлежащие помещения.

-- Ты знаешь, почему ты здесь, Сентим?

У Сентима не было ответа.

Делтриан был уродливым созданием

из потемневшего металла, наполненных жидкостью трубок и полированного хрома — металлический скелет, снабженный кровеносной системой, облаченный в старую, грубо вытканную мантию цвета крови в лунном свете.

Должно быть, требовалось извращенное чувство юмора, чтобы в течение десятилетий перековать свое тело в нечто, напоминающее бионическую копию какого-то бога смерти с Терры доулперских времен. Сентил не понимал шутку — если это и впрямь была шутка.

Сейчас глаза-линзы Делтриана были темно-зеленого цвета, вероятно, вырезанные из изумрудов. Это никоим образом не было его постоянной чертой. Нередко они бывали красными, синими или прозрачными, демонстрирующими находящиеся за ними переплетения проводов, ведущие к мозгу, который по крайней мере частично оставался человеческим.

— Я не знаю, досточтимый агент. Хозяева не рассказали мне.

— Полагаю, я в состоянии сделать

приблизительный анализ, — Делтриан
расстеялся, гудя подобно воксу, сбившемуся
с нужной частоты.

В этих словах скрывалась угроза.
Гнев придал Септиму стелости, однако он
удержался от того, чтоб положить руки
на лазнистолеы, покоящиеся в кобурах на
его бедрах. Хотя Делтриан и пользовался
привилегиями как союзник от Механикус,
но он был точно также связан службой
VIII Легиону, как Септим.

— Просветите же меня,
досточтимый агент.

— Ты — человек, — бескожее существо
повернуло ухмыляющийся череп в сторону,
чтобы в очередной раз проследить за
работой сервиторов. — Человек, который
не облачен в ограждающий кератит. Твоя
кровь, твое сердцебиение, твой пот и
дыхание — все эти биологические
тонкости — их заметят ксеносы
определенного хищного вида, находящиеся
на этом скитальце.

— При всем моем уважении,
Делтриан... — Септим повернулся,
оглядываясь на глинный коридор, по

которому они шли, -- вы заблуждаетесь.

-- Я вижу и слышу тебя даже слишком хорошо, и мой сконструированный спектр восприятия сравнил с чувствами генокрасского рога. Для моих акустических рецепторов твое дыхание -- словно ветра планеты, а твое бьющееся сердце подобно примитивным барабанам первобытных культур. Если я это чувствую, Септим -- и, уверяю тебя, это действительно так -- тогда ты должен понимать, что множество живых существ, нашедших убежище на этих заброшенных кораблях, чувствуют это так же хорошо.

Септим фыркнул. Сама идея того, что Повелители Ночи используют его -- одного из наиболее ценных рабов -- как наживку, была...

-- Контакт, -- сообщил по воксу Талос.

В отдалении залаяли болтеры.

Старейшее страхнуло с себя хладную темноту небытия -- наиболее близкого к сну состояния из всех, что знал его род.

В основании его изогнутого черепа зародилось отдаленное эхо боли -- тусклое, но тревожное. Эта слабая боль постепенно распространилась с мягкой настойчивостью, пульсируя в кровеносных сосудах и эхом повторяя сердцебиение существа. Боль паутиной

распространилась вниз по хребту Старейшего, проникла в лицевые кости, испускаемая его медлительным разумом.

Это не была боль раны, поражения, охотника, которому не досталась добыча. Это чувство не затмевало голод, однако было даже более неприятным. Его вкус и резонанс были совершенно иными, и Старейшее не чувствовало ничего подобного уже... уже какое-то время.

Его сородичи утирали. Каждое отверстие в плоти, каждая оторванная конечность, каждая кровоточащая

глазница отзывалась в Старейшем эхом
призрачной боли.

Во тьме оно расправило конечности.
Суставы щелкали и потрескивали,
напрягаясь и вновь расслабляясь.

Убийственные когти согнулись,
раскрываясь и сжимаясь в прохладном
воздухе. Язык ощутил жжение
пищеварительной кислоты, когда слюнные
железы снова загорелись жизнью.
Старейшее прерывисто вдохнуло сквозь
ряды акульих зубов, и холодный воздух
катализировал его чувства. Лишенные
выражения глаза открылись, по подбородку
поползли толстые нити слюны, свисая с
пасти и падая шипящими каплями на
палубный настил.

Старейшее выползло за пределы
своего убежища и двинулось по кораблю в
поисках существ, убивающих его детей.

Оно почувствовало в воздухе кровь,
услышало биение сердца добычи, учуло
соленый пот на мягкой коже. Сильнее всего
этого оно ощущало гудящий шум живого
сознания, биологическое электричество
тотга -- эмоции и мысли.

Человек. Близко.

Люкорифа и его команду не обременяли человек и техножрец. Кроме того, им не нужны были лоботомированные сервиторы, чтобы преодолеть препятствия. Несколько рапторов Люкорифа были вооружены мельтаганами, и извергающими раскаленные потоки газа, достаточно горячие, чтобы уничтожать металл.

Будто стая зверей, Кровавые Глаза, все еще привыкавшие к своему новому названию «Девятый Коготь», куда быстрее продвигались через конгломерат смятых кораблей. В отличие от Талоса и Первого Когтя, Люкориф и его братья не имели четко обозначенной цели. Они вели разведку, кралась вперед, охотились за любыми ценными вещами, какие могли найти.

И пока что они не обнаружили ровным счетом ничего.

Скука становилась еще хуже из-за того, что, если бы это их отправили

взглянь, на поиски корабля Механикус, зажатого в ядре скитальца, то, Люкориф был уверен, Кровавые Глаза уже побывали бы там и двинулись обратно.

Вокс-связь становилась все менее стабильной по мере того, как Девятый Козоть отдался от своих братьев, и Люкориф быстро терял терпение из-за медленного продвижения Первого Козтя. Сперва они задерживались из-за раба-человека, который отставал. Потом им приходилось замедляться из-за техноагента, пока он -- пока оно -- сливало информацию из различных инфохранилищ и запоминающих устройств на кораблях, через которые пробивал себе путь Первый Козоть.

-- Испаряющее оружие, -- доносился из вокса шипящий голос Люкорифа. -- Оружие мельта-мина. Не надо резать. Не надо серверов с резакатами. Куда быстрее.

Ответ Талоса сопровождала приглушенная вибрация от выстрелов болтера.

-- Принято. Будьте внимательны, мы встретились с незначительной угрозой

генокрагов. Число очень невелико, но
крайней мере, в этой секции. Где вы
находитесь?

Люкориф вел свою стаю вперед, по
просторным коридорам; все рапторы
сгорбились и скакали на четырех
конечностях, словно животные. Строение
этих проходов было ему хорошо знакомо.

-- Корабль Астармес, стандартная
шаблонная конструкция. Не наш. Рабов
Трона.

-- Ясно. Наличие ксеносов?

-- Есть. Несколько. Все уже мертвы.

Цилиндрические двигатели на его
спине работали вхолостую, периодически
кашляя черным дымом через
вентиляционные отверстия.

-- Проникли в инженерный. В корабле
частично сохранилась энергия. Некоторые
светильники горят. Некоторые двери
открываются. Корабль не древний, как
другие. Близко к краю скитальца.

-- Понял, -- ответ Талоса вновь
приглушил болтерный огонь, слышалась
отдаленная ругань других Астармес. --
Эти твари медлительны и слабы. Они

выглядят почти что грахлыми.

-- Ксеносы-генокрады здесь уже много десятилетий. Нет добычи, нет силы. Звери стали старыми, стали хрупкими. Все еще опасны.

-- Настоящей драки пока не было, шум болтеров начал стихать.

Докладывай обстановку каждые десять минут.

-- Да, пророк. Я повинуюсь.

Бывший человек крался вперед на четырех лапах, следя через раскосые глазные линзы за очертаниями стен. Коридор, наконец, завершился большим залом, наполненным блаженной тихой тьмой; в нем возвышались генераторы, а в стене была размещена плазменная камера, которая все еще, вопреки всем ожиданиям, испускала слабое оранжевое сияние, исходящее от взрывоопасного коктейля жидкостей и газов, клубящегося в ее стеклянных глубинах.

Не нуждаясь в приказах, рапорты разошлись по машинному отделению, приблизились к консолям и опорам, заняли стрелковые позиции, прикрывая выходы из

помещения. Несколько членов стаи включили жалобно взвизгнувшие двигатели, чтобы взлететь на высокие платформы.

Люкориф с трудом подавил желание взмыть вверх вместе с ними. Даже в замкнутом пространстве корабля он жаждал избавиться от неудобной, замедляющей его опоры под ногами.

Все же не отказав себе в кратком удовольствии, он включил турбины усилием столь же простым и естественным, как вдох. Толчок реактивной струи понес его через инженерный, и он удобно приземлился на четвереньки возле главного терминала, управляющего подачей энергии. Среди устройств управления лежало восемь мертвых сервиторов, превратившихся в силэты, выложенные костями и бионикой.

Один из лучших воинов Люкорифа, Вораша, уже расположился за консолью, и его изогнутые пальцы-когти клацали по клавишам.

-- Плазменная камера истощилась, -- просочился голос Вораша сквозь оскаленное

голосовое устройство шлема. -- Энергия
иссякала десятилетиями, га-га.

-- Восстанови ее, -- вожак рапторов
подчеркнул приказ коротким резким
звукот -- чем-то средним между визгом и
шепотом. -- Сейчас же.

Когти Вораша застучали по
клавишам, загергали рычаги.

-- Я не могу это сделать. Большая
часть корабля мертва. Могу направить
энергию из отсека в отсек, га-га. Легко.
Открыть переборки, слишком толстые,
чтобы быстро прожечь их. Восстановить
энергию во всех отсеках -- не могу.

Люкориф ответил пронзительным,
резким тоном:

-- Много лишних отсеков. Отрежь ил
питание. Затем двинется дальше.

-- Будет сделано, -- сказал Вораша и
начал перенаправлять скудные запасы
энергии, оставшейся в кровеносной системе
корабля, в отсеки, через которые
собирались двигаться рапторы Кровавых
Глаз. По его расчетам, Вораша должен
был сэкономить почти час, который ушел
бы на прожигание загрязненных дверей на их

пути.

— Что это за корабль? — спросил Люкориф, подняв лицо к потолку и ища какие-либо знаки принадлежности или отличия.

Ответ пришел от другого рантора. Не прошло и десяти секунд после того, как Вожак задал вопрос, как Зон Ла обнаружил тело. Облаченное в зеленые доспехи, оно лежало на платформе высоко над полом инженариума; хотя когти свирепых чужаков искромсали его на куски, эмблема в виде бронзового дракона на нагруднике явно демонстрировала его принадлежность.

— XVJJJ Легион, — прошипел рантор, отскакивая в отвращении. Язык Зон Ла обожгло от внезапного желания плюнуть едкой слюной на разложившийся до костей труп.

Вораша подключился к угасающему энергетическому ядру корабля и повернулся к Люкорифу.

— Ненужные отсеки отключены. Корабль называется «Протей», га-га, XVJJJ Легион.

Люкориф үстехнүлсә за лицевым щитком, с которого взирали красные глазные линзы; ниже, по щекам двойными ручейками сбегали серебряные и алые слезы. Таков был облик всех его братьев из Кровавых Глаз. Каждый из них взирал на мир сквозь шлем с раскосыми глазами и плакал слезами из ртүти и крови.

-- Саламангры. В Старой Войне мы убили многих. Удивительно, кто-то из них еще жив.

-- Подожди-подожди.

Вораша никогда не говорил по-настоящему -- речь ему заменяло шипение и щелканье, хотя другие ранторы могли легко понять смысл его изломанной речи.

-- Я чүю других. Я слышү других поблизости.

Люкориф напрягся, как и его братья, и наклонил голову.

Он тоже это услышал. Звүки стрельбы.

-- Саламангры, -- прохрипел Зон Ла. --
Еще живые на корабле.

Люкориф үже неүклюже двигался к двойным дверям, которые вели дальше в

глубины корабля.

--- Ненадолго. Девять из вас останутся с Ворашей. Другие девять --- за мной.

Ксарл и Узас, оба --- воины Первого Когтя, поливали проход огнем на подавление, и болтеры держались в крепко стиснутых кулаках. Выстрелы Узаса распределялись случайно, поражая ту тварь, что привлекла его внимание в этот конкретный миг. Ксарл же был полон контролируемой агрессии, он то пробивал черепу ксеносам, подобравшись ближе других, то повергал тех, которые пытались снова подняться.

Они оба уловили потрескивающее сообщение Талоса, и оба были одинаково разъярены. Кровавые Глаза, на несколько часов опередившие их на пути в глубины скитальца, повстречали вернопогоданных Астартес.

Саламандры.

Слишком далеко --- гораздо дальше --- чтобы Первый Коготь до них добрался. Талос приказал своим братьям охранять

Делтриана и зачищать коридоры от угрозы чужаков.

Ксарл сконцентрировал гнев, превратив его в жажду убийства, вытащил цепной меч и принялся рубить направо и налево по генокрадам, подбравшимся достаточно близко к воинам. Узас, никогда не отличавшийся деликатностью или самоконтролем, был со своей госаге равнодушным стенам и разрывал чужаков выстрелами болтера, ударами цепного клинка и даже голыми руками.

-- Люкориф, это Талос.

-- Не го слов. Угет охота.

-- Сначала оцените степень угрозы.

Не вступайте в бой, если не уверены в победе.

-- Трус!

-- У нас здесь «Эхо Проклятия», глупец. Мы можем обезвредить их корабль из костоса и применить абордажные капсулы, когда захотим. Не вступайте в бой, если не уверены в победе. У нас недостаточно сил, чтобы сражаться с

терминаторами.

Ответа не было -- только яростный
лязг когтей по металлическому настилу.

Талос медленно выдохнул. Дыхание
вышло через вокс-динамики шлема
скрежещущим хрипом демона. Этого не
было в плане.

Он отдал приказ, чтоб ударный
крейсер уменьшил расход энергии и
активировал «Вопль», если какой-либо
имперский звездолет появится в системе.
Шанс на то, что корабль Саламандр
засечет и уничтожит «Эхо», невелик, но
Талос был далек от оптимизма.
Делтриан слишком задерживался, а
Люкориф, как всегда, оказался
неконтролируемым звеном.

-- Первый Коготь «Эху Проклятия».

-- ...кр... с... оть...

Вокс все еще был бесполезен. Надо
выбраться во внешние слои скитальца,
чтобы восстановить связь.

-- Делтриан, -- сказал в вокс Талос, --
доложить о ходе работ.

Старейшее завернуло за угол, цепляясь за стены когтями, ищущими опоры в древней выгнутой стали. Оно не замедлилось даже на долю мгновения. Едкая слюна обжигала челюсти, сползая вниз по подбородку.

Двое. Впереди.

Кровавые Глаза крались, похожие на кератитовых горгулий с искаженными, безмолвно воющими лицами. Туннели здесь были шире и просторнее, под толкати крепилась вторичная палуба и свисали спутанные кабели. Там, на этой палубе, среди толстых проводов, которые служили кровеносными сосудами таломощному кораблю, Кровавые Глаза ждали добычи.

И она уже заглотила наживку. Воин в массивной зеленой терминаторской броне топал без всякой грации, грохоча по коридорам и стреляя в тени из закрепленной на подвеске ротаторной пушки. С ним что-то было не так. С высоты Повелители Ночи слышали, как верный Трон Астартес бранит несуществующих врагов, очевидно, сражаясь в бою, который не имел ничего общего с реальностью. Выжженные дыры усеивали стены там, где в них врезался поток огня, извергаемый пушкой в долгих

аростных вспышках.

Кровавые Глаза обменялись по воксу приглушенными стешками и устались вниз, на бредящего воина. Было ясно, что его одолевало крайне забавное безумие.

И все же... он заглотил наживку. Шар Тэн по-прежнему уводил терминатора вперед, показываясь из разных проходов и из-за углов, мелькая перед ним темными доспехами и пронзительно крича в воксиналики шлема. Что бы себе не представлял Саламандра, он по-прежнему неотступно гнался за Шар Тэном, не обращая внимания на ранторов, крадущихся в нескольких метрах над ним и ползущих на четвереньках между настилом и силовыми кабелями.

Только когда Люкориф счел, что они зашли достаточно далеко, они захлопнули ловушку.

— Закройте двери, — прошипел предводитель. Обе переборки с грохотом закрылись, отрезая коридор от остального корабля. Вдали, у панели управления в глубине корабля, Вораша и вторая группа Кровавых Глаз растеялись.

Терминатор остановился посреди коридора -- у него еще оставалось достаточно здравого смысла, чтобы понять, что он в ловушке. Воин, наконец, посмотрел вверх, и десять ценных мечей зажужжали, оживая.

Кровавые Глаза цеплялись за вторичную палубу, за протянутые поверхности провода, да же за стены и потолок. За мгновение до того, как рапторы устремились вниз, Люкориф прошептал в вокс:

-- Убейте его.

Талос вошел в хранилище данных. В этой части корабля Механиксы восстановили гравитацию, и вместе с ней вновь появилась искусственная атмосфера. Корабль автоматически отрезал пустые отсеки переборками.

Появление воздуха также добавило новый аспект этой странной охоты. Вернулся звук. И он не был приятным -- внутренние устройства модулей памяти гретели и гребезжали, словно двигатель какого-то еле ползущего транспорта. Во

внутренностях когитаторов грохотали поршни. Талос не желал знать, зачем древним машинам-хранилищам требовались эти подвижные части, и за те шесть минут, что прошли после восстановления атмосферы сервиторами Делтриана, звук неуклонно раздражал его все больше и больше.

Вариэль добрался до зала несколькими минутами ранее пророка. Когда вошел Талос, самый новый член Первого Когтя кивнул в знак приветствия, но ничего не сказал.

Его доспехи демонстрировали принадлежность к новым братьям, однако были лишены множества украшений, свойственных им. Наплечники Вариэля, вместо увенчанного демоническими крыльями клыкастого черепа VJJJ Легиона, демонстрировали знак в виде когтистого кулака, изображенного на разбитом ритуальными ударами черном керамике.

Наруч на левой руке Вариэля представлял собой модифицированный нартециум, содержащий капсулы с жидким

азотом, сверла для плоти, пилы для костей и хирургические лазеры. Хотя его забрало больше не было окрашено в белый цвет апотекария, он все еще носил инструменты своего ремесла. Вместо свисающих на цепях человеческих черепов боевой доспех Вариэля украшали расколотые шлемы Астартес из Красных Корсаров. Эти отличия, не очень заметные, но значительные, выделяли его среди остальных членов Первого Когтя.

Талос и Вариэль крепко сжимали болтеры, едва уделяя внимание работе Делтриана и вместо этого внимательно разглядывая пространство зала и ряды пустых экранов когитаторов.

Септим не снял шлем, хотя уже можно было дышать воздухом. Он подошел поближе к Талосу, бросив косой взгляд на занятого своим делом техножреца.

— Хозяин, — обратился он по воксу к гиганту Астартес.

Талос уделил Септиму мгновение, взглянув на него. Длинные волосы раба, гладкие от пота, были стянуты в неряшливый конский хвост. Бионические

части лица, ухоженные и начищенные, поблескивали, отражая свет ламп над головой.

--- Септим, приготовься. Ксеносы близко.

Раб Легиона не спрашивал, почему все, кроме него, знают, что приближается. Он давно привык, что человеческие чувства делают его неполноценным в сравнении с воинами, которых он все еще инстинктивно называл про себя полубогаты.

--- Хозяин, почему вы привели меня сюда?

Талос, похоже, смотрел на галекую и скрытую тенью стену. Он не ответил.

--- Хозяин?

--- Почему ты спрашиваешь? --- ответил воин, все еще едва уделяя ему внимание. --- Ты никогда раньше не сомневался в своих обязанностях.

--- Я хочу лишь понять свое место и роль.

Талос отошел в сторону, держа болтер наготове. Из дыхательной решетки Повелителя Ночи донеслось

искаженное воксом рычание. Септим
напрягся и не пошел следом.

-- Я чувствую твой страх. Ты здесь
не в качестве пританки. Сохраняй
оптимизм. Мы не дадим тебе погибнуть.

-- Делтриан предположил иное.

-- Септим, мы можем задержаться
здесь на несколько дней. Я хотел, чтобы
ты был поблизости и выполнил свой долг,
если нашим госпехам потребуется
ремонт.

Дней... Дней?

-- Так долго, хозяин?

Раздалась серия щелчков -- Талос
переключился на вокс-канал, доступный
лишь ему и его рабу.

-- Из уважения к госточителю
техноагенту я не скажу, что Делтриан
работает медленно. Я изменю
формулировку и скажу, что он работает
медантично. Но ты понятливый, Септим.
Ты знаешь, каков он.

-- Да, но все же... Хозяин, это правда
может занять несколько дней?

-- Искренне надеюсь, что нет. Это
уже отняло много времени. Если...

--- Ловец Душ!

Талос тихо выругался, и на ностратском его проклятье звучало, как изысканные стихи. Голос, доносившийся из вокса, был хриплым, почти скрипящим. Люкориф был взбешен, и это явственно слышалось в его словах.

--- Да, Люкориф.

--- Их слишком много.

--- Подтверди наличие ксеносов в...

--- Не чужие! Ублюдки Вулкана! Целых деве бригады. Они убивают и убивают. Девять Кровавых Глаз мертвы. Девять никогда не поднимутся. Девять из двадцати!

--- Успокойся, брат, --- Талос с трудом подавил желание осыпать вожака рапторов бранью за его проклятое тщеславие. Его глупость стоила девяти жизней в битве, которую невозможно было выиграть без терпения и осторожности.

Было ошибкой спустить их с поводка.

--- Я иду к Вораше, --- прошипел

Люкориф. --- На этот раз ты их всех перебьешь.

--- Хватит. Ты отступишь, наконец?

Подождешь, пока мы перегруппируемся на корабле и ударим из костоса?

-- Но...

--- Хватит. Отступай ко второй команде и покинь «Протей». Вернись к Первому Когтю, и мы будем готовы покинуть скиталец. Пусть рабы Трона суетятся над собственной добычей.

-- Понял.

-- Люкориф. Подтверди дальнейшие действия.

-- Отступить. Найти Ворашу. Вернуться к Первому Когтю.

-- Хорошо, -- Талос прервал вокс-связь и сглотнул полный рот горькой, едкой слюны. Не в первый и не в последний раз он подумал о том, как ненавидит обязанности командира.

Люкориф отшвырнул мeltaган, и тот с лязгом упал на пол. Он ему больше не понадобится. Из вентиляционных отверстий наспинных двигателей все еще струился жидкий дымок -- они постепенно угасали после резкого рывка, когда он взлетел к потолку, спасаясь от

сокрушительного огня штурмболтеров, принадлежащих элитным воинам Саламандр.

При помощи мельтагана -- орудия, снятого с судорожно подергивающегося трупа Шар Гэна -- он выжег дыру в потолке и сбежал на верхний уровень.

Его самого ранили. Нагрудник треснул, и Люкориф чувствовал, что сила его успеха истощилась -- болтерный огонь разорвал какие-то важные каналы подачи энергии.

Ходьба на двух ногах была трудным испытанием даже для здорового Люкорифа, поэтому он полз, как ему было привычно, всеми четырьмя лапами нащупывая твердую опору.

-- Вораша... -- губы были мокры от крови. Боль от ран раздражала его, но не более того.

-- Да-да?

Вокс невыносимо искажал звук. Успех Люкорифа был в худшем состоянии, чем он думал поначалу. Помехи затмевали его визор в самые неподходящие моменты.

--- Приказ --- возвращаться к Первому
Козтю.

--- Я слышал, --- ответил Вораша. --- Я
повинуюсь.

--- Подожди.

--- Подожди?

--- Больше Саламандр, чем ты видел
в первый раз. Гораздо больше. Найди гнезда
ксеносов. Пробуди чужих. Приведи чужих к
Саламанграм. Оба врага дерутся, оба
врага умирают. Возмездие за Кровавые
Глаза.

Вораша ответил змеиным смешком:
«Сс-сс-сс».

--- Уги же! --- хрипло выкрикнул
Люкориф. --- Отведи ксеносов к
Саламанграм!

Мембраны, защищающие чувствительные глаза Старейшего, раскрылись с влажным щелчком. Оно осмотрело глинное помещение, видя слабые, но явные признаки движения. Человеческий запах теперь был сильнее. Гораздо сильнее.

Старейшее начало красться вперед, скребя когтями по металлическому полу. В помещение вошли еще двое из более опасной разновидности добычи, той, что владела грохочущим оружием с пробивающим огнем. Хотя звериный ум Старейшего не считал их за существа, способных его убить, оно хорошо выучило урок. Такую охоту не провести в одиночку.

Старейшее уже какое-то время безмолвно ревело из своего укрытия в тенях. Его сородичи приближались, десятки за десятками, шли из туннелей и камер, находящихся поблизости.

Их будет достаточно, чтобы одолеть даже самую опасную добычу.

-- Я вижу его, -- сказал в вокс Талос. Он встоперлся вдаль, в шестьсот метров тирака, тянущихся на север. -- Оно секунду назад появилось из стены.

-- Я тоже его вижу, -- донеслось от Вариэля. Он приблизился к Талосу и приподнял болтер; его тепловое зрение с легкостью пронзало тирак. -- Кровь Императора, Меркуциан не солгал.

-- Владыка выводка, -- пробормотал пророк, глядя на отвратительного чужого -- сплошь покрытые хитином конечности, когтистые придатки, луковицеобразный череп -- который подкрадывался все ближе. -- И преогромный. Стреляй, когда оно подберется на достаточное расстояние. Старайся не повредить настенные когитаторы.

-- Бюджет выполнено, -- сказал Вариэль, и Талос уловил в голосе новичка оттенок нежелания. Он относительно недавно вступил в ряды VJJJ Легиона и не привык получать приказы.

Талос поднял болтер, взглядываясь в целеуказатель, и набрал воздуха, чтобы

позвать остальных. В этот момент вокзал взорвался грохотом оружия и иностранскими проклятьями. Весь Первый Коготь сражался, захлестываемый волнами ослабленных тварей.

У остальных, очевидно, были свои проблемы.

Руна дистанции на подернутом алым визоре Талоса побелела. В этот самый миг Талос и Вариэль открыли огонь.

Неуловимо быстрыми движениями пальцы Делтриана нажимали кнопки, перемещали рычаги и настраивали реле. Код, скрывающий от него желанную информацию, был удивительно сложен, и для его взлома требовался определенный уровень работы с инструментами, даже при том, что лично изготовленные инструменты делали свою работу, перепрограммируя когитатор. Это не было неожиданностью, однако для такой работы требовалось разделение внимания, что техноагент находил неприятным. Ко всему прочему добавлялась перестрелка в пятидесяти метрах слева, раздражавшая

его шумом — поскольку болтеры едва ли можно было назвать тихим оружием, а корпорантор прилус — разновидность ксеносов, которую Делтриан никогда не наблюдал самотлично — непрерывно вылетавшая и претерпевающая процесс разрывания на части взрывчатыми снарядами.

К хриплой трескотне болтерного огня добавилось «кряк-кряк, кряк-кряк» лазнистолегов Септима, что занятым образом походило на партию ударных.

Почти что... Почти...

Вокабулятор Делтриана издал бляение на машинном коде — звук, который показался бы металлически резким и плоским любому, кто не был обучен пониманию этого уникального языка. Для него это был первый за много лет звук, столь близкий к выражению радости.

Шестнадцать отдельных плат памяти выскользнули из ячеек данных главного когитатора. Каждая была размером и формой примерно как человеческая лапоть. Каждая хранила в себе столетие записанных сведений, восходящих к годам создания этого

корабля.

И каждая была бесценным артефактом, дающим непревзойденные возможности.

--- Все сделано, --- сказал техноагент и начал собирать платы, явно не осознавая, что никто не обращает на него никакого внимания.

Он повернулся к сражающимся как раз вовремя, чтобы увидеть, как чужеродная тварь, чье тело представляло собой массу рваных ран, с неровными, сочащимися жидкостью кратерами на месте яйцевидных глаз, вонзила одну из немногих оставшихся конечностей в колено Вариэля. Серп из почерневшей кости с расстрескавшимся и кровоточащим лезвием подрубил его смертоносной дугой.

Керамитовая броня разлетелась вдребезги. Астартес повалился с отсеченной ногой, продолжая стрелять в чудовище, приближающееся к нему, чтобы убить.

Однако смертельный удар нанес Талос. Его доспехи уже превратились в месиво изрубленных когтями

металлических пластин. Пытаясь
подобраться достаточно близко, чтобы
использовать силовой меч, пророк получил
удар очередной молотящей вокруг
конечности, которая попала ему сбоку в
голову. Молния грозила на оживающем
золотом клинке, когда полумсеченная
лана-лезвие патриарха генокрагов с лязгом
столкнулась со шлемом Повелителя Ночи.
Белые осколки забрала градом посыпались
на металлическую палубу.

Теперь Талос был достаточно близко.
С лицом, наполовину обнаженным и
кровоточащим от последнего удара твари,
он вознал свой священный меч в ее хребет,
двумя руками погружил его в тело сквозь
экзоскелетную броню и отвергевшие
подкожные мускулы и, наконец, достал до
язвистой плоти и податливых костей.

Он повернул, дернул, вырвался и
потянул меч, двигая им, будто пилой,
налево и направо, и из расширяющейся раны
начала изливаться зловонная кровь.

Чужой снова завизжал, кислотная
кровь брызнула из-за разбитых зубов,
осыная гонимая Вариэля ливнем шипящих

капель. Талос еще раз повернул и рванул на себя золотой клинок, и голова зверя отвалилась от туловища.

Существо рухнуло. Оно дернулось раз или два, жуткие раны, покрывавшие его тело, источали гнилостные жидкости вперемешку с темной кровью. Запахло, как позже рассказывал Септим другим рабам на корабле, чем-то средним между мертвецкой и мясной лавкой, которую в жару оставили открытой на месяц. Воня пробивалась через любые воздушные фильтры и застаивалась в ноздрах. Броню Вариэля испещрили латунно-серые отметины там, где коррозивные соки из пасти зверя разъели краску его доспеха. Отрубленная нога не кровоточила — коагулянты в крови Астартес уже работали, сращивая края раны и покрывая ее коркой. Боль заглушали наркотические инъекторы доспеха, вводившие в кровоток стимуляторы и болеутоляющие.

И все же он изрыгнул проклятие, отползая от затихшей твари, и выругался на языке, который понимал только он. Делтриан проанализировал его

лингвистические особенности. Вероятнее всего, это был диалект Багаба — язык родного мира Вариэля. Детали были несущественны.

Доспехи Талоса практически полностью лишились цвета — кислоты и жгучая кровь изъели кератин и выжгли темную краску. Он осмотрел дымящееся тело твари. Из-за повреждений, нанесенных шлему, можно было разглядеть половину его лица.

Техноагент үвидел, как пророк оскалится и всадил еще один снаряд болтера в отсеченную голову мертвого чужака. То, что оставалось от черепа генокрага, исчезло, разлетевшись мокрыми фрагментами, застучавшими по стенам, полу и доспехам самого Талоса.

Септим посмотрел на него, переводя дыхание. Восстановление и перекрашивание обоих древних боевых доспехов займет у него немало времени. Он чувствовал, что будет лучше не говорить об этом сейчас, и вместо этого сунул в кобуры гвардейские лазнистолеы, после чего привалился к стене.

--- К черту все это, --- выдохнул он.

Делтриан наблюдал за этой сценой ровно четыре и две десятых секунды.

--- Я сказал, все сделано, --- он не мог скрыть растущее нетерпение в голосе. ---
Может, мы уже пойдём?

Когда «Эхо Проклятия» двинулся прочь от скитальца, «Вопль» затих, и плазменные инверсионные следы протянулись в вакууму позади корабля. Сверкая двигателями, выдыхая пар в костос, «Эхо» оторвался от огромного конгломерата заброшенных кораблей.

На командном троне, все еще облаченный в серый и покрытый трещинами испорченный доспех, Талос смотрел в окуляр. Тот показывал участок открытого костоса -- и только.

-- Как давно они покинули систему? -- спросил он.

Это были его первые слова с тех пор, как он вернулся и сел на трон. Ответил на них один из пожилых людей-офицеров, все еще носящий униформу Имперского флота, хотя и лишенную знаков Императора.

-- Чуть больше двух часов назад, господин. Корабль Саламандр опасно перегревался. Мы думаем, что «Вопль»

лишил их мужества — они сорвались с орбиты и бежали, вместо того, чтобы искать источник сигнала.

— Они не обнаружили корабль?

— Они даже не пытались его найти, господин. Они забрали абордажную команду и пустились в бегство.

Талос покачал головой.

— Сыны Вулкана незлобивы и медлительны, однако они — Астартес и не ведают страха. Что бы не заставило их уползти из системы, это было делом огромной важности.

— Как скажете, господин. Какие будут приказы?

Талос фыркнул.

— Два часа — преимущество не из тех, что нельзя преодолеть. Следует закончить. Пусть все Когти будут наготове. Когда мы их догоним, то вырвем из варп-пространства и разберем их корабль по косточкам.

— Будет сделано, повелитель.

Пророк позволил своим глазам закрыться, в то время как корабль вокруг наполнился светом.

В Зале Разгүтий располагались немногочисленные реликвии, оставшиеся от павших воинов Талоса. В более слабые эпохи подобный зал был бы прибежищем молящихся, местом очистительных медитаций, хранилищем истории Легиона в виде оружия и доспехов, которыми когда-то владели его герои.

Ныне же он был и не совсем мастерской, и не до конца кладбищем. Повелителем Зала был Делтриан, и здесь его воля и слово были законом. Сервиторы работали за различными установками, ремонтируя части доспехов, заменяя зубчатые цепи застопоривших мечей, производя новые боеприпасы для болтеров и создавая их взрывчатую начинку.

Здесь, в оберегаемых ритуалами стазисных полях, на траторных пьедесталах возвышались богато украшенные саркофаги павших воинов, дожидаящихся того времени, когда их поместят в тела гредноутов и снова пошлют в бой. Неподдалеку бурлили наполненные жидкостью баки, в большинстве своем пустые, ждущие

чистки и промывания; несколько были заняты обнаженными фигурами, которые нельзя было толком разглядеть в молочнобелых, насыщенных кислородом колоноплодных водах.

Делтриан вернулся в свою святая святых несколько минут назад и уже помещал платы данных в ячейки собственных когитаторов, чтобы извлечь их знания в свои банки памяти. Двери в Зал Раздвигий оставались открыты. Делтриан позволил данным копироваться без его надзора и вместо этого дожидаясь гостей.

Наконец, они прибыли. Двенадцать воинов шли неровной вереницей. На каждом Астартес виднелась следа недавней и жестокой схватки. Все они пережили еще шесть мучительных часов на скитальце, отражая атаки генокрагов и преследуя проклятых тварей до самых их гнезд.

Саламангры проделали превосходную работу, истребляя их, но все же потеряли шестерых воинов на борту «Протея» благодаря усилиям Вораша и Кровавых Глаз, которые направляли все новые волны

ксенотварей в их часть корабля.

Шесть потерянных душ, шесть павших воинов. На первый взгляд казалось, что это не много. Повелители Ночи потеряли девятых -- все они были из Кровавых Глаз. Люкорифа это, похоже, не беспокоило.

-- Слабые падают, сильные поднимаются, -- сказал он, когда они вернулись на борт «Эха Проклятия». Делтриан заметил, что это было наиболее философской мыслью из всех, которые когда-либо высказывал дезградивавший воин. Предводитель Кровавых Глаз не ответил на это.

Теперь Делтриан смотрел, как двенадцать Астартес входят в Зал Раздумий. Каждая пара несла немалый груз -- изломанное тело одетого в доспехи воина-Саламангры. Один из убитых был изрезан с хирургической точностью и, вместе с тем, радостной жестокостью, сраженный Кровавыми Глазами и заслуживший сомнительную честь погибнуть первым. Другие несли на себе следы свирепых атак генократов --

пробитые нагрудники, расколотые наручи
и поножи, разбитые шлемы.

Но ничего такого, раздумывал
Делтриан, что нельзя было бы починить.

Новелители Ночи разложили тела на
мозаичном полу. Шесть мертвых
Саламангр. Шесть мертвых Саламангр в
терминаторских боевых доспехах, со
штюрмболтерами, силовым оружием и
редкой ротаторной пушкой -- оружием,
практически неизвестным среди Легионов-
Предателей, которые были вынуждены
воевать подобранным на полях битв
снаряжением и древним оружием.

Эти трофеи, эта священная добыча
во имя благословенного Бога-Машины,
стоила бесконечно больше, чем жизни
четырнадцати Новелителей Ночи.
Делтриан погладил эмблему ордена
Саламангр -- дракона, вырезанного на
черном камне на наплечнике одного из
павших воинов. Подобные символы можно
убрать, а сам доспех модифицировать и
переделать... машинные духи внутри
озлобятся и станут более пригодны для
нужд VJJJ Легиона.

Пусть Повелители Ночи пока что
плюются и сыплют проклятиями.
Техножрец видел это в их черных глазах:
каждый понимал ценность этих трофеев и
надеялся стать одним из немногих
избранных, кому будет дозволено носить
эти святыне госпехи, когда они будут
осквернены и подготовлены.

Девять жизней в обмен на секреты
Легиона Титанов и шесть самых лучших
госпехов, которые когда-либо создавало
человечество.

Делтриан всегда улыбался, ибо
таким был создан его подобный черепу лик.
Впрочем, теперь, когда он взирал на свои
новоприобретенные богатства, это
выражение было искренним.

Честолюбие не знает преград Энди Хоар

Переводчик: Dammung, вычитка:

Дэн

-- Сообща показания приборов,
Уоахим! -- Бриэль Геррит пыталась
перекричать яростный ветер. -- Я ни
черта не вижу!

-- Абзур показывает два пятьдесят,
тэм, -- отозвался компаньон и советник
Бриэль, голос которого едва пробивался
через какофонию воющей бури. --
Изображение вот-вот поя...

-- Все! -- крикнула Бриэль и
остановилась, вытянув шею и глядя вверх.
На фоне клубящихся, темных, пурпурных
туч появился еще более темный силуэт.
Она попыталась оценить его высоту, но
чувства стесались, неспособные
осмыслить его чуждую геометрию.

Возносящееся к небу строение с плоскими гранями могло возвышаться в считанных метрах перед Бриэль, а могло и во многих километрах вдаль.

— Два пятьдесят, — повторила Бриэль. Так ее советник оценивал расстояние до их цели. В то время как она смотрела на очертания сооружения, его подобные скалам грани, похоже, смещались, как будто малейшее изменение ракурса выявляло новые поверхности и углы. — Если ты так считаешь. Все готовы?

Бриэль повернулась, чтобы посмотреть свой небольшой отряд, члены которого появлялись из окутывающей все вокруг пелены бури. Она приподняла визор бронированного защитного костюма, и холодный воздух ворвался внутрь, обжигая открытые щеки.

Щурясь от ветра, она с удовлетворением смотрела боевой порядок дюжины бойцов. Они следовали за ней с ее корабля, «Ясного Света», который ожидал на высокой орбите над мертвым миром, куда она прибыла в поиске богатства для своего клана вольных

торговцев. Каждый был хорошо вооружен и может в броню, а их лица скрывали тяжелые ребризеры. Их предводитель, молчаливый Сантос Квин, выступил вперед, заслоняя гораздо более низкорослый силуэт агента Сета, старшего астронаута Бриэль.

— Все готовы, миледи, — доложил Квин. Его матированное лицо было еле видно через визор костюма. — Однако буря усиливается, — добавил он, бросив взгляд вверх, на бушующие небеса.

— Принято к сведению, — кивнув, ответила Бриэль и перевела взгляд на астронаута. — А ты, агент? Есть о чем доложить?

Астронавт шагнул вперед, склонив скрытую шлемом голову перед госпожой. Через визор можно было разглядеть лицо агента — жуткую массу шрамовой ткани; глаза его были пустыми ямами, а нос и рот едва различимы. Связывание души — ритуал, которому подвергся освященный Милостью Императора астронавт, — так искалечило его тело, что он постоянно испытывал боль. И все же, несмотря на то, что агенту Сету был недоступен

нормальный спектр человеческих чувств, он обладал куда более глубоким восприятием, чем любой обычный человек.

++Для меня это место мертво, госпожа,++ ответил астронавт. Голос агента незначительно отличался от горланного хрипа -- настолько истерзанно было его горло -- однако Бриэль ясно слышала слова, ибо он говорил мыслями, возникающими прямо в ее голове. ++Мертво, однако я чувствую эхо, отзвуки древних мыслей или же тень сновидений. Я не могу сказать, что именно.++

Бриэль заметила презрительную ухмылку, проскользнувшую по лицу Сантоса Квина при этих словах. Она знала, что мужчина, будучи уроженцем далекого мира, подозрительно относится к Сету и его способностям. Однако девушка понимала, что имел в виду астронавт, так как ей казалось, что она тоже улавливала очень слабое эхо, отдаленные мысли, летящие на беспокойных ветрах. Ей было неизвестно, какой чуждый разум породил эти мысли, но она верила, надеялась, полагалась на то, что это было лишь эхо

какой-то древней и давно жертвой силы.

--- Что ж, хорошо, --- сказала Бриэль, опускающая визор. --- Угел дальше. Только осторожно.

Бриэль стояла перед изрытой углублениями черной стеной огромного чужеродного сооружения. Хотя поверхность была всего на расстоянии руки, она ощутила, что нужно потянуться к ней и прикоснуться ладонью, чтобы убедиться в этом. Даже через толстую перчатку костюма Бриэль ощущала холод, источаемый каменеподобным материалом, холод, проникавший не только в кожу, но и в душу.

--- Госпожа.

Бриэль убрала руку, услышав голос астронавта.

--- Пожалуйста, постарайтесь не...

--- Я знаю, Сет, --- ответила Бриэль. ---

Я знаю.

Она огляделась по сторонам и обратилась к Квину:

--- Нам нужно найти вход. Прикажи своим людям рассредоточиться.

Воин молча кивнул и отошел, чтобы поговорить со своими людьми. Спустя секунду они ушли, как и советник Бриэль, Шоахил Хен, — все, кроме самого Квина, двинулись на поиски способа проникнуть внутрь огромного сооружения. Бриэль посмотрела, как Квин проверяет механизм болтера, а затем надвигает на глаза защитные очки с сенсорами и внимательно всматривается в глубины бури. Он, несмотря ни на что, будет нести стражу подле своей хозяйки.

Бриэль вернулась к изучению чужеродной формации. Запрокинув голову, она отметила, что либо грозовые тучи опустились, либо удлинились постоянно меняющиеся грани структуры, так как теперь ее вершину скрывала буря. Не в первый раз девушка задумалась о риске, связанном с экспедицией. Однако она знала, что на мирах, подобных этому, можно обрести огромные богатства. Будучи следующей претенденткой на верховную власть в могущественном клане Аркадиус, Бриэль должна была создать себе имя на просторах галактики, пронизать тьму во

Императора, встретиться лицом к лицу с тем, что могло скрываться в глубинах костюма -- чем бы то ни было -- и преодолеть его ради человечества. А также, размышляла она, скрывая под визором скромную улыбку, попутно нажать несказанное богатство и невообразимую славу.

Бриэль и весь ее клан возлагали надежды на то, что этот безымянный мир, затерянный в пустоте межспиральных рукавов, может обладать подобными сокровищами. По всей галактике были рассыпаны руины цивилизаций куда старше Империи Человечества, и на таких планетах находились пыльные гробницы, запечатанные еще до того, как человек впервые посмотрел в небеса над древней Террой. Было известно, что, когда обнаруживались такие гробницы, в них находили реликвии давно вымерших чуждых рас, чудесные артефакты, за одно лишь обладание которыми изнеженные аристократы Империи заплатили бы баснословную цену. Подавляющее

большинство этих вещей считалось любопытными произведениями искусства, не имеющими определенной функции. Остальные можно было изучать и раскрывать их действие и необычные возможности. Бриэль знала, что коллекционеры-любители и самозванные эксперты в незаконной науке ксенологии отдали бы все за такие вещи.

Все же Бриэль пробирал холодный ужас, невыразимое чувство того, что на этой планете нечто идет совершенно не так.

-- Что-то шевелится, моя госпожа, -- предупредил агент Сем, словно дав слово безымянному страху, гложущему самый край сознания Бриэль.

-- Что ты чувствуешь, Сем? -- спросила Бриэль, остатриваясь в поисках каких-либо признаков опасности. Квин приподнял болтер к широкой груди и приблизился к хозяйке на шаг.

-- Я чувствую... плавающее платя... это платя -- душа, оно почти угасло, однако отказывается утирать...

-- Мне нужно немого больше, Сем, --

отозвалась Бриэль, удержавшись от менее вежливого замечания. -- Нам что-то угрожает?

-- Что-то знает, что мы...

Прежде чем астронавт смог договорить, вокс-канал вспыхнул жизнью. В уши Бриэль ворвался вой статики, затем его перекрыл голос Уоахима Хена.

-- ...вход. Повторяю, мы нашли вход.

-- Оставайтесь на месте, -- ответила Бриэль, не совсем уверенная, слышал ли ее Хен сквозь мощные атмосферные помехи. -- Квин, ведите нас.

-- Это свежее повреждение, Уоахим? -- спросила Бриэль у советника. Несмотря на возраст, мужчина был почти так же высок и широкоплеч, как костический десантник. Она подождала, пока он рассмотрит гигантскую щель в подобном скале боку чужацкого сооружения, натренированным глазом отмечая каждую деталь.

-- Я бы так сказал, мэм, -- ответил Уоахим, не отводя взора от открывающегося перед ним зрелища. --

Бүри приближали это тысячелетиями, но само повреждение произошло лишь недавно.

Взгляд Бриэль передвинулся с советника на огромный пролом в гробнице чужаков. Будучи всего где-то в метр шириной, трещина тянулась вверх на расстояние, которое, наверное, исчислялось многими сотнями метров -- или исчислялось бы, если бы не проклятые пропорции этой штуки. Бриэль подошла ближе, зная, что Квин следует за ней, не отставая. Она погалась вперед, чтобы рассмотреть рваный край пролома и попытаться догадаться, что это за материал и что могло повредить его.

++Время, моя госпожа, -- заговорил агент Сем в мозгу Бриэль. -- Единственная сила, способная навредить такой вещи, как эта -- само время.++

Бриэль подняла бровь и бросила косой взгляд на астроната, понимая, что он прочел ее лежащие на поверхности мысли. Она отвернулась и подошла еще ближе к поврежденной поверхности. На ней было видно, как она предполагала, следы ремонта -- правда, в очень небольших

масштабах. Возможно, это место может исцелять себя, раздумывала она. Возможно, именно это объясняет то, как оно могло выдержать разрушительные воздействия этого истерзанного бурями мира на протяжении столь многих эпох, проведенных в одиночестве.

— Пойдём, — сказала Бриэль, ступая в трещину прежде, чем Квин успел опередить ее.

Всего в нескольких метрах от входа Бриэль очутилась в полной темноте. Она остановилась, позволяя другим чувствам, кроме зрения, выйти на первый план. Расширив пределы восприятия, насколько было возможно, девушка попыталась определить, что находится вокруг. Она напрягла слух. Снаружи все еще бушевала буря, однако теперь ее вой был приглушен и далек. Также Бриэль слышала, как работают ребризеры ее спутников, и различала уверенную тяжелую поступь Сантоса Квина, который стремился обогнать ее и возглавить отряд на случай, если они встретятся с какой-то угрозой и

хозяйка окажется в опасности. Бриэль наслаждалась темнотой еще миг, после чего протянула руку к механизму сбоку шлема и опустила поверх визора защитные очки. Гарнитура загудела, линзы со стрекотанием сфокусировались на том, что не могли разглядеть глаза Бриэль. Очки могли регистрировать множество волн в различных диапазонах и накладывали считанное изображение на зрение владельца.

Черноту сменило kaleidosкопическое буйство цветов, подернутое зернистостью «шумом». Бриэль подрегулировала устройство на шлеме, и изображение преобразилось так, чтобы она смогла его разглядеть. Вперед тянулся округлый туннель — в него только что вошли она и ее отряд. Она посмотрела назад, убедившись, что туннель простирается в обоих направлениях — очевидно, он шел перпендикулярно внешней стене, через которую они проникли внутрь, пройдя в трещину.

Довольная тем, что не было видно никакой-либо непосредственной угрозы,

Бриэль воспользовалась устройством и сменила ряд настроек; при этом видимое изображение в ярких зеленых тонах сменилось другим, черным с фиолетовой подсветкой, а потом новым — чисто-белым с бирюзовыми тенями. Она остановилась на темно-зеленой перспективе, увидев на изогнутой стене неподалеку затейливо вырезанное изображение. Девушка подошла ближе, зная, что Квин делает то же самое. Изображение оказалось совокупностью кругов и линий, образующих то, что наверняка являлось текстом на языке давно вытерших чужаков.

— Уоахил, — повернулась она к советнику, и он прошел вперед, мимо Сантоса Квина, который с ворчанием отступил в сторону.

— Настрой прибор на сигма-двенадцать и посмотри на это.

Уоахил, который уже опустил очки, потянулся к шлему и отрегулировал изображение. Через визор он уже крутил головой, осматривая стены коридора.

— Я никогда не видел подобного, мэм, — после долгой паузы сказал Уоахил Хен. —

Хотя это мне напоминает...

-- О чем? -- отозвалась Бриэль, неуверенная, что ей хочется услышать ответ советника.

-- О машинных текстах слугителей Омниссии, мэм.

-- Но это древнее место, -- возразила Бриэль, в одинаковой степени -- чтобы успокоить собственную неуверенность и чтобы дать ответ советнику. -- Оно существовало за бесчисленные тысячелетия до Механикус. Связи быть не может.

-- Действительно, мэм, -- ответил Хен, кивнув с серьезным видом.

-- Тогда идем дальше, -- приказала Бриэль, -- сюда.

Она двинулась в путь, на сей раз позволив Сантосу Квину возглавить отряд. Человек с дикого мира поднял болтер и встретился вперед, используя собственные защитные очки, чтобы видеть во тьме. Отдавая приказы беззвучными жестовыми сигналами, воин построил своих людей так, чтобы Бриэль, Хен и агент Сем оказались под защитой в центре колонны.

Бриэль, скрепя сердце, позволила ему это, напоминая себе, что она, в конце концов, наследует Торговый Патент своего дома вольных торговцев, и Квин лишь выполняет долг, возложенный на него ее отцом.

Прежде чем отправиться дальше по коридору, похожему на трубу, Бриэль ненадолго застыла, как будто бы услышав самым краем слуха необычный звук. Кажется, до нее донеслось металлическое стрекотание. Она внимательно прислушалась, но больше ничего не дождалась. Бросив напоследок взгляд назад, за спину крайнего бойца, она двинулась в путь.

— Ни звука, — прошептала Бриэль в коридор, переместившись вперед и глядя через плечо Квина. Она знала, что приказ двигаться ли требовался, так как бойцы отряда следовали примеру воина с дикого мира, а тот стоял, неподвижный и безмолвный, прижатаясь к изогнутой стене у конца коридора. Бриэль поняла, что предстоит вступить в обширное, темное

помещение.

Она собиралась настроить очки на сканирование пространства на другой длине волны, когда уловила тусклое зеленое свечение посреди темноты. Сфокусировавшись на нем, зрение приспособилось к освещению, и через несколько минут Бриэль смогла разглядеть пространство, открывавшееся перед отрядом. От увиденного у нее перехватило дыхание.

Проход, в котором остановился отряд, выходил в некий зал, столь чудовищно огромный, что Бриэль пронзило почти сокрушительное чувство собственной незначительности, пока она тщетно пыталась осознать размеры этого затерянного места. Бриэль представила себя насекомым, ползущим по истертым плитам грандиознейшего собора, чьи своды теряются в темноте вверху. Холодная дрожь пробежала по телу, когда она осознала, что это видение не полностью являлось плодом ее воображения.

Помещение было настолько огромно,

что его пол как будто поднимался и опускался вместе с изгибом поверхности планеты. Бриэль отвергла эту мысль — столь громадное сооружение можно было бы увидеть с орбиты, и размеры гробницы были не столь велики, когда они приблизились к ней. Тем не менее, геометрия этого места снова на все лады обманывала Бриэль. Она поняла, что не сможет оценить его величину внутри, точно так же, как ей не удалось определить истинный размер сооружения снаружи, и это чувство было очень тревожным.

Когда глаза Бриэль еще больше привыкли к тьме, она увидела, что на темном полу помещения покоится то поднимающееся, то опускающееся море чего-то, что наверняка являлось пылью. Как же долго существует это место, размышляла она, что на полу накопился такой слой осадка? Взглядываясь пристальнее, она рассмотрела невысокие барханы, чьи гребни мягко светились всеприсущим зеленоватым светом.

— Уоахим, — обратилась Бриэль к

советнику, стоявшему у нее за спиной. ---

Ты видишь источник этой подсветки?

Она подождала, пока советник не рассмотрит громадное помещение, простирающееся перед ними, и повернула голову, глядя ему в лицо.

--- Нет, мэм, --- ответил он. --- Это может быть какой-то фоновый эффект, источник энергии, который не могут засечь авгуры.

--- Миледи, --- низким голосом прорычал Квин. Бриэль перевела взгляд с советника на воина. Его тон заставил ее немедленно насторожиться. --- Впереди, в сотне шагов.

Бриэль сощурилась, выискивая место, на которое указывал Квин. Мин спустя она нашла его.

--- Следы? --- прошептала Бриэль.

--- Да, миледи, --- ответил Квин. --- Кого-то маленького.

--- Животные? --- спросила Бриэль.

--- Возможно, --- проворчал тот. ---

Хотя я не вижу, на что бы такой зверек мог охотиться.

Бриэль кивнула.

-- Давние?

В ответ дикарь бросил на хозяйку быстрый взгляд.

-- Их могли оставить часы или десятилетия назад. Здесь такое тихое место, что я едва ли могу точно сказать.

Бриэль хотела было ответить, но агент Сем заговорил первым.

++Эпоха... и день, хозяйка,++ прошептал он, и звук его голоса появился прямо у нее в голове. ++Эпоха прошлого, но все еще происходящего.++

Чувствуя растущую тревогу от поведения астронаута, Бриэль резко ответила:

-- Говори ясно, Сем. Пожалуйста.

Астронавт повернул к ней чудовищное лицо. Она знала, что, несмотря на отсутствие обычного зрения, мужчина смотрит на нее.

-- Прошу прощения, хозяйка, -- прошептал он. -- Я знаю, что в этом немого смысла. Но так же, как ваши глаза с трудом воспринимают истинные измерения этого места, ведут себя и мои чувства. Это место отягощено, хозяйка,

отягощено летати, которые невозможно
осознать таким, как мы. Возможно, что
сами боги...

--- Достаточно! --- рыкнул Квин.
Взгляд Бриэль еще на миг задержался на
лице агента, прежде чем перейти на
воина. --- От таких слов нет никакой
пользы.

Бриэль глубоко вдохнула, набираясь
уверенности, прежде чем шагнуть вперед,
в громадное помещение. Она обернулась на
свой отряд, и прах немыслимой древности
взвился, поднятый ее сапогами. Глядя
назад, она на секунду ощутила
головокружительное безрассудство,
понимая, что отец не одобрил бы ее
действия, если бы был здесь и видел их.
Это ощущение тут же пропало,
вытесненное гващей мертвенностью
гробницы.

--- Воистину, достаточно, ---
выдохнула она и двинулась вперед, через
океан пыли.

Вскоре после того, как отряд вошел в
помещение, он достиг следов, которые

Квин заметил из тоннеля. Охотничье чутье дикаря говорило ему, что их оставило некое насекомое примерно в метр глиной, а тонкий слой пыли, покрывавший их, показывал, что это старый след. Несмотря на эту новость, тревога Бриэль не ослабела, но только усиливалась по мере того, как отряд продвигался все дальше по пыльному морю.

Сперва Квин советовал исследователям идти осторожно и наступать мягко, чтобы не поднимать огромные клубы густой пыли, ковром покрывающей землю. Впрочем, Бриэль вскоре пришлось отменить этот приказ, так как иначе они бы нигде не добрались. И, кроме того, раздумывала она, кто может за ними наблюдать? Ответа на этот вопрос не было.

По ходу движения Бриэль еще раз попыталась узнать больше о природе окружающего ее места. Она запрокинула голову, посмотрела вверх, и ее немедленно захлестнула волна тошноты, ибо отдаленные поверхности там, вверху, сдвинулись с места. Она снова перевела

взгляда на землю и ощутила вторую волну недомогания, отчего споткнулась и остановилась.

— Мэм? — Уоахим Хеп немедленно оказался рядом с Бриэль и крепко ухватил ее за защищенное броней плечо. Через секунду остановился весь отряд, бойцы заняли оборонительные позиции, а их безмолвный предводитель, расталкивая людей, вернулся назад к Бриэль.

— Ничего, Уоахим, — ответила Бриэль. — Я в порядке. Это место. Оно нарушает все чувства.

— Да, это оно умеет, мэм, — ответил советник Бриэль и отступил, довольный, что хозяйка может идти дальше. — Я тоже не могу его воспринять.

Тут вмешался Квин.

— Миледи, как вам кажется, сколько времени прошло с тех пор, как мы сдвинулись по этому залу?

Бриэль посмотрела на воина. На краткое время ее отвлекли, даже зачаровали закрученные узоры татуировки на его лице.

— Сколько времени? — повторила она.

оборачиваясь на путь, который прошел отряд. -- Я бы сказала... Император милосердный...

-- Сколько, миледи? -- нагавил Квин.

Бриэль снова посмотрела на дикаря, чувствуя, что в горле внезапно пересохло.

-- Три, три с половиной...

-- Минуты? -- спросил Квин.

-- Часа, -- произнесла Бриэль. Перед ее внутренним взором еще не потеряв образ оставшегося в сумне метров позади входа в туннель.

-- ...эпохи, -- прошептал агент Сем.

-- Позади нас, -- тихо произнесла Бриэль в вокс-линк, незаметно отключив внешний ампливокс. Она старалась не менять походку или темп шагов, в то время как отряд продолжал путь через пыльный зал.

-- Да, миледи, -- ответил Квин, последовав ее примеру и настроив свои средства связи таким же образом.

-- Как долго? -- спросила Бриэль.

-- Для меня? -- Квин на ходу повернул голову и сардонически поднял бровь.

--- Справедливое замечание, ---
согласилась Бриэль и повторила. --- Как
долго?

--- Не больше тридцати минут, ---
сказал Квин.

--- Можешь сказать, где? ---
поинтересовалась Бриэль. Она уже
несколько минут видела движение
недалеко позади отряда.

--- При слабом освещении, --- отвечал
воин, --- сложно быть точно уверенным. Но
я бы сказал, что нас преследует один
наблюдатель, используя наносы пыли в
качестве прикрытия. Сзади и слева от нас.

Бриэль потребовалось невероятное
усилие воли, чтобы не обернуться и
посмотреть в указанном Квином
направлении. Она не могла избавиться от
образа прицела, направленного ей в
затылок, от которого под бронированным
шлемом внезапно начала зудеть кожа.
Появилось непреодолимое, необъяснимое
желание стянуть с себя шлем и встряхнуть
наружу заплетенные локоны, которые
казались приклеенными к черепу. Она
выбросила эту мысль из головы и изменила

походку, чтобы мягко ступать по пыли, всеми чувствами сконцентрировавшись на том, что происходило позади, выискивая признаки преследования.

Бриэль как будто бы услышала далекий голос, столь тихий, что казался лишь чуть громче мысли. Бросив взгляд на астроната, она отметила, что тот приподнял голову под странным углом, словно тоже внимательно к чему-то прислушивался. Она сфокусировалась на этом отдаленном шепоте, почти слыша отдельные чуждые слова, однако не в состоянии разобрать их полностью.

++Ух больше, хозяйка,++ коснулось ее разума мысленное сообщение астроната. Морщинистый, покрытый шрамами рот при этом даже не шевельнулся.

++Где?++ сформировала она ответ в своем мозгу, неуверенная, услышит ли ее астронат. Очевидно, услышал, так как мысль вернулась немедленно.

++Повсюду, хозяйка. Они все вокруг нас. Они спят... но шевелятся во сне.++

Сознательным усилием Бриэль закрыла свой разум. Она чувствовала

толику безумия в мыслях астроната, холодный ужас, граничащий с сумасшествием. Ее взгляд на миг встретился с взглядом Квина, который кивнул вперед. Пока Бриэль уделяла внимание другим вещам, отряд добрался до противоположной стороны гигантского помещения. Она оглянулась, видя, что они каким-то образом преодолели невероятную дистанцию за срок, который ей казался всего пятью-шестью часами.

Бриэль стояла на самом краешке широкого разлома, с неправдоподобной точностью прорезанного в черном камне пыльного пола чуждой гробницы. Снизу, издалека исходило мертвенно-зеленое сияние -- такое же, подумала она, как свет, заливающий помещение, которое они только что прошли, однако здесь оно было более интенсивным, почти слепящим. Своды галеко вверху терялись в темноте, и Бриэль не видела иного пути вперед, нежели через гигантскую пропасть.

-- Натяните трос, -- приказала она.

Сантос Квин сделал жест одному из

бойцов, который вышел вперед и подготовил к работе тяжелый тросомет. Мужчина широко расставил ноги и нацелил устройство в точку на земле по ту сторону пропасти, примерно в сорока метрах от него.

— Огонь! — скотанговал Квин.

Тросомет выстрелил с оглушительным грохотом, будто от взрыва, который разорвал тишину гробницы. Бриэль испытала мгновенный приступ всепроникающего страха — что их вторжение наверняка заметили, что звук сейчас же навлечет на них врагов. Она озиралась, почти уверенная, что тени на черных каменных стенах сейчас явят ужасающие обличья гавным-гавно мертвых стражей. Она отбросила эту мысль, но догадывалась, что другие члены отряда чувствовали то же самое. Даже Квин бросал вокруг опасливые взгляды.

Бриэль вернул к реальности удар якоря, врезавшегося в пол по ту сторону разлома. Она смотрела, как активировался модуль на конце троса, выбросив наружу силовые крюки, которые

тут же взрылись в камень. Миг спустя питание отключилось, а клинки остались погруженными в грунт. Боец активировал механизм на своем оружии, и трос натянулся. Используя такую же систему силовых крюков, установленную в основании метательного устройства, человек закрепил его на той стороне, где стоял отряд, и отступил назад.

Бриэль двинулась к шнурку, но тут и Квин, и Хен ступили вперед, преграждая ей путь.

-- С уважением, тэм, -- сказал Хен, поклонившись, чтоб избежать нечаянного оскорбления. -- Пожалуйста, Бриэль, -- продолжал он, понизив голос, -- я не могу позволить тебе идти первой. Иначе твой отец прикажет обогреть меня трюморезами.

Бриэль подавила улыбку, несмотря на небольшое раздражение -- ей всегда было не по себе, когда другие рисковали ради нее. И все же она знала, что советник, один из давнишних друзей отца, прав. Она вежливо улыбнулась, отвечая поклоном на поклон, и отступила в сторону.

— А я, — вмешался Сантос Квин, — не могу позволить идти первым тебе, Цоахил, — воин поднял руку, пресекая любое возражение, которое мог озвучить Хен. — У меня тоже есть обязанности, которые надо выполнять.

Бриэль с улыбкой наблюдала, как Цоахил Хен обдумывал слова Квина, прежде чем также отступить в сторону, позволяя дикарю подойти к закрепленному крюками тросомету. Воин жестом приказал своим бойцам прикрывать дальнюю сторону, пока он готовится к переходу. Вытянув шнур из пояса, Квин прикрепил его к тросу и склонился над краем разлома.

Бриэль смотрела, как Квин продвигается через пропасть — поначалу медленно, потом с нарастающей скоростью. На секунду ей показалось, что зеленый свет, горящий внизу, мигнул, будто распознавая вторжение, но отбросила идею как плод фантазии, порожденный напряжением. Ее внимание привлек какой-то звук, и она бросила взгляд на агента Сета, заметив, что

астронавт что-то бурмочет под нос, шевеля обезображенным ртом, и его бессвязные слова заглушает шлем защитного костюма.

— Сем, — негромко позвала Бриэль, не желая нарушать мрачную тишину гробницы. Астронавт, похоже, не услышал голос хозяйки.

— Сем! — прошипела она сквозь сжатые зубы.

— Госпожа? — ответил Сем, наконец осознав, что к нему обращаются.

— Что с тобой, Сем? — спросила Бриэль, снова подавляя тревогу, вызванную поведением астронавта.

— Я... — агент Сем запнулся. — Я думаю, нам надо сейчас же уйти, госпожа.

— Уйти? О чем ты, Сем? Что не так?

— Это сонные, госпожа... это их сны... я не могу...

Бриэль мысленно оценила ситуацию. Астронавт, похоже, терял связь с реальностью, однако он был ей нужен для связи с кораблем на орбите, а также ради преимущества, которое его удивительные

силы могли предоставить в опасном положении. Однако сейчас, судя по всему, эти самые силы грозили ему гибелью, так как Бриэль казалось, что отзвуки сновидений давно умерших строителей этой огромной гробницы как-то воздействуют на него. Если что случится, она могла приказать кому-то из вооруженных людей обезвредить астроната, связать его и накачивать наркотиками, пока экспедиция не подойдет к концу, но это сильно навредит их работе. Она не могла себе позволить потерять астроната, но крайней мере, пока не могла.

-- Миледи? -- Квин обратился к Бриэль по вокс-каналу. Она обернулась и увидела, что человек с дикого мира благополучно преодолел пропасть. -- Миледи, я прикажу одному из своих людей следить за агентом, не бойтесь. Теперь вы можете безопасно пересечь разлом.

-- Спасибо, Сантос, -- ответила Бриэль, отметив, что один мужчина подвинулся ближе к астронату, очевидно, следуя незаметному приказу Квина. Она

приблизилась к пропасти и мгновение
постояла у самого края, глядя вниз, где под
ногами разверзались сияющие глубины.
Снова на нее нахлынуло чувство
дизориентации, которое вряд ли было
связано со страхом высоты — больше с
неявной неправильностью геометрии
гробницы. Это невозможно было точно
определить. Иногда казалось, что ни одна
плоскость не пересекается с другой так,
как следовало бы, как будто угол зрения
каким-то образом был неправилен. Сделав
глубокий вдох, она оттеснила подобные
мысли на задворки разума и вытащила из
пояса шнур. Усевшись на краю разлома,
Бриэль прикрепил шнур к якорному
тросу.

Одним движением девушка очутилась
под тросом и повисла на нем. Она
проверила, хорошо ли держится шнур,
соединяющий пояс с тросом, и,
удовлетворенная, начала подтягивать себя
вперед, через пропасть. Над собой Бриэль
увидела лишь темноту, если не считать,
что своды далеко наверху мерцали. Она
решила, что это шальные отблески

лучистых энергий, неистовствующих
вниз. Подтягиваясь все дальше, перебирая
руками, она встатривалась не в сотни —
возможно, и тысячи — метров вниз, а в
эти крошечные точки зеленого света,
мерцающие наверху, в темноте. Она
полагала, что находится уже на середине
пути через гигантский разлом, когда
заметила, что огоньки как будто
становятся ярче.

— ...сновидения... плавающее пламя...
шевелятся во сне... — слышала Бриэль
голос агента в вокс-канале и вытянула
шею, чтобы поглядеть на Квина. Взгляд
дикаря был направлен вверх, прикованный к
тем же самым зеленым огонькам, которые
привлекли ее внимание, когда она
пересекла пропасть.

Бриэль снова посмотрела вверх и
увидела, что светящиеся точки стали
двое ярче и тлели теперь прямо на нее!

— Милегу! — закричал Квин. —
Берегитесь!

Воин поднял зажатый в обеих руках
болтер, приставив его прикладом к плечу.
Отрывистый рев оружия был оглушительным.

и его выстрелы озаряли тьму слепящим
оранжевым пламенем.

Опасно зависнув на середине пути
через бездонную пропасть, Бриэль внезапно
болезненно ощутила, в насколько уязвимо
положении находится. Не было времени ни
искать цели, в которые стрелял Квин, ни
вступить с ним в бой лично. Вместо
этого она стиснула зубы и повисла на
шнуре, постепенно таща свое тело все
дальше.

Девушка сконцентрировалась на
преодолении разлома, а воздух вокруг нее
полнился вспышками света от выстрелов
крупнокалиберных дробовиков, из которых
бойцы палили во врага, невидимого для
Бриэль.

— Милегу! — услышала она и
удивилась тому, насколько близким
казался голос Квина. Бриэль остотрелась
и увидела, что каким-то образом уже
пересекла пропасть, а Квин тянет ей руку,
чтобы помочь перебраться через край. Она
глянула на протянутую перчатку, прежде
чем что-то позади него привлекло ее
взгляд.

--- Квин!

Воин оглянулся туда же, куда смотрела хозяйка, развернулся на месте и одной рукой вскинул болтер. Оружие выскочило. На таком небольшом расстоянии выстрел оказался удивительно громким, несмотря на то, что на Бриэль был надет шлем защитного костюма. Что-то взорвалось, осыпая Бриэль и Квина маленькими металлическими осколками. С облегчением Бриэль увидела, что ее костюм не пострадал -- броня защитила ее от потенциально смертоносной шрапнели.

--- Ты ранен? -- спросила она воина, который оказался ближе к взрыву, чем она.

--- Не сильно, миледи, -- ответил Квин и предостерегающе крикнул что-то одному из бойцов на другой стороне разлома.

Бриэль посмотрела через пропасть на оставшуюся часть отряда. Ее взгляду открылась сцена: бойцы выстроились полукругом, спинами к краю пропасти, с Уахилом Хеном и агентом Семом в центре. Пока бойцы стреляли вверх, в

темному, Хен пытался заставить Сета
пересечь пропасть.

В темноте над отрядом засверкали
серебристые насекомоподобные существа,
каждое чуть больше метра в длину. В
том месте, которое Бриэль сочла головой,
у каждого из них сиял зеленый свет, явно
родственный тому, что так ярко горел в
глубинах пропасти, которую она только
что пересекла. Одна из металлических
тварей спикировала на бойца, и при этом
свет у нее впереди разгорался все ярче,
пока атакующее существо не оказалось
окружено нилбот пульсирующей энергии.
Боец передернул затвор гробовика и
выстрелил в упор, однако враг уклонился и
ринулся к своей цели.

Когда атакующее существо
набросилось на человека, окружающее его
зеленое поле стало еще более
интенсивным. Наконец, когда оно
поглотило вплотную, боец крутанул
гробовик, повернул его твердой ложевой
частью вверх и ударил прямо по голове
противника. Оружие с хрустом вошло в
тело существа, и оно взорвалось зеленым

светом. Бойца отшвырнуло назад, и он упал наземь на самом краю разлома. Потеряв ориентацию, нападвшее существо упало, пролетев над лежащим навзничь человеком, и исчезло в пульсирующей бездне далеко внизу.

— На той стороне, поторопитесь! — завопила Бриэль, доставая болт-пистолет из кобуры на бедре. Сжатая оружие обеими руками, она прицелилась в ближайшего насекомообразного врага, кружившего над головой.

— Хеп! — позвала она. — Тащи сюда Сета, сейчас же!

Не дожидаясь ответа, она нагавила на спуск. Пистолет рывнул, и выстрел попал в цель — снаряд утонул во внешней оболочке тела твари. От удара та резко дернулась, но, прежде чем успела выровнять курс, разлетелась на тысячу металлических осколков. Пробив броню цели, миниатюрная взрывчатая боеголовка болта сдетонировала с летальным эффектом.

Хеп, наконец, заставил астронаута влезть на трос и помог ему

переправиться, а Бриэль и Квина продолжали обстрел, и их болты достали еще трех существ. Потом атакующие твари неожиданно улетели все как один, будто повинувась какому-то неслышному приказу.

--- Кто-нибудь ранен? --- спросила Бриэль Квина.

--- Серьезных травм нет, миледи, --- ответил воин. --- Не думаю, что эти существа были созданы для битвы.

Бриэль взглянула на Квина.

--- Поясни.

--- Миледи, мне показалось, что эти существа просто проверяли нашу защиту и возможности. Я считаю, что они были всего лишь часовыми.

--- Часовыми? --- переспросила Бриэль.

--- Часовыми, охраняющими что?

--- Это место, миледи, --- ответил Квин. --- Они охраняют гробницу от посягательства. От осквернения.

--- От воров, --- закончила Бриэль, позволив себе сухую утешку.

--- Они уже близко, госпожа... разве ты

их не слышишь? — бормотал Сем рядом с Бриэль. Отряд продвигался через лабиринт узких ходов. Несмотря на все усилия, астронавт начинал выводить ее из себя, однако она знала, что едва ли сможет что-то с этим сейчас сделать.

— Что ты слышишь? — отозвалась Бриэль.

— Пожалуйста, Сем, говори ясно.

— Я слышу их...

Бриэль обернулась на ходу и увидела, что Сем ведет вытянутой рукой по стене, и его нечувствительные, затянутые в перчатку пальцы следуют за сложными узорами, покрывающими каждую поверхность.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Бриэль, зная, что вряд ли получит связный ответ, но желая удержать астронавта от погружения в полное безумие.

— Все это связано, госпожа... все это. Они почти не видят сны, хозяйка, не так, как мы...

Бриэль покачала головой и снова обратила взгляд на путь впереди. Проходы, по которым двигалась группа людей, были узки и темны, и их освещал лишь зеленый

свет, источаемый бесконечными потоками чужацкого текста, бегущими по стенам. Она старалась не слишком вглядываться в него. Для нее эти объединенные круги и линии складывались в узлы и звенья, описывали иерархии и последовательности, говорили о владычестве чужаков и процессах, в которых не было места человеческой расе.

Она снова пототала головой, на сей раз, чтобы очистить ее от странных видений, которые закрадывались в сознание всякий раз, как она слишком долго смотрела на узоры стен.

-- Сем, -- сказал Бриэль. -- Не касайся руками стен...

-- Нам нужно уйти, -- объявил астронавт, встав как вкопанный. -- Хозяйка, нам нужно немедленно повернуться назад.

Бриэль остановилась и обернулась к астронавту, готовая отчитать или приказать усыпить его. А затем она уловила эхо, звук, доносившийся оттуда, откуда пришел отряд.

-- Это в пронасти, миледи, -- сказал

Квин, когда она повернулась к нему, ожидая его мнения. -- Существа-часовые.

-- Это они! -- взвизгнул Сем и развернулся, словно собираясь бежать.

-- Взять его, -- приказала Бриэль. Квин сделал жест ближайшему бойцу, который зашел за спину астронауту и схватил его под локти.

-- С чего бы часовым начать действовать снова? -- спросила Бриэль, не ожидая ответа от кого-либо из своих слуг. Она обменялась взглядом с Сантосом Квином. Тот поднял болтер и пошел дальше по туннелю. Девушка секунду помедлила, внимательно прислушиваясь к последним отзвукам эхо, отдававшимся позади и постепенно стихавшим. Прежде чем выбросить из головы эту мысль и последовать за Квином, она на миг представила, что часовые могут снова напасть.

Оставив темный, исчерченный знаками проход позади, Бриэль вошла в огромный круглый зал. Над ним возвышались сотни многоярусных галерей,

зротоздившихся огна на дръзю, и самы
высокие из них терялись в темноте далеко
наверху. По каждому ярусу тянулся ряд
ниш, в каждой из которых стояла тускло
поблескивающая человекоподобная статуя.

— Уоахил? — позвала Бриэль.
Советник подошел к ней и встал рядом. —
Что думаешь?

Хен скользнул взглядом по
необъятному помещению, оценивающе
остотрел галереи наметанным глазом.

— Я никогда ничего подобного не
видел, лэл, — ответил он. — Но я могу
назвать полдюжины картелей, которые
заплатят целое состояние за одну такую
вещь.

— В точности мои мысли, — сказала
Бриэль с широкой усмешкой, которая была
довольно неуместна на губах дочери
владельца Торгового Патента, и подошла
к ближайшей статуе. Она встала перед
металлической фигурой, видя, что той
явно придали форму некоего
скелетоподобного воина, чье лицо
представляло собой непроницаемую,
похожую на череп маску смерти. Он

прижимал к широкой ребристой груди что-то, что без сомнения было оружием.

--- За катакомбами Скарда приставляли металлические могильные стражи, --- вслух подумала Бриэль, с упоением вспоминая экспедицию в подземные склепы того обреченного мира двукратно ранее. Тогда они купили клану целый мир.

--- Это так, мэм, --- отозвался Хен, стоящий подле хозяйки. --- Но они были отлиты из чистого родия. А эти выглядят...

--- Механическими? --- перебила Бриэль. Она осмотрела многочисленные кабели и трубки, которые вели от отверстий в нишах к различным точкам на теле статуи. Не подергивался ли один из этих кабелей? --- Это не просто погребальный инвентарь. Тут работает какая-то технология ксеносов...

--- Они спят... --- донеслись до Бриэль всхлипывания агента Сета. Астронавты держали двое бойцов, однако он продолжал бормотать бессвязную, льющуюся потоком чепуху. --- Нам надо уйти! --- взревел Сет, и

его голос долгие секунды отражался от
высоких галерей.

-- Усыпите его сейчас же! -- приказала
Бриэль удерживавшим его бойцам.
Извинения она прибережет на потом, когда
отряг снова окажется на корабле, а трюм
будет набит ксенотехом.

Затем зал наполнил голос:

-- Вы верно поступите,
прислушавшись к его словам.

В тот же миг Сантос Квин оказался
рядом с хозяйкой, поднял оружие и начал
осматриваться, ища источник голоса.
Одним жестом он отдал бойцам приказ
сформировать защитное кольцо вокруг
Бриэль, Сета и Хена. Приподняв визор
шлема, Бриэль крикнула в темноту:

-- Кто обращается ко мне? -- при
этом она медленно поворачивалась,
выискивая хотя бы следы того, кто
говорил.

-- К тебе обращаюсь я, -- пришел
ответ. Голос имел странный мелодичный
тон, не человеческий, но и не полностью
чуждый. Бриэль проследила источник
звуча и увидела, как высокая фигура

выходит из темного портала на другой стороне зала.

— Мы заявляем свое право захвата на это место! — выкрикнула Бриэль, направляясь к центру помещения. Ее люди нацелили оружие на пришельца. — Уходи, или пожалеешь о последствиях.

— Последствиях? — донесся ответ. Из затемненной арки вперед выступил силуэт. В уме Бриэль начало зарождаться подозрение. — Жалкие идиоты, — сказал он, каждое его слово сочилось презрением. — Вы воистину не имеете представления о своей глупости. Даже когда галактика обращается в пепел вокруг вас, вы тонете в собственной грязи, таща все мироздание вместе с собой.

— Такое высокомерие можно услышать лишь в словах эльгара, — ответила Бриэль, ныне уверенная в происхождении чужака. Она остановилась в середине зала и положила руки на бедра, незаметно облекая себе доступ к кобуре с болт-пистолетом и ножнах цепного клинка.

Фигура приблизилась и застыла

прямо напротив Бриэль. Цинтуция не обманула ее. Перед Бриэль стояло высокое, гибкое человекоподобное существо, одетое в глинный плащ из изменчивой, хателеоноподобной ткани. За спиной у эльгара была глинная винтовка, что — если Бриэль и нуждалась в подсказке — говорило о его кастовой принадлежности.

— Следопыт? — спросила Бриэль, надеясь сбить пришельца с толку своими познаниями его расы. Говоря, она насчитала еще троих чужаков, ожидавших в тенях недалеко позади него.

— Устинно так, — парировал эльгар, почти незаметно кивнув. — Если ты владеешь знанием о моей расе, тогда знаешь, как глупо пренебрегать нашим предупреждением. Покиньте это место. Сделайте так, как молит ваш провидец. Он видит истину, в то время как вы ослеплены корыстолюбием.

В груди Бриэль вскипел гнев, и она, наставив на эльгара палец, устремилась к нему. Ее бронированный сапог наткнулся на какой-то объект, лежащий на пыльном полу.

— Я знаю, что вы говорите загадками. Я знаю, что вы лжете. Я знаю, что вам нельзя верить, — выплюнула она, тыча пальцем в эльгара. — Я знаю, что вы готовы убить миллион людей, если ваши колдуньи предскажут, что это спасет одного из вас от сломанного ногтя!

— И что с того, дитя? — желчно ответил эльгар, игнорируя колкость, но хорошо понимая, что имела в виду Бриэль. — Мой народ взирал на рождение и смерть богов, когда твой егва только выполз из грязи, породившей вас. Что толку от разума, что толку от мудрости, когда вы ищете лишь своего уничтожения, и нет вам дела до того, что галактика сгорит вместе с вами?

— Снова ложь, — резко возразила Бриэль. Она бросила взгляд на вещь у своих ног. Полутопленный в пыли веков, там лежал изукрашенный посох, и слабое зеленое свечение исходило из венчавшего его клинка. — Еще больше слов, прикрывающих ваш собственный высокомерный эгоизм.

— Я повторяю, — произнес эльгар,

следующим взглядом за взглядом Бриэль, к
посоху на полу. -- Если вы ничего не
потревожите, то можете остаться в
живых. Все мы можем...

-- Ты смеешь угрожать мне? --
перебила Бриэль. -- Ты смеешь мне
приказывать что-то делать?

Она наклонилась и подняла посох. Тот
был тяжелым и холодным.

-- Я буду тревожить все, что захочу,
ксенос.

-- Нет! -- вскричал эльдар. Все его
высокомерие развеялось. Чужак огляделся,
будто ища что-то среди галерей, его
раскосые глаза расширились от страха. Он
потянулся к глинной винтовке,
закрепленной на спине.

Прежде чем Бриэль успела
отреагировать, воздух вокруг нее рассекли
выстрелы дюжины орудий, стрелявших как
одно. Эльдар пошатнулся, его тело
задержалось, принимая в себя залп за
залпом. Мгновение спустя оставшиеся
чужаки открыли ответный огонь, обрушив
град беззвучных, однако смертоносно
точных снарядов.

Резко вскинув правую руку, Бриэль выпустила смертоносный заряд одного из своих миниатюрных оружий, которые она носила в виде вычурных, но несущих гибель колец. Оттуда вырвалась струя хитической жидкости и вспыхнула, стрелой летя к ближайшему из спутников эльгара. Тот увидел опасность и откатился в сторону, так что полыхающее жидкое пламя расплескалось невдалеке от него. Мгновение Бриэль проклинала свою неудачу, так как в кольце помещался только один заряд. Но затем единственная капелька огненной жидкости отлетела в сторону и попала на развешивающийся хателеоновый плащ эльгара. Прежде чем он осознал угрозу, его поглотил голодный огонь.

С холодной внешней беспощадностью, скрывавшей внутреннее отвращение, Бриэль вытащила болт-пистолет, спокойно навела его на живой факел и вознала снаряд в череп несчастного, прекратив его страдания.

Еще не затих отзвук приглушенного грохота болта, с которым тот взорвался в

голове эльдара, а залп чужацкого огня уже рассеял воздух вокруг нее. Бриэль нырнула в сторону, все еще сжимая в руках посох. Она упала на пыльную землю, перекадилась, поднялась в боевую стойку и увидела, что перестрелка уже завершилась. Чужаки, которые стреляли в нее, лежали мертвыми или смертельно ранеными, а тот, кого она убила потайным огнеметом, был испепелен.

Несколько ее слуг корчились на земле, давясь криками боли от ран, которые выглядели не более чем булавочными уколами, однако, как она знала, наверняка наносившими ужасные повреждения внутренним органам.

— Ксенос! — крикнул Хен. — Он еще жив, тэм, берегитесь!

Бриэль бросила взгляд в центр помещения и увидела, что эльдар лежит в быстро расширяющейся луже собственной крови. Голова была приподнята на напряженной шее, и он смотрел прямо на нее. Видя, что утирающий чужак почти не представляет опасности, Бриэль поднялась, опираясь на чужеродный посох.

— Послушай меня, человек, — прокашлял эльгар, со словати с его губ слетали капли крови. — Если вы сейчас же покинете это место, то, возможно, избежите катастрофы, которую даже не можете себе представить.

Подойдя к лежащему чужаку, Бриэль посмотрела вниз, на его искаленное тело. Из какой-то галереи далеко наверху донеслось шипение сбрасываемых газов. Она опустилась на колени рядом с эльгаром и склонилась, чтобы услышать его последние слова.

— В этой вселенной есть силы, о которых вы ничего не знаете, — прошептал эльгар, обводя угасающим взором самые высокие галереи зала. — Разумы, что спали на протяжении эпох, снова обращают свое внимание к нам...

Позади Бриэль раздался резкий, клекочущий стех, и ее поразило ужасное осознание того, что брег агента Сета может содержать крупицу правды.

— Что за силы? — спросила Бриэль. — Что за умы?

Она быстро повернула голову,

подумав, что уловила движение в одной из ниш неподалеку.

-- Миледи... -- начал Квин.

-- Подожди! -- перебила Бриэль, понимая, что жизнь эльгара угасает у нее на глазах, и зная, что должна услышать то, что он хотел ей сказать. -- Скажи мне, -- потребовала она.

-- Ваша раса узнает со временем, -- ответил эльгар и закашлялся. Из рта на грудь хлынула кровь. Где-то совсем близко раздалось громкое шипение, отчего Бриэль бросила взгляд на ближайшую нишу и скелетоподобную статую в ней. -- Но ты... -- чужак трачно улыбнулся окровавленными губами, не отрывая взгляда от снова повернувшейся к нему Бриэль, -- ты узнаешь это очень скоро...

Прежде чем эльгар смог закончить предложение, пыльная земля, на которой он лежал, осела под ним. Бриэль, застыв от страха, увидела, как эльгар погружается в пыль. Глаза чужака расширились от ужаса, когда он осознал свою судьбу. Мир спустился вниз просела часть пола в три метра в поперечнике, а затем в нем разверзлась

широкая круглая дыра. Эльдар обрушился
вниз и исчез вместе с каскадом пыли.

--- Миледи! --- крикнул Квин. Бриэль
установилась в темное отверстие,
раскрывшееся прямо перед ней, а потом
повернулась к Квину:

--- Что?

В ответ дикарь только бросил взгляд
на ближайшую нишу. В ней горела пара
зеленых огоньков. Приглядевшись, Бриэль
поняла, что это ожили глаза
металлической статуи. Она посмотрела
вверх, поворачиваясь, чтобы увидеть ряды
галерей, которые опоясывали помещение
снизу и до самой темноты далеко вверху.
В каждой из тысяч ниш тускло мерцали
двойные огоньки.

Бриэль выхватила болт-пистолет.
Откуда-то издалека, из-под земли, на
которой она стояла, донеслось
инфразвучное гудение. Перед ней возникло
яркое зеленое свечение, исходящее
темной дырой в центре зала. Она сделала
шаг назад, а слуги встали у нее по
сторонам, подняв оружие.

--- Мэм, я настаиваю, чтобы мы... ---

начал Хен.

-- Знаю, -- оборвала Бриэль. Ее наполнял гнев, смешанный с холодным ужасом. В считанные мгновения мечты о богатствах, которые могло принести это место, испарились, сменявшись диким инстинктивным желанием попросту выжить. Девушка запоздало осознала, что острый конец посоха, который она все еще сжимала в руке, теперь испускал резкий свет, а его рукоять внезапно похолодела, так что это чувствовалось даже через перчатку защитного костюма.

А затем из отверстия в полу вырвалась колонна ослепительного зеленого сияния. Крупницы летающей в воздухе пыли блестели, будто заточенные внутри светового столба. Низкое гудение стало громче, и земля теперь ощутила угрозу.

-- Назаг! -- крикнула Бриэль.

Воздух пронзил вопль, почти оглушающий даже при том, что звук, исходящий из грожащей земли, неуклонно усиливался. Бриэль обернулась и увидела, что агент Сем согнулся пополам.

прижатая обе руки к шлему, как будто тщетно пытался прикрыть уши. Раздался рев болтера Квина, и она повернулась обратно, к колонне зеленого света.

Внутри этого столба поднималась некая фигура. С первого взгляда Бриэль различила лишь ее гуманоидное тело, закутанное пульсирующим световым нитбом. Когда фигура поднялась выше, девушка увидела, что та парила, будто бы ее поддерживал на весу сам свет. Существо было огромно, не меньше трех метров в высоту, а тело его представляло собой металлический скелет, закутанный в тряпье, которое как будто шевелилось под воздействием невидимого течения.

— Уходим, — скомандовала Бриэль. Фигура поднялась уже на десять метров над отверстием. — Сейчас же!

Прежде чем слуги успели отреагировать, глаза этого существа внезапно ожили, запылав тем же зеленым светом, как тот, который сиял в глазах статуи, однако в сто раз ярче. Его голова — маска смерти — повернулась, будто оно проснулось и обратило внимание

на то, что было перед ним.

Этот ужасный взгляд сперва остановился на съезжившемся теле агента Сета. Астронавт снова завизжал, и его стошнило в шлем, так что лицо скрылось под потоками жидкостями. Глаза скелетоподобной фигуры вспыхнули еще ярче, и из шлема астронаута донесся громкий хруст. Внутренняя поверхность визора мгновенно окрасилась в ярко-красный цвет свежей крови с серыми крапинами мозгового вещества. В этот момент Бриэль смотрела, как тело Сета безжизненно повалилось наземь, подняв вокруг себя огромное облако пыли.

Выйдя из неподдельного шока, Бриэль подняла болт-пистолет и трясущейся рукой навела его на голову существа. Выдохнув бессловесную молитву Императору, чтобы тот направил выстрел, она нажала на спуск. Снаряд угодил противнику точно в середину металлического лба, однако взорвался, не оставив ничего, кроме черного пятна, отмечающего место попадания. Существо, похоже, даже не заметило ее атаки.

Миг спустя Квин в ярости проревел проклятье на языке его родного дикарского мира. Воин поднял болтер и в считанные секунды разрядил во врага весь магазин. Несколько дюжин болт-снарядов -- любого из них хватило бы, чтобы превратить обычное тело в кровавые ошметки -- без всякого вреда отразились от возвышающегося над ними металлического тела.

-- Квин! -- рявкнула Бриэль, перекрикивая оглушительный грохот гробовиков, присоединившихся к обстрелу. -- Бесполезно! Мы отступаем!

Но воин дикого мира, похоже, не слышал слова хозяйки, или же, возможно, его охватило некое варварское смертельное безумие. Бриэль дотронулась до его плеча, но он сбросил руку, перезаряжая болтер.

-- Беги! -- прокричал Квин.

Бриэль хотела повторить приказ, но дикая ярость в глазах Квина сказала ей, что это будет бесполезной тратой слов.

-- Я дал клятву, -- сказал воин. Глаза ярко сверкали на татуированном лице. --

Я обещал твоему отцу... Пожалуйста, миледи, позвольте мне сдержать слово.

Оглядываясь по сторонам, Бриэль увидела, что металлические статуи в нишах первого яруса ожили и уже двинутся к центру помещения. Она понимала, что Квин надеется выиграть ей время для побега ценой собственной жизни. На мгновение Бриэль задумалась, не приказать ли ему отступить, не взмолиться ли, чтобы он отступил — но знала, что ни то, ни другое не сработает. Не в силах говорить, она кивнула воину в немой благодарности, сжимая болт-пистолет в одной руке, а сверкающий посох — в другой. Частица ее разума молилась, чтобы самопожертвование воина стоило того, и смерть его была благородной.

— За мной! — выкрикнула Бриэль, отступая к проходу. Рядом с ней появился Шоахил Хен с поднятым перед собой лазпистолетом, мгновение спустя за ним последовала дюжина бойцов. Под звуки болтера Квина, снова открывшего огонь, она повернулась, чтобы бежать к проходу.

Металлический воин преградил ей

туть. Инстинктивно девушка выхватила болт-пистолет и открыла огонь с расстояния считанных метров. В тот же миг ее примеру последовали спутники, и враг отступил назад под прицельным огнем, болт за болтом врезающимся в скелетоподобное тело.

На миг Бриэль ощутила страх, что металлическая плоть этого противника окажется столь же неуязвима, как у той, более крупной фигуры, парящей в колонне зеленого света. Она всем сердцем возрадовалась, увидев, как из его груди жаростно брызнули искры, за которыми секунду спустя последовал небольшой взрыв.

— Еще! — приказала она, всаживая еще три болт-заряда в грудь врага. Бойцы вгоняли в него выстрел за выстрелом, отбрасывая его все дальше.

И тут металлический скелет разлетелся на части, разорванный взрывом глубоко в бронированной грудной клетке. Острые металлические осколки копьями полетели во все стороны, при этом один из них разбил бронированный визор шлема Бриэль и оставил глубокий порез на лбу.

Хотя кровь из раны заливала ей глаза, она бросилась вперед и, почти достигнув входа в тоннель, обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на битву.

Выпустив в парящую фигуру еще две дюжины болтов, Квин снова перестал стрелять. Он выбросил опустошенный серповидный магазин, и фигура обратила на воина взгляд, будто впервые заметив его присутствие.

Квин загнал в оружие новый магазин и взглянул вверх, в горящие глаза врага. Фигура вытянула костлявую металлическую руку, вокруг нее заметались обтрепанные полосы ткани, как будто на эфирном ветру. Когда Квин снова поднял болтер, искаженное татуированное лицо в гримасе ярости, ладонь существа вспыхнула пульсирующим зеленым светом.

Воин с дикого мира содрогнулся, болтер упал на пол к его ногам. Бриэль выкрикнула его имя, но было слишком поздно. Защитный костюм Квина словно растаял у нее на глазах. Сначала пропали пластины брони, как если бы кто-то слой

за слоем сдирал с него металл. Затем
исчезла и ткань, открыв взгляду
матюрованное тело воина. На мгновение
Квин оказался обнаженным перед
металлическим демоном, возвышавшимся
над ним, а потом покрывавшие его тело
матюровки исчезли. Мигом позже за
ним последовала кожа.

Пыльный воздух погребального зала
прорезал предсмертный вопль Квина, от
которого кровь стыла в жилах — его кожа
растаяла, обнажая красные мышцы. Слой
за слоем плоть сходила с него, распадаясь
на атомы и обращаясь в ничто под
ужасающим воздействием зеленого
излучения. В конце концов, остался
стоять лишь скелет Квина, очерченный
сверкающим светом зеленого луча, а
спустя мгновение исчез и он, вплоть до
костного мозга обратившись в прах,
который развеял сверхъестественный
ветер.

Прежде чем Бриэль успела
отреагировать, парящее чудовище ожило
полностью, выступив из колонны зеленого
света и опустившись на пыльный пол с

такой силой, что тот согрознулся. Единым движением несколько тысяч его скелетоподобных слуг побежали вперед, и те, что были на первом уровне, окружили Бриэль и ее спутников. Стоя лицом к лицу с неизбежным, но не желая утираться покорно, Бриэль глубоко вдохнула и подняла болт-пистолет, в последний раз бросая вызов врагам.

Прежде чем она успела что-либо сделать, металлическое чудовище широкоими шагами пересекло помещение и встало рядом с Бриэль, возвышаясь над ней. Палец на спуске болт-пистолета напрягся. Оно посмотрело на нее пылающими зелеными глазами и вытянуло руку. Бриэль, скрепя сердце, ожидала той же судьбы, что постигла Квина, и ее кожу словно обожгло предчувствием столь же ужасного конца.

Но вместо этого рука из металла вспыхнула зеленым пульсирующим светом и сделала жест. Дыхание Бриэль перехватило, и она на мгновение расслабила палец на спуске. Ум быстро заработал, пытаясь расшифровать знак

существа.

И тут она поняла. Металлический дедон требовал отдать ему посох, который она все еще сжимала в левой руке.

--- Ты этого хочешь? --- прорычала она, собираясь с силами и крепче упираясь ногами. --- Ну так получи!

Титаническим усилием Бриэль метнула посох во врага. Клинок вспыхнул зеленым, рассекая пространство между ними, едва не ослепив ее. С невероятной точностью наконечник ударил фигуру скелет в середину грудной клетки, пробив броню, которая оказалась непроницаемой для десятков болтерных снарядов. Наружу вырвался луч зеленого света, раздался пронзительный механический вой, и посох продолжил движение, утонув в груди существа по самую рукоять.

Скелетообразное чудище замерло, пронзенное насквозь собственным оружием, и ослепительный свет теперь расходился от раны во всех направлениях. Оно стояло, неспособное пошевелиться, его адский лик --- маска смерти --- взирал на Бриэль, а потом существо задержалось, словно в

агонии. На мгновение Бриэль ощутила невыразимую ненависть поистинности костического тасштаба, обращенную на нее, и познала свою полную, душераздирающую ничтожность пред этой невероятно древней злобой. А затем, по прошествии мига, она смогла отвести взгляд от этого поразительного зрелища.

Воины-скелеты по всему залу, похоже, замедлили наступление, будто разделяли боль, причиненную Бриэль их повелителю. Она поняла, что это шанс для побега, и вцепилась в него изо всех сил.

— Хеп! — закричала она, перекрывая гьявольский металлический вой, издаваемый пронзенным гигантом. — Собирай людей. Все, хватит с меня этой гробницы!

Бриэль стояла на мостике «Ясного Света» рядом с Уоахимом Хепом. Рану на ее лбу уже обработали, а правая рука Хепа висела на перевязи.

— Это было довольно рискованно, — безучастно произнес Хеп.

Бриэль приподняла бровь, услышав

это преуменьшение, и повернулась лицом к советнику.

-- Да, Уоахим, -- ответила она. -- У немало нам стоило. Сантоса бюджет не хватать. Но, -- продолжала она, -- все это, возможно, было не впустую.

Хен резко развернулся к хозяйке. В грубых чертах его лица читалось предчувствие беды.

-- Мэм... -- начал он.

-- Не волнуйся, Уоахим, -- Бриэль улыбнулась и подняла руку, заранее пресекая нетинуемое возражение тому, что она собиралась сказать. -- Если следопыт сказал правду, то таких мест, таких гробниц по всей галактике должно быть гораздо больше, -- она кивнула на иллюминатор, в котором виднелась пуста космоса. -- Только подумай, Уоахим. Только подумай. Мы смогли проникнуть в эту гробницу и даже не знали, что нас ожидает.

-- Мэм...

-- Рядом с этим местом Скард выглядит, как рынок находок в нижнем ярусе, -- ухмыльнулась она. -- Только

подумай, что дадут Механикус, чтобы
наложить руки на эту технологию. Они
выложат все, что угодно, чтобы изучить
хотя бы одного из тех механических
воинов... что, если нам удастся заключить
контракт с каждой их кузней, по образцу
каждой, с эксклюзивным правом...

--- Бриэль! --- воскликнул Хен. --- Твой
отец выстрелит мной из торпедного
аппарата, если я позволю тебе...

--- В следующий раз, --- нагавила
Бриэль, и в глазах ее появился озорной
огонек, --- мы будем знать, что ждет нас.

Внезапно почувствовав, что ей не
хватает дыхания при мысли о богатстве,
которое она может принести своему дому,
Бриэль продолжила:

--- В следующий раз, Уоаким, никакие
чванливые эльгары не вмешаются в нашу
работу. В следующий раз мы получим все...